91(C)1
C-42P

Кт

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Ельчицкие 14/XI 72

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

Колич. предыд. выдач_____

174383

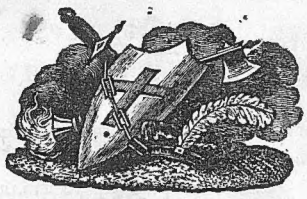
НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

9(c)13

174383

9(с)1
С421
Э5

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННИКОВЪ
О
ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.



Изданіе второе.

49

Часть III.

Записки Маржерета
и
Президента де-Ту.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.
1837.

Межбиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 13 Іюля, 1837 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

МАРЖЕРЕТЪ.

Маржеретъ—*Margeret*,—родомъ Французъ, Капитанъ иноземныхъ тѣлохранителей Бориса Годунова и Димитрія Самозванца, около шести лѣтъ съ честію служилъ въ Русскомъ войскѣ. Уже до прибытія въ Россію, онъ прославился въ Европѣ рѣдкимъ удальствомъ и воинскими дарованіями: сражался подъ знаменами Генриха IV во Франціи, бился съ Турками въ Трансильваніи и Венгріи; служилъ Королю Польскому и Императору Римскому; наконецъ въ 1600 году, по приглашенію нашего посланника Власьева, пріѣхалъ въ Россію. Борисъ Годуновъ поручилъ ему отрядъ иноземныхъ всадниковъ и нашелъ въ немъ слугу вѣрнаго: въ битвѣ Добрынской съ Димитріемъ Самозванцемъ, когда отчаянная храбрость Поляковъ разстроила главную рать нашу, Капитаны Маржеретъ и Вальтеръ фонъ-Розенъ, по словамъ Бера, съ крикомъ Hilf Gott (помоги, Боже), устремились на Самозванца и вырвали побѣду изъ рукъ его. Ободренные Россіяне также воскликнули Hilf Gott, снова сразились и раз-

сѣяли Поляковъ. Скромный Маржеретъ приписываетъ славу побѣды неустрашимости Русскаго пѣхотнаго отряда, хотя мы знаемъ достовѣрно, что Борисъ, награждая Воеводъ, изъявилъ какъ ему, такъ и Розену, особенную благодарность.

По смерти Годунова, онъ вмѣстѣ съ прочими покорился Самозванцу, который, овладѣвъ престоломъ, учредилъ для себя охранительную стражу изъ разныхъ иноплеменниковъ, наиболѣе Нѣмцевъ, и первую роту оной поручилъ *Капитану* Маржерету. Вооруженные бердышами, съ золотымъ Царскимъ гербомъ на древкахъ, обтянутыхъ краснымъ бархатомъ и увитыхъ серебряною проволокою, тѣлохранители сей роты получали столь хорошіе оклады, что могли носить дорогія бархатныя одежды, обшитыя золотымъ позументомъ. Лжедимитрій изъявлялъ Маржерету особенную милость, разсматривалъ съ нимъ сокровища своей казны, бесѣдовалъ о Франціи, о Генрихѣ IV, и—вѣроятно восхищенный его разсказами,—такъ плѣнился славою Генриха, что нетерпѣливо желалъ познакомиться съ симъ великимъ Государемъ.... Ударъ Шуйскаго разсѣялъ его мечты.

Шуйскій, низринувъ Самозванца, разогнавъ всѣхъ приверженцевъ его, не тронулъ Маржерета, и сколько можно догадываться я, желалъ удержать его при себѣ: храбрый Капитанъ не хотѣлъ служить новому Царю, и въ концѣ 1606 года удалился во Францію, для свиданія съ родными, получивъ впрочемъ отъ Шуйскаго щедрый подарокъ.

Вскорѣ онъ снова появился въ Россіи, ознаменовалъ себя мужествомъ необыкновеннымъ, но очернилъ прежнюю славу недобрымъ поступкомъ: онъ присталъ къ Вору Тушинскому, и вмѣстѣ съ симъ негодяемъ безъ пощады поражалъ Россіянъ, вѣрныхъ своему отечеству. Отъ Вора Тушинскаго онъ перешелъ къ Полякамъ, поступилъ въ роту Борковскаго, съ званіемъ Поручика, и подъ знаменами Жолкѣвскаго, участвовалъ въ Клушинской битвѣ. — По взятіи Поляками Москвы, въ слѣдствіе избранія Владислава Царемъ, Маржеретъ вступилъ въ сію столицу и нашелъ случай оказать Полякамъ важную услугу: болѣе полугода Москвитяне ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія новаго Царя, Королевича Владислава; наконецъ, раздраженные обманомъ Сигизмунда и свое-

воліемъ Ляховъ, 19 Марта 1611 года, по гласу Патріарха Ермогена, они возстали на своихъ злодѣевъ. Вся Москва незапно вооружилась и ужасная сѣча закипѣла. Малочисленный отрядъ Королевскаго Намѣстника Гонсѣвскаго (7,000 человѣкъ), тѣснимый Княземъ Пожарскимъ и озлобленными жителями столицы, утратилъ всю надежду на спасеніе, заключился въ Китаѣ-городѣ и уже обрекъ себя на гибель неминуемую, когда подоспѣлъ къ нему на помощь Маржеретъ и отразилъ торжествующихъ Россіянъ. Ободренные его неустрашимостію, Поляки были непобѣдимы и сражались, какъ львы, до глубокой ночи; между тѣмъ Москва со всѣхъ сторонъ запылала: жители разсѣялись, чтобы тушить огонь, а Князь Пожарскій, покрытый язвами, не могъ возобновить битву— и отступилъ. Россіяне такъ были поражены сею неудачею, что Гонсѣвскій болѣе года могъ держаться въ Москвѣ! Маржеретъ, между тѣмъ замѣтивъ, что Полякамъ не устоять противъ цѣлой Россіи, въ 1611 году удалился къ Сигизмунду и получилъ отъ него въ награду мѣсто въ Королевскомъ Совѣтѣ.

Вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ

явился въ Гамбургѣ, откуда въ 1612 году просилъ дозволенія у нашихъ Бояръ пріѣхать въ Архангельскъ, изъявляя готовность оборонять Россію отъ Поляковъ и Литовцевъ. Подозрѣвая, что его подослалъ Сигизмундъ съ злымъ намѣреніемъ, Русское Правительство спѣшило снабдить сей городъ стражею и оставило безъ отвѣта Маржеретову просьбу. Чрезъ нѣсколько времени, онъ снова предложилъ Россіи свои услуги, вмѣстѣ съ иностранцами Фрейгеромъ Эстономъ, Гилемъ и другими. На просьбу сихъ послѣднихъ, въ Августѣ 1612 года, отвѣчалъ Пожарскій отъ имени Земской Думы, слѣдующимъ образомъ: »Благодаримъ васъ, Господа Капитаны, за ревность и усердіе къ нашему отечеству; съ признательностію пріимемъ ваши услуги, если враги станутъ одолѣвать насъ; нынѣ же наемные ратники и Воеводы намъ ненадобны: всѣ чины Русскаго Государства, за разумъ, правду, дородство и храбрость, избрали къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ Стольника и Воеводу Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго Стародубскаго; всѣ Россіяне жертвуютъ и жизнію и имуществомъ за православную вѣру; мы служимъ отечеству

безъ жалованья, сражаемся съ врагами неутомимо, бьемъ Поляковъ и очищаемъ отъ нихъ Московское Государство. Дивимся только тому, что вы приняли себѣ товарищемъ Француженина Якова Маржерета, который недавно проливалъ Христіанскую кровь злѣе самыхъ Литовцевъ, а теперь вздумалъ помогать намъ противъ своихъ друзей, Поляковъ! Зачѣмъ явился въ вашей землѣ сей клевретъ Сигизмундовъ? Намъ казалось, что ему, за его неправду, нигдѣ, кромѣ Польши, мѣста не будетъ.«

Къ чести Маржерета замѣтимъ, что подозрѣніе Бояръ едва ли было основательно: по крайней мѣрѣ, въ письмѣ своемъ къ Англичанину Мерику *) онъ жалѣлъ о бѣдствіяхъ Россіи и, кажется, искренно желалъ оказать ей услугу,— желалъ тѣмъ болѣе, что въ Россіи, подъ знаменами Пожарскаго, открывалось блестящее поприще его мужеству и воинскимъ дарованіямъ. Что дѣлалъ онъ въ послѣдствіи, въ какой битвѣ положилъ свою буйную голову, мы не знаемъ. Но имя его никогда не изгладится изъ нашихъ Лѣтописей: въ двухъ дѣлахъ достопамятныхъ

*) См. ниже, прим. 93.

онъ является главнымъ Героемъ — въ битвѣ Добрынской и разрушеніи Москвы. Еще болѣе онъ пріобрѣлъ права на вниманіе не только Россіи, но и всей Европы, любопытнымъ сочиненіемъ о нашемъ отечествѣ: по смерти Лжедимитрія I, возвратясь во Францію въ концѣ 1606 года, съ богатымъ запасомъ свѣдѣній о Россіи, Маржеретъ разсказывалъ о ней многія подробности знаменитому Историку де-Ту и Государю своему Генриху IV, увѣряя того и другаго, что мнимый Димитрій былъ сынъ Іоанновъ. Генрихъ слушалъ храбраго Капитана съ живѣйшимъ любопытствомъ и хотѣлъ, чтобы онъ описалъ наше отечество. Исполняя Королевскую волю, Маржеретъ издалъ въ 1607 году весьма рѣдкую нынѣ книгу: *Состояніе Россійской Державы въ началѣ XVII вѣка.* *)

---

*) Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. jusques en 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margerét. Paris. 1607. Сія книга перепечатана въ 1669 году, безъ малѣйшей перемѣны, со всѣми орѳографическими ошибками, затемняющими нерѣдко самый смыслъ подлинника. Третье подобное изданіе вышло въ 1821 году, подъ надзоромъ Клапрота.

Въ семъ сочиненіи авторъ разсказываетъ все, что онъ могъ припомнить о Россіи, съ откровенностію солдата, съ любезностію и легкомыслiемъ Француза; описываетъ пространство Русской Державы, качество почвы, произведенія, нравы и обычаи, разные обряды церковные, гражданское устройство, образъ правленія, Государственные доходы, Царскія сокровища, монету, войско, дѣла Іоанна IV, Бориса Годунова, Димитрія Самозванца; наконецъ приводитъ разныя мнѣнія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ и старается доказать, что этотъ обманщикъ былъ сынъ Іоанна Грознаго.

Судя по слогу, можно думать, что авторъ никогда не бесѣдовалъ съ Музами: онъ провелъ свою жизнь въ битвахъ, въ лагеряхъ. Но Природа, одаривъ Французовъ способностью разсказывать все имъ знакомое живо, занимательно, не забыла и Маржерета, давъ ему быстрый смыслъ, вѣрный взглядъ. Вотъ почему сочиненіе сего Капитана для насъ драгоцѣнно! Онъ не могъ, подобно ученому Герберштейну, разсматривать предметы со всѣхъ сторонъ взоромъ наблюдателя опытнаго, глубокомыслен-

наго; но, зная хорошо Россію, умѣлъ ловить самыя рѣзкія черты, и живо описывать, что видѣлъ. Его извѣстія о Русскомъ Дворянствѣ, о свадебныхъ обрядахъ, о Царскихъ пиршествахъ, объ устройствѣ нашего войска, о набѣгахъ Татаръ, такъ вѣрны и выразительны, что и въ наше время они украсили бы сочиненіе образованнаго путешественника. Сверхъ того, Маржеретъ сообщаетъ много любопытнаго о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Въ особенности же замѣчательны его мысли о семъ обманщикѣ, заставлявшія призадуматься не одного Историка: только въ наше время, когда открыли Берову Лѣтопись и другія важныя свидѣтельства, можно сказать рѣшительно, вопреки Маржерету, что мнимый Димитрій не былъ сыномъ Іоанновымъ.

Въ предисловіи къ первому изданію Маржеретова сочиненія въ Русскомъ переводѣ, я старался указать точку, съ коей должно смотрѣть, по моему мнѣнію, на образъ мыслей автора о Россіянахъ XVII вѣка. Тамъ сказано: »Иногда неумышленное невѣдѣніе, иногда предразсудки, нерѣдко и самыя страсти заставляли его быть несправедливымъ къ нашимъ пред-

камъ. Просвѣщенный читатель замѣтитъ, что онъ видѣлъ въ нашемъ отечествѣ только худое, и съ какимъ-то удовольствіемъ описывалъ мрачную сторону Россіянъ, оставляя безъ вниманія многія добродѣтели, коимъ удивлялся не только Герберштейнъ, но и самъ Корбъ. Благочестіе, безпредѣльная любовь къ Царю, гостепріимство, нѣжная привязанность къ родителямъ, уваженіе къ старцамъ — и всѣ прекрасныя качества, коими наши праотцы могли справедливо гордиться, не сдѣлали никакого впечатлѣнія въ Маржеретѣ, можетъ быть потому, что онъ привыкъ судить о вещахъ по тѣмъ ложнымъ правиламъ, которыя были слѣдствіемъ его страннической жизни. Руководствуясь сими правилами, онъ находилъ смѣшное тамъ, гдѣ мы видимъ глубокое, истинное чувство; на обряды же нашей церкви онъ смотрѣлъ безъ участія потому, что былъ Католикъ, а въ XVII вѣкѣ фанатизмъ ослѣплялъ самыхъ благоразумныхъ людей.«

Оставаясь и теперь при семъ же мнѣніи, считаю долгомъ присовокупить, что—постоянно слѣдуя правилу не выпускать въ переводѣ ни одного выраженія противъ подлинника, — во

второмъ изданіи Маржерета, такъ же, какъ и въ первомъ, я сохранилъ всѣ мысли его, даже самыя неосновательныя; старался только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправить слогъ перевода и точнѣе выразить смыслъ подлинника; сверхъ того, сдѣлалъ перемѣны въ примѣчаніяхъ: присовокупилъ нѣсколько новыхъ, между прочимъ любопытное письмо Маржерета къ Мерику, и выбросилъ всѣ прежнія выписки изъ сочиненій Бера и Паерле, которыя напечатаны вполнѣ, въ 1 и 2 части *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*; въ замѣнъ же оныхъ, перевелъ современный отрывокъ изъ Исторіи Президента де-Ту, который, знавъ Маржерета лично, распрашивалъ его о Россіи.

Николай Устряловъ.

6 Января
1832.

СОСТОЯНІЕ

РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

и

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА

МОСКОВСКАГО,

съ присовокупленіемъ

ИЗВѢСТІЙ О ДОСТОПАМЯТНЫХЪ СОБЫТІЯХЪ, СЛУЧИВШИХСЯ ВЪ ПРАВЛЕНІЕ ЧЕТЫРЕХЪ Государей, съ 1590 года по Сентябрь 1606.

СОЧИНЕНІЕ

Капитана Маржерета.

Переводъ съ Французскаго.

Изданіе третье.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

ГЕНРИХУ IV,

КОРОЛЮ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Государь!

Еслибъ подданные Вашего Величества, посѣщая отдаленныя земли, описывали вѣрно достопамятности, ими замѣчаемыя, не только сами они получили бы выгоду, но и Вашему Государству могли бы доставить пользу: они указали бы, чего должно искать, что можно заимствовать у чуждыхъ народовъ, — ибо для успѣховъ общежитія все въ мірѣ семъ такъ устроено, что мы находимъ у другихъ, чего сами не имѣемъ; притомъ же извѣстія сихъ наблюдателей внушили бы охоту многимъ юношамъ—праднымъ домосѣдамъ — посмотрѣть на бѣлый свѣтъ: тамъ, въ трудныхъ, но благородныхъ странствованіяхъ, или среди воинствъ ино-

племенныхъ, они узнали бы добродѣтель; тогда разсѣялось бы заблужденіе многихъ людей, которые предѣломъ міра Христіанскаго считаютъ Венгрію: я могу увѣрить, что Россія, описанная мною, по приказанію Вашего Величества, въ семъ сочиненіи, служитъ Христіанству твердымъ оплотомъ, что она гораздо обширнѣе, сильнѣе, многолюднѣе, изобильнѣе, имѣетъ болѣе средствъ для отраженія Скиѳовъ [1] и другихъ народовъ Магометанскихъ, чѣмъ многіе воображаютъ: властвуя неограниченно, Царь заставляетъ подданныхъ повиноваться своей волѣ безпрекословно; порядкомъ же и устройствомъ внутреннимъ ограждаютъ свои земли отъ безпрерывнаго впаденія варваровъ.

Государь! когда побѣдами и счастіемъ Вы даровали Франціи то спокойствіе, которымъ она теперь наслаждается, я увидѣлъ, что моя ревность къ службѣ не принесетъ пользы ни Вашему Величеству, ни моему отечеству,—ревность, доказанная мною во время междоусобій, подъ знаменами Г. де Вогренана, при С. Жанъ-де-Лонѣ и въ другихъ мѣстахъ Герцогства Бургундскаго [2]; посему я удалился изъ отечества и служилъ сперва Князю Трансильванскому, по-

томъ Государю Венгерскому, послѣ того Королю Польскому въ званіи Капитана пѣхотной роты; наконецъ, приведенный Судьбою къ Русскому Царю Борису [3]), я былъ удостоенъ отъ него чести начальствовать кавалерійскимъ отрядомъ; по смерти же сего Государя, Димитрій, вступивъ на Царскій тронъ, поручилъ мнѣ первую роту своихъ тѣлохранителей. Въ теченіе сего времени, я имѣлъ средства научиться Русскому языку и собрать весьма много свѣдѣній о законахъ, нравахъ и религіи Россіянъ: все это описываю въ семъ небольшомъ сочиненіи съ такою простотою и откровенностію, что не только Вы, Государь! при удивительно здравомъ и проницательномъ умѣ, но и всякъ увидитъ въ немъ одну истину, которая, по словамъ Древнихъ, есть душа и жизнь Исторіи.

Вниманіе Вашего Величества къ моимъ изустнымъ донесеніямъ подаетъ мнѣ надежду, что сія книга принесетъ Вамъ нѣкоторое удовольствіе: вотъ единственное мое желаніе! Въ ней Вы найдете извѣстія о событіяхъ весьма замѣчательныхъ, отчасти поучительныхъ для великихъ Монарховъ; самая участь несчастнаго Государя моего Димитрія можетъ служить для

нихъ урокамъ: разрушивъ неодолимыя преграды къ своему престолу, онъ возвысился и низпалъ скорѣе, нежели въ два года; но сего недовольно: его называютъ еще обманщикомъ! Ваше Величество узнáете, равнымъ образомъ, многія подробности о Россіи, достойныя вниманія и совершенно доселѣ неизвѣстныя, какъ по отдаленности сей Державы, такъ и по искусству Россіянъ скрывать и умалчивать дѣла своего отечества.

Молю Бога даровать Вашему Величеству благоденствіе, Вашей Державѣ миръ, Преемнику желаніе подражать Вашимъ добродѣтелямъ, мнѣ же неизмѣнную, всегда постоянную ревность дѣлами своими оправдать имя,

Государь!

всепокорнѣйшаго подданнаго, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги Вашего Величества.

Маржерет.

СОСТОЯНІЕ
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
И
ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО
ВЪ 1606 ГОДУ.

Россія есть страна весьма обширная [5], покрытая даже въ областяхъ, наиболѣе обитаемыхъ, дремучими лѣсами, а на предѣлахъ Литовскихъ и Ливонскихъ, пространными болотами, ограждающими ее отъ непріятелей [6]. Она довольно заселена отъ Нарвы, крѣпости и пристани на границахъ Ливонскихъ, принадлежащей Королевству Шведскому, до Архангельска или Св. Николая [7], другаго приморскаго города, въ разстояніи отъ Нарвы на 2800 верстъ, или на семьсотъ льё,—и отъ Смоленска (города близъ предѣловъ Литовскихъ, обнесеннаго каменною стѣною при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Борисомъ Ѳеодоровичемъ, тогдашнимъ Правителемъ Государства), до Казани, на 1300 верстъ [8]. Въ странѣ Казанской прежде находилось независимое Царство, основанное Татарами и покоренное Вели-

кими Князьями Васильемъ Іоанновичемъ и сыномъ его Іоанномъ Васильевичемъ. Владѣтель Казанскій взятъ былъ въ плѣнъ въ самомъ городѣ Іоанномъ Васильевичемъ; онъ живъ и теперь; зовутъ его Царь Симеонъ 9). Казань построена близъ Волги, рѣки знаменитой, въ которую впадаетъ Ока. Подлѣ сего города обитаютъ Черемисы. За Казанью, по теченію Волги, вливающейся при Астрахани въ Каспійское море, простираются обширныя необитаемыя степи; только немногія крѣпости построены по берегамъ Волги. Отъ Казани до Астрахани около 2000 верстъ. Астрахань, укрѣпленный городъ, производитъ самую дѣятельную торговлю, болѣе, чѣмъ всѣ прочіе города Россійскіе, и снабжаетъ почти все Государство солью и соленою рыбою. Думаютъ, что земля тамъ весьма плодородна: ибо на степяхъ, между Казанью и Астраханью, растетъ много малыхъ плодоносныхъ вишень и даже нѣсколько лозъ дикаго винограда. Астрахань изобилуетъ хорошими плодами; въ окрестностяхъ оной, какъ разсказывали прежде нѣкоторые писатели, попадаются животно-растенія, такъ называемые бараны: они вырастаютъ изъ земли, только не могутъ отдѣлиться отъ корня; къ нему привязываетъ ихъ какъ бы кишка, идущая отъ пупа, длиною 3 или 4 сажени: и потому они живутъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ кругомъ себя всей травы, потомъ уми-

раютъ. Сіи бараны величиною съ ягненка; шерсть имѣютъ курчавую. Я видѣлъ ихъ шкуры иногда совершенно бѣлыя, а иногда съ немногими пятнами [10]).—Въ царствованіе Іоанна Васильевича, завоевавшаго землю Астраханскую, Англичане завели здѣсь торговлю съ Персіею [11]). За Волгою обитаютъ Татары, которые называютъ себя Ногаями. Іоаннъ покорилъ еще землю, именуемую Россіянами Царствомъ Сибирскимъ. Сія страна, покрытая лѣсами, дубравами и болотами, мало извѣстна; думаютъ, что она съ одной стороны прилегаетъ къ рѣкѣ Оби. Снабжая Государство мягкою рухлядью, т. е. мѣхами собольими, куньими и весьма дорогими чернолисьими, Сибирь доставляетъ Царю весьма значительный доходъ [12]). Россіяне теперь начали обработывать сію землю довольно обильную, особенно хлѣбомъ; построили тамъ четыре города и учредили въ нихъ гарнизоны, для удержанія народа въ повиновеніи [13]). Жители Сибири весьма грубы, малорослы, видомъ похожи на Татаръ Ногайскихъ; лице имѣютъ плоское и широкое, носъ сплюснутый, глаза малые; цвѣтомъ весьма смуглы; отращиваютъ волосы, не многіе съ бородою, одѣваются соболями шерстью наружу. Лѣтъ за тридцать они не знали хлѣба.—Въ Сибирь обыкновенно ссылаются люди, впавшіе въ немилость Государя.

Для отраженія Татаръ Крымскихъ, союзни-

ковъ Турецкаго Султана, коему они часто помогали опустошать Венгрію, особенно въ 1595 году, когда была великая битва Агрійская [14],— Россіяне построили въ пограничныхъ степяхъ, съ 1593 года многіе города и крѣпости; впрочемъ съ сей стороны Россія обитаема только до Ливенъ, т. е. на 700 верстъ отъ Москвы. Далѣе, находятся Борисовъ, Бѣлгородъ, Царевъ-городъ (въ 1000 верстахъ отъ Ливенъ) и другіе города, которые болѣе и болѣе населяются [15]; не взирая на плодородіе сего края, жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ. Думаютъ, что отъ Царева-города до Великаго Хана не болѣе 8 дней пути [16]. Тамъ въ прежнее время обыкновенно собирались Татары, когда они задумывали итти на добычу въ сосѣдственныя земли. Въ заключеніе—Россія весьма обширна, имѣя предѣлами Литву, Подолію, Турцію, Татарію, рѣку Обь, Каспійское море, Ливонію, Швецію, Норвегію, Новую землю и Ледовитое море.

Въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ Русской Державы, наиболѣе обитаемыхъ, стужа бываетъ жестокая; степи же Татарскія, окрестности Волги, Казани, Астрахани и рѣки Оби имѣютъ климатъ благорастворенный. Въ холодной полосѣ зима стоитъ 6 мѣсяцевъ, такъ, что снѣгъ бываетъ по поясъ, и цѣлыя рѣки можно переѣзжать по льду; не смотря на сіе, почва весьма

плодоносна, изобилуя всякимъ хлѣбомъ, извѣстнымъ у насъ, во Франціи: рожь сѣютъ въ началѣ или въ половинѣ Августа, пшеницу и овесъ, по мѣрѣ продолжительности зимы, въ Апрѣлѣ или Маѣ, ячмень въ концѣ Мая. Есть и плоды; дыни бываютъ такъ огромны и вкусны, что подобныхъ я нигдѣ въ другихъ земляхъ не видывалъ; сверхъ того, много огурцовъ, яблокъ вишень; сливъ и грушъ мало; но орѣховъ, земляники и подобныхъ плодовъ множество. Лѣтомъ дождь идетъ изрѣдка, а зимою никогда не случается; въ Колмогорахъ, Архангельскѣ и Св. Николаѣ, также и въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ, лѣтомъ въ продолженіе мѣсяца, или 6 недѣль, солнце видимо днемъ и ночью: въ полночь оно отстоитъ отъ земли сажени на двѣ или на три; зимою же цѣлый мѣсяцъ дня вовсе не бываетъ, потому что солнце не показывается.—Далѣе, вы найдете всякаго рода дичь и животныхъ, какъ и во Франціи, исключая кабановъ; ланей и дикихъ козъ довольно въ восточныхъ и южныхъ областяхъ, въ степяхъ Татарскихъ между Астраханью и Казанью; лосей множество во всей Россіи [17]; кролики весьма рѣдки; фазановъ куропатокъ, дроздовъ сѣрыхъ и черныхъ, перепелокъ, жаворонковъ—весьма много, кромѣ безчисленнаго количества другой дичи, исключая бекасовъ, коихъ мало видно. Въ Августѣ и Сентябрѣ бываетъ весьма много журавлей, лебедей,

гусей и дикихъ утокъ; изъ аистовъ я видѣлъ зимою только одного совершенно чернаго. Плотоядныя животныя суть: медвѣди бѣлые и черные,—ихъ очень много; лисицы, коихъ пять родовъ, и волки, звѣри обыкновенные по обширности лѣсовъ, весьма вредные для домашняго скота [18]. Кромѣ сего въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ областяхъ встрѣчается особенный родъ оленей: они менѣе обыкновенныхъ, съ красивыми, вѣтвистыми рогами; шерсть у нихъ сѣроватая, почти бѣлая, а копыта раздвоены болѣе, нежели у обыкновенныхъ оленей. Они доставляютъ пищу, платье и служатъ вмѣсто коней для жителей. Запряженный въ сани, для сего нарочно устроенныя, олень бѣжитъ скорѣе всякой лошади, и большую часть года питается тѣмъ, что находитъ подъ снѣгомъ.—Зайцы зимою бываютъ бѣлые, а лѣтомъ такого же цвѣта, какъ и во Франціи. Сверхъ того во всякое время попадаются соколы, ястребы и другія хищныя птицы.—Рѣки изобилуютъ такою вкусною, разнообразною рыбою, что подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ; изъ рыбъ наиболѣе извѣстны: стерляди, бѣлуга, осетры, бѣлая рыбица (которая поболѣе семги) и другіе роды, какъ и во Франціи, исключая форелей. Всякая рыба вообще дешева, подобно прочимъ жизненнымъ припасамъ: не взирая на великій голодъ, (о коемъ будемъ говорить послѣ), истребившій поч-

ти во всемъ Государствѣ домашнихъ животныхъ, я купилъ, во время моего отъѣзда на дорогѣ, ягненка величиною съ нашего барана, или около того, за 10 копѣекъ, что составитъ 13 су, 4 денарія, и курицу за 7 денаріевъ, (каплуновъ держатъ только иностранцы). Такая дешевизна происходитъ отъ того, что каждая овца приноситъ обыкновенно двухъ и трехъ ягнятъ, и отъ каждаго изъ нихъ въ слѣдующемъ году родится столько же. Рогатый скотъ также размножается чрезвычайно: ибо Россіяне вообще не ѣдятъ телятины, считая ее грѣшнымъ, заповѣднымъ кушаньемъ [19]; кромѣ того ежегодно постятся 15 недѣль, сверхъ среды и пятницы, что составитъ около полугода. Отъ сего мясо весьма дешево; хлѣбъ также не дорогъ: собираютъ его много, а за границу не вывозятъ; почва же такъ тучна и такъ плодородна, что ее удабриваютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мальчикъ 12 или 15 лѣтъ съ небольшою лошадью обработываетъ десятину или двѣ ежедневно.

Не взирая на изобиліе и дешевизну съѣстныхъ припасовъ, простой народъ довольствуется весьма немногимъ: иначе онъ не могъ бы удовлетворить издержкамъ, ибо не знаетъ никакой промышленности, весьма лѣнивъ, работы не любитъ и такъ преданъ пьянству, какъ не льзя болѣе. Россіяне, желая повеселиться, обыкновен-

но пьютъ вино и медъ, приготовленный изъ сотовъ, которые достаются безъ труда и въ великомъ изобиліи; о чемъ можно судить по множеству воска, отправляемаго ежегодно за границу [20]. У нихъ есть также пиво и другіе малоцѣнные напитки. Всѣ, безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ. Когда только есть хмѣльное, приготовляемое впрочемъ не иначе, какъ для извѣстныхъ праздниковъ, Россіяне пируютъ день и ночь, пока всего не осушатъ. Я разумѣю простой народъ, ибо Дворяне имѣютъ право дѣлать напитки, какіе имъ угодно, и пить, когда ни пожелаютъ [21].

Великіе Князья ведутъ свой родъ, по извѣстію Русскихъ лѣтописей, отъ трехъ братьевъ, которые переселились изъ Даніи и овладѣли Россіею, Литвою и Подоліею лѣтъ за 800 до нашего времени. Старшій изъ братьевъ Рюрикъ назвалъ себя Великимъ Княземъ Владимірскимъ и былъ въ прямомъ колѣнѣ родоначальникомъ всѣхъ Россійскихъ владѣтелей; до временъ Іоанна Васильевича они именовались Великими Князьями; сей же Государь, послѣ завоеванія Казани, Астрахани и Сибири, получилъ отъ Максимиліана, Цесаря Римскаго, титулъ Императора [22].

Въ разсужденіи титула, Россіяне думаютъ, что слово Царь, употребляемое Россійскими Государями, важнѣе всѣхъ титуловъ на свѣтѣ. Императора Римскаго они именуютъ Цесаремъ, производя это имя отъ Цезаря; прочихъ же Государей Королями, подражая Полякамъ; Владѣтеля Персидскаго называютъ *Кизель Баша*, а Турецкаго *Великій Господарь Турскій*, т. е. Великій Господинъ Турецкій [23]. Слово Царь, по ихъ мнѣнію, находится въ Св. Писаніи, гдѣ Давидъ, Соломонъ и другіе Государи названы: Царь Давидъ, Царь Соломонъ. Посему они говорятъ, что это имя, коимъ Богу угодно было нѣкогда почтить Давида, Соломона и другихъ властителей Іудейскихъ и Израильскихъ, гораздо болѣе прилично Государю, нежели слово Цесарь и Король, изобрѣтенное человѣкомъ и присвоенное, по ихъ мнѣнію, какимъ нибудь завоевателемъ. Когда Ѳеодоръ Іоанновичъ, Царь Россійскій, снялъ осаду Нарвы и полномочные съѣхались для заключенія мира между Россіею и Швеціею, съ обѣихъ сторонъ болѣе двухъ дней спорили о титулѣ Императорскомъ: Ѳеодоръ хотѣлъ его принять, Шведы же не соглашались уступить. Россіяне объявили наконецъ, что слово Царь еще важнѣе имени Императора, и потому рѣшено было—называть Ѳеодора всегда Царемъ и Великимъ Княземъ Московскимъ: и тѣ и другіе, объясняя слово Царь по своему,

174383

Межрайкомпартийный комитет Московской обл. библиотека

считали себя въ выигрышѣ. Король Польскій пишетъ также точно; Императоръ слѣдуетъ примѣру покойной Елисаветы [24], а ему подражаютъ Король Великобританскій, Король Датскій и Великій Герцогъ Тосканскій. Шахъ Персидскій и всѣ Владѣтели Азіатскіе величаютъ Царя такъ, какъ ему угодно. Какъ же называетъ его Султанъ Турецкій, я не знаю, потому, что при мнѣ между ними не было сношеній.

Іоаннъ Васильевичъ женатъ былъ семь разъ [25], вопреки Русской религіи, которая позволяетъ вступать въ бракъ только три раза; онъ имѣлъ трехъ сыновей [26]. Носится молва, что сей Царь собственною рукою умертвилъ старшаго сына; но это несправедливо: хотя Іоаннъ билъ его концемъ палки, окованной четырегранным желѣзнымъ остріемъ въ видѣ жезла, — каковую палку никто не можетъ носить, кромѣ Государя, ибо прежніе Великіе Князья получали ее въ знакъ покорности отъ Татарскаго Владѣтеля Діоткрима [27],—и хотя Царевичъ былъ раненъ; однакожъ онъ умеръ не отъ удара, а уже послѣ, во время путешествія на богомолье [28]. Вторый сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ по смерти отца; третій былъ отъ послѣдней жены, изъ рода Нагихъ, именемъ Димитрій. Іоаннъ Васильевичъ, прозванный Мучителемъ [29], сомнѣваясь въ преданности своихъ подданныхъ, испытывалъ ихъ разными средствами; главнымъ

же было возведеніе на престолъ Царя Симеона, о коемъ говорено выше. Іоаннъ короновалъ его и предоставилъ ему весь Царскій титулъ; самъ же, построивъ дворецъ противъ Кремля, повелѣлъ называть себя Великимъ Княземъ Московскимъ. Симеонъ царствовалъ цѣлые два года, управляя какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами. Разумѣется, что онъ спрашивалъ у Іоанна совѣта, или справедливѣе, получалъ повелѣнія. Въ концѣ втораго года Іоаннъ низложилъ его съ престола и далъ ему великія богатства [30]). По смерти старшаго сына, Царь женилъ втораго, т. е. Ѳеодора, на сестрѣ Бориса Ѳеодоровича [31]), который происходилъ изъ хорошаго дома, имѣлъ званіе Дворянина Московскаго и мало по малу вкрался въ милость Іоанна.

По кончинѣ сего Царя, умершаго въ Мартѣ мѣсяцѣ 1584 года, вступилъ на престолъ Ѳеодоръ; онъ былъ весьма не дальняго ума; нерѣдко самъ трезвонилъ на колокольнѣ и большую часть времени проводилъ въ церкви. Борисъ Ѳеодоровичъ, тогда любимый народомъ и весьма жалуемый Государемъ, вмѣшался въ правленіе. Обладая умомъ хитрымъ и смѣтливымъ, онъ удовлетворялъ всякаго, такъ что, когда разнеслась молва о намѣреніи Россіянъ низложить слабоумнаго Ѳеодора съ престола, его избрали Правителемъ Государства. Съ тѣхъ

поръ, какъ говорятъ, онъ началъ искать короны, видя, что Ѳеодоръ не имѣлъ дѣтей, кромѣ дочери, умершей на 3 году возраста; для сего старался привлечь къ себѣ народъ благодѣяніями, укрѣпилъ Смоленскъ, обнесъ столицу каменною стѣною, вмѣсто прежней деревянной, построилъ нѣкоторыя крѣпости между Казанью и Астраханью и на предѣлахъ Татарскихъ [32]). Такъ пріобрѣвъ доброе расположеніе народа и самаго дворянства, исключая дальновидныхъ Бояръ, онъ удалилъ въ ссылку своихъ недруговъ, подъ разными предлогами; наконецъ самую Царицу, вдову умершаго Іоанна Васильевича, отправилъ съ сыномъ ея, Димитріемъ Іоанновичемъ, въ Угличъ, городъ отстоящій отъ Москвы на 180 верстъ [33]). Разсказываютъ, что Царица и нѣкоторые Бояре, предугадывая, къ чему стремится Борисъ, и зная, какая опасность ожидаетъ младенца, (ибо многіе изъ Бояръ, удаленныхъ въ ссылку, были отравлены дорогою), нашли средство подмѣнить Царевича и вмѣсто его приняли другаго мальчика [34]). Послѣ того Борисъ предалъ смерти еще многихъ Бояръ невинныхъ;—наконецъ, не опасаясь уже никого, кромѣ Димитрія, рѣшился уничтожить послѣднюю преграду, и приказалъ его умертвить. Это совершилъ сынъ одного чиновника, опредѣленнаго Борисомъ въ Секретари къ Царицѣ [35]). Зло-

дѣй погибъ на мѣстѣ; а подложнаго Царевича, имѣвшаго 7 или 8 лѣтъ, похоронили запросто.

Вѣсть о смерти Димитрія породила въ Москвѣ разные толки; народъ роптalъ. Борисъ, зная все, что ни говорили, приказалъ зажечь въ ночное время гостиный рядъ, купеческіе домы и другія зданія: собственное горе, думалъ онъ, заставитъ гражданъ забыть Царевича; ропотъ утихнетъ и умы успокоятся. Онъ самъ присутствовалъ на пожарѣ, давалъ повелѣнія тушить огонь; причемъ столько хлопоталъ, что, по видимому, несчастіе города весьма его печалило. Потомъ, созвавъ потерпѣвшихъ убытки, старался утѣшить ихъ ласковыми рѣчами, горевалъ о бѣдствіи, далъ слово исходатайствовать у Государя вспоможеніе каждому изъ нихъ для постройки домовъ и обѣщалъ воздвигнуть каменныя лавки, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ: все это было исполнено [36]; каждый остался довольнымъ и считалъ себя счастливымъ, имѣя столь добраго покровителя. Наконецъ, въ Январѣ 1598 года Ѳеодоръ скончался (нѣкоторые думаютъ, что Борисъ былъ виновникомъ его смерти). Тогда сей честолюбецъ еще дѣятельнѣе прежняго началъ домогаться короны, но такъ скрытно, что только самые смѣтливые это замѣчали, не дерзая однакожъ сопротивляться. Казалось, онъ хотѣлъ единственно возвести на престолъ свою сестру, вдову покойнаго Ѳео-

дора—вопреки Государственнымъ законамъ, въ слѣдствіе коихъ овдовѣвшая Царица или Великая Княгиня удаляется въ монастырь черезъ шесть недѣль послѣ погребенія супруга [37]. Борисъ притворно отказывался отъ короны даже и тогда, когда предлагали ему оную, по совѣту сестры его, въ Государственной Думѣ, куда всякой воленъ приходить въ продолженіе междуцарствія. И такъ онъ заставилъ просить себя о принятіи Царскаго титула; но долго не соглашался на сію просьбу и говорилъ избиравшимъ его, что не должно спѣшить, что дѣло требуетъ зрѣлаго размышленія, что никакая опасность ихъ не принуждаетъ, что Россія находится въ мирѣ съ сосѣдами и что она останется въ томъ же состояніи, въ какомъ находилась и прежде, когда онъ самъ, при покойномъ Государѣ, былъ ея Правителемъ, доколѣ Россіяне, по зрѣломъ разсужденіи, изберутъ другаго Царя. (Впрочемъ справедливо, что Борисъ, управляя Державою при Ѳеодорѣ, устранялъ отъ нея бѣдствія, обогатилъ казну, не говоря уже о городахъ и крѣпостяхъ, имъ построенныхъ, и заключилъ дружбу со всѣми сосѣдами). Посему онъ требовалъ притворно созванія Государственныхъ Чиновъ, т. е. отъ каждаго города по 8 или 10 человѣкъ, дабы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ ко всеобщему удовольствію. Между тѣмъ, какъ въ исполненіи

сего долженствовало пройти много времени, онъ распустилъ молву о вторженіи Татарскаго Хана въ Россію съ великими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ Казаками. Устрашенный народъ еще настоятельнѣе просилъ его возложить на себя корону. Борисъ увѣрялъ, что пріемлетъ ее противъ воли, что многіе изъ благороднѣйшихъ поколѣній имѣютъ справедливое право на Царское достоинство, что и безъ вѣнца онъ любилъ бы гражданъ, какъ отецъ, и занимался бы дѣлами съ прежнимъ усердіемъ, но что, видя и желаніе народа, и согласіе вельможъ, онъ готовъ принять тягостное бремя, только не прежде, какъ отразивъ невѣрныхъ, идущихъ опустошать Государство съ стотысячнымъ войскомъ, и предписавъ законы имъ и прочимъ сосѣдамъ. Тогда провозгласили его Царемъ.

Поспѣшая исполнить свое обѣщаніе, Борисъ собралъ войско на берегахъ Оки, близъ Серпухова, въ 90 верстахъ отъ столицы, тамъ, гдѣ обыкновенно вторгаются Татары; и по удаленіи сестры своей, Царицы, въ Дѣвичій монастырь, самъ прибылъ въ Серпуховъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, для обозрѣнія рати. По словамъ какъ иностранцевъ, такъ и Россіянъ, бывшихъ на этомъ смотрѣ, число воиновъ пѣхотныхъ и конныхъ простиралось до 500,000; говорю еще меньшее число, ибо Россія никогда не была

въ такомъ волненіи. Въ удостовѣреніе же справедливости сего показанія, разскажу послѣ, какимъ образомъ Россійское Правительство собираетъ столько людей, чему я самъ былъ свидѣтелемъ.—Но война кончилась тѣмъ, что вмѣсто непріятельской рати, явился Ханскій посолъ, съ сотнею лихихъ всадниковъ, одѣтыхъ, по Татарскому обычаю, овчинами, для какого-то мирнаго предложенія; — о чемъ Борисъ хорошо зналъ и прежде. Миролюбіе Хана весьма его прославило: показавъ Татарамъ всѣ Русскія силы, послѣ многократной пальбы изъ пушекъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги на пространствѣ двухъ верстъ и въ довольно дальнемъ одна отъ другой разстояніи, онъ провелъ посла нѣсколько разъ между орудіями и наконецъ отправилъ его съ великими дарами; потомъ распустивъ воиновъ по домамъ, возвратился въ Москву съ пышнымъ торжествомъ. Носилась молва, что Татаринъ, услышавъ о силахъ Россіянъ, не смѣлъ итти далѣе. Борисъ короновался 1 Сентября, т. е. въ первый день 1598 года.

Уже около 700 лѣтъ, какъ Россіяне приняли Христіанскую вѣру отъ Епископа Константинопольскаго. Они слѣдуютъ Греческому исповѣданію: крещаемыхъ младенцевъ погружаютъ въ воду троекратно, во имя Отца, Сына и Св. Духа; потомъ священникъ надѣваетъ на шею

младенца крестъ, вручаемый воспріемникомъ, въ знаменіе крещенія: сей крестъ носятъ до самой смерти. Они признаютъ Св. Троицу, но тѣмъ не менѣе различаются отъ насъ, исповѣдуя, что Св. Духъ исходитъ не отъ Отца и Сына, но только отъ Отца, и что онъ покоится на Сынѣ.— Образовъ у нихъ много; всѣ они вообще живописные, кромѣ одного только распятія изваяннаго. Говорятъ, что въ Россіи хранится икона Св. Дѣвы Маріи, писанная собственною рукою Евангелиста Луки [38]). Главный Русскій патронъ—Св. Николай. Въ число Святыхъ, принятыхъ изъ Греціи, они включаютъ много другихъ Угодниковъ; но кромѣ Богородицы, не признаютъ ни одной Святой [39]).—Есть Патріархъ, коего достоинство учреждено при Іоаннѣ Васильевичѣ Патріархомъ Константинопольскимъ [40]). Если не ошибаюсь, въ Россіи 7 Архіепископовъ, кромѣ многихъ Епископовъ и Игумновъ. Одни Священники и притомъ женатые, совершаютъ таинства; по смерти же своихъ женъ, болѣе не священнодѣйствуютъ [41]); когда не вступятъ въ бракъ вторично, постригаются въ монахи. Иноки безбрачны такъ же, какъ Патріархъ, Епископы и Игумны; посему не могутъ ни пріобщать Св. таинъ, ни ѣсть мяса, и принимаютъ Св. дары отъ священниковъ. Пріобщаются подъ обоими видами всѣ безъ различія, свѣтскіе и духовные,

послѣ исповѣди на ухо, обыкновенно однажды въ годъ. Вдовый священникъ, сочетавшись бракомъ, переходитъ въ свѣтское званіе. Россіяне почитаютъ истинно крещеными только тѣхъ, которые крестились по Греческому обряду; впрочемъ Католиковъ увольняютъ отъ втораго крещенія. Тщательно наблюдаютъ праздники, даже и субботу наравнѣ съ воскресеньемъ, хотя и въ самые великіе праздники открываютъ лавки и работаютъ послѣ полудня, если требуетъ необходимость. Постятся по средамъ и пятницамъ и сверхъ того держатъ въ году четыре поста, а именно: Великій постъ, о коемъ будемъ говорить ниже, два поста по 15 дней каждый, и одинъ предъ Рождествомъ Христовымъ, который начинается спустя восемь дней послѣ праздника Св. Николая; наблюдаютъ же оные столь строго, какъ только возможно, не вкушая ни яицъ, ни другой пищи, доставляемой животными. — Они имѣютъ Св. Писаніе на своемъ языкѣ, т. е. на Славянскомъ; весьма уважаютъ псалмы Давида; въ церквахъ никогда не проповѣдаютъ [42]; а по праздникамъ читаютъ отрывки изъ ветхаго или новаго Завѣта; но таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы *Отче нашъ* и *Вѣрую во единаго*. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія;—онъ ненавидитъ науки, и особенно языкъ Латинскій; не знаетъ ни

школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе впрочемъ занимаются. Русскія буквы большею частію суть Греческія; книги всѣ почти рукописныя, кромѣ немногихъ печатныхъ экземпляровъ ветхаго и новаго Завѣта, привезенныхъ изъ Польши: ибо не болѣе 10 или 12 лѣтъ, какъ Россіяне узнали искусство книгопечатанія 43); да и теперь еще рукописныя книги болѣе уважаютъ, нежели печатныя.—Дважды въ году освящаютъ рѣки и воду; послѣ освященія, Царь и вельможи обыкновенно погружаются въ оную; я самъ видалъ, какъ для сего прорубали ледъ и какъ Царь прыгалъ въ прорубь 44). Въ Вербное воскресенье Патріархъ ѣздитъ на ослѣ, сидя бокомъ по обычаю женщинъ; по недостатку же ословъ, берутъ лошадь, покрываютъ ее бѣлымъ полотномъ, такъ что кромѣ глазъ ничего не видно, и привязываютъ ей большія уши. Царь ведетъ ее за поводъ изъ Кремля до церкви, именуемой Іерусалимомъ, оттуда въ храмъ Богоматери. Во время сего шествія, назначенные люди снимаютъ съ себя одежду и разстилаютъ ее по дорогѣ, слѣдуя впереди святителей 45). Въ Россіи существуетъ особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы масломъ, однакожъ не умирали. Такіе люди обязываются носить до самой кон-

чины платье, похожее на монашеское. Это считается весьма богоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣютъ право выйти за другаго мужа.—Никто изъ иновѣрныхъ не можетъ входить въ Русскую церковь. Патріархъ, Епископы, Игумны назначаются Царемъ; обыкновенныя дѣла церковныя Патріархъ рѣшаетъ самъ, о важнѣйшихъ же случаяхъ докладываетъ Государю. Мужъ имѣетъ право подъ разными предлогами развестись съ женою, заключить ее въ монастырь, и потомъ жениться до третьяго раза.

Всѣ иностранцы могутъ исповѣдовать свою религію всенародно, исключая Римскихъ Католиковъ; Евреи же нетерпимы со временъ Іоанна Васильевича Мучителя [46]. Сей Государь приказалъ собрать всѣхъ Евреевъ, находившихся въ Россіи; потомъ связавъ имъ руки и ноги, вывелъ ихъ на мостъ, гдѣ они принуждены были отречься отъ своего закона, и когда сказали, что желаютъ креститься во имя Бога Отца, Сына и Св. Духа, Царь въ ту минуту велѣлъ бросить ихъ въ воду. Сей же Іоаннъ Васильевичъ, лѣтъ за 40 до нашего времени, завоевавъ большую часть Ливоніи и переселивъ въ Россію жителей Дерпта и Нарвы, пожаловалъ плѣннымъ Ливонцамъ, послѣдователямъ Лютера, двѣ божницы въ Москвѣ, дозволивъ имъ свободно исполнять обряды религіи; но въ послѣдствіи за дерзость и тщеславіе ихъ, повелѣлъ сіи церкви разру-

шить, домы разграбить, а Ливонцевъ, не взирая ни на возрастъ, ни на полъ, выгнать на улицу въ зимнюю стужу, оставивъ ихъ, въ чемъ мать родила. Впрочемъ Ливонцы сами виноваты: забывъ минувшее несчастіе, потерявъ и отечество, и имущество, сдѣлавшись рабами народа грубаго и жестокаго, подъ правленіемъ Государя самовластнаго, они, вмѣсто смиренія по причинѣ таковыхъ бѣдствій, вели себя столь гордо, поступали столь высокомѣрно, одѣвались столь роскошно, что казались Принцами и Принцессами; женщины, посѣщая церкви, наряжались не иначе, какъ въ бархатъ, атласъ, камку; самая послѣдняя носила тафтяное платье, хотя ничего болѣе не имѣла. Сіи Ливонцы получали доходъ преимущественно отъ права продавать хлѣбное вино, медъ и другіе напитки; причемъ имѣли прибыли не по 10 на 100, а 100 на 100; это кажется невѣроятно, но тѣмъ не менѣе справедливо.

Ливонцы всегда оставались одинаковы: казалось, они были приведены въ Россію только для того, чтобы выказывать свою гордость и высокомѣріе, чего не посмѣли бы сдѣлать и въ собственномъ отечествѣ, по строгости законовъ и правосудія. Почему Царь приказалъ отвести имъ мѣсто за городомъ, гдѣ они выстроили домы и одну церковь, не имѣя дозволенія жить въ столицѣ. — Подъ властію Россіянъ находят-

ся даже Татары, Турки, Персіяне, Мордва и другіе народы Магометанскіе, исповѣдающіе свободно свою вѣру, не говоря о Сибирякахъ, Лапландцахъ и другихъ племенахъ, которыя не слѣдуютъ ни Христіанскому, на Магометанскому закону, и покланяются разнымъ животнымъ, какъ имъ угодно, не претерпѣвая притѣсненій въ своихъ обрядахъ.

Мертвыхъ Россіяне погребаютъ до истеченія 24 часовъ, не исключая ни Царя, ни раба, такъ, что умершаго утромъ, вечеромъ уже хоронятъ. Усопшаго обыкновенно оплакиваютъ нанятыя женщины, взывая къ нему: *Зачѣмъ ты умеръ, развѣ Царь тебя не жаловалъ; развѣ у тебя мало было богатства, дѣтей, или не имѣлъ ты жены честной?* Ежели же умираетъ женщина, приговариваютъ: *Развѣ ты не имѣла добраго мужа?* и подобныя глупости. На покойника надѣваютъ повую рубаху, чулки, башмаки, похожіе на туфли, и шапку; потомъ кладутъ его въ гробъ и несутъ на кладбище, въ присутствіи родныхъ и друзей, которые послѣ погребенія плачутъ на могилѣ, съ жалобными воплями. Въ концѣ шестой недѣли приходятъ на могилу вдова и нѣсколько ближайшихъ друзей, приносятъ напитки, яства и послѣ довольныхъ слезъ, съ прежними стонами, ѣдятъ принесенныя кушанья, раздавая остатки оныхъ нищимъ. Такъ поступаетъ простой народъ; въ случаѣ же

смерти особы значительной, дается пиръ въ домѣ, по возвращеніи съ кладбища, гдѣ родственники сами дѣлаютъ умершему вопросы, или нанимаютъ для сего женщинъ; причемъ раздаютъ бѣднымъ все, что приносятъ на могилу. Таковые пиры бываютъ ежегодно по одному разу, въ память усопшаго. По прошествіи 6 недѣль, трауръ оканчивается, и вдова можетъ снова выйти замужъ.

Великій постъ наблюдаютъ Россіяне слѣдующимъ образомъ: въ послѣднюю недѣлю предъ онымъ, или на масляницѣ, они мяса не ѣдятъ, а употребляютъ въ пищу сыръ, яица, молоко, масло; посѣщаютъ другъ друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если оскорбили другъ друга словомъ или дѣломъ; встрѣчаясь даже на улицѣ,—хотя бы никогда прежде не видались, — привѣтствуютъ другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ. *Прости меня, пожалуй!* говоритъ одинъ; *Богъ тебя проститъ!* отвѣчаетъ другой. При семъ должно замѣтить, что не только въ это время, но и всегда, какъ мужчины, такъ и женщины считаютъ поцѣлуй знакомъ привѣтствія, когда готовятся въ путь, или встрѣчаются послѣ долговременной разлуки. По окончаніи масляницы, всѣ идутъ въ баню; въ первую недѣлю поста вовсе не выходятъ изъ дома, или весьма рѣдко, и цѣлые семь дней ѣдятъ не болѣе трехъ разъ, не употребляя ни мяса,

ни рыбы, и довольствуясь только медомъ и овощами. Въ слѣдующую недѣлю являются на улицахъ, но весьма просто одѣтые, какъ будто въ траурѣ; въ остальное время поста, кромѣ послѣднихъ 7 дней, ѣдятъ всякую рыбу, какъ свѣжую, такъ и соленую, но безъ масла и молока; по средамъ же и пятницамъ только соленую и овощи. На послѣдней недѣлѣ постятся такъ же строго, какъ и на первой, или еще строже: тогда всѣ обыкновенно пріобщаются Св. Таинъ.

По окончаніи поста, наступаетъ пасха: тогда начинаются опять посѣщенія, какъ на масляницѣ; Россіяне подносятъ другъ другу красныя яица, приговаривая—одинъ: *Христосъ воскресе!* другой: *во истинну воскресе!* Причемъ размѣнявшись яицами, цѣлуются, въ знакъ радости о воскресеніи Господнемъ. Царь наблюдаетъ сей обычай такимъ образомъ: какъ въ послѣдній день масляницы, такъ и на другой день по пасхѣ, онъ дозволяетъ каждому лобызать свою руку; а въ слѣдующій день, когда отправляется въ церковь, Бояре и извѣстные Государю сановники подходятъ къ нему и также цѣлуютъ его руку: онъ раздаетъ поздравляющимъ по одному, по два и по три яйца, смотря по тому, кого болѣе жалуетъ. Въ это время народъ цѣлые 15 дней пируетъ безпрерывно.

При Русскихъ церквахъ находится множество колоколовъ. Хотя Россіяне, по видимому, различаются симъ отъ Грековъ, которые вовсе оныхъ не употребляютъ, что доказываютъ единовѣрцы ихъ Валахи, Молдаване, Ретійцы и другіе народы; но колокольный звонъ дозволяется Греческою религіею; Греки же не смѣютъ звонить потому, что состоятъ подъ властію Турковъ, коимъ алкоранъ запрещаетъ держать колокола въ мечетяхъ. Впрочемъ Католики, Протестанты и Аріане, обитая въ Трансильваніи, могли благовѣстить, когда Стефанъ Баторій, бывшій Королемъ Польскимъ, и послѣ него Сигизмундъ управляли ею въ зависимости отъ Султана; но Греки и тогда не имѣли колоколовъ 47).

Всѣ пути изъ Россіи въ другія земли охраняются такъ строго, что безъ Царскаго дозволенія не возможно изъ нея выѣхать, и въ наше время съ оружіемъ никто изъ сего Государства не могъ удалиться: я былъ первый. Россіяне, воюя съ Польшею, не рѣшаются имѣть въ дѣйствующей арміи Поляковъ, имъ подвластныхъ, коихъ довольно много, а распредѣляютъ ихъ на предѣлахъ Татаріи, поступая такъ же и съ прочими иноземцами, изъ опасенія, чтобы они не бѣжали и не предались непріятелю: ибо Русскій народъ есть самый недовѣрчивый и подозрительный въ мірѣ.

Въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянные, исключая Москвы, Смоленска, Иваньгорода или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны и Путивля (на предѣлахъ Подоліи). Москва есть городъ обширный; среди его течетъ рѣка, гораздо шире нашей Сены; весь городъ обнесенъ деревянною оградою, въ окружности, какъ я думаю, болѣе Парижской; внутри его находится другая стѣна въ половину менѣе первой, не простираясь однакожь за рѣку. Потомъ выведена изъ кирпича еще третія, окружающая всѣ каменныя купеческія лавки. Сверхъ того, есть крѣпость, построенная при Василіи Іоанновичѣ отцѣ Іоанна Васильевича, однимъ Италіянцемъ [48]. Въ ней много церквей каменныхъ, изъ коихъ четыре покрыты золоченою мѣдью. Городъ наполненъ деревянными домами; каждый домъ обыкновенно въ два жилья, съ обширнымъ дворомъ, для предупрежденія пожаровъ, которые весьма часто случаются. Съ нѣкотораго времени въ Москвѣ построено довольно церквей каменныхъ, деревянныхъ же находится безчисленное множество, — самыя улицы вымощены досками [49].

Высшее Дворянство постоянно живетъ въ Москвѣ; оно состоитъ изъ Князей, Думныхъ Бояръ, т. е. Членовъ Государственнаго Совѣта, Окольничихъ или Маршаловъ, Дворянъ Думныхъ и Московскихъ; сіи послѣдніе обыкновенно опре-

дѣляются въ правители городовъ. Число Членовъ Государственной Думы закономъ не ограничено: Царь назначаетъ въ оную, кого ему угодно. Я зналъ изъ нихъ до 32. Въ случаѣ дѣлъ важныхъ собирается Тайный Совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ Царскихъ родственниковъ. Для формы спрашиваютъ мнѣнія Духовенства, и приглашаютъ въ Думу Патріарха, съ нѣкоторыми Епископами; но въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другаго закона, или совѣта, кромѣ безпредѣльной воли Государя. Онъ имѣетъ власть поражать всякаго огнемъ и мечемъ, невиннаго и виновнаго. Владѣтель Россіи, по моему мнѣнію, есть самый неограниченный изъ всѣхъ извѣстныхъ Вѣнценосцевъ: ибо каждый Россіянинъ, знатный и незнатный, самые Царскіе братья называютъ себя *холопами Государевыми* [50]. — Въ Думѣ еще присутствуютъ два Думные Дьяка, то есть Секретари, а не Канцлеры, какъ толкуютъ Россіяне. Одинъ изъ нихъ завѣдываетъ дѣлами посольскими и внѣшними; другой же военнымъ управленіемъ; отъ сего послѣдняго зависятъ Воеводы, Намѣстники и другіе Сановники; но стрѣльцы (лучшая пѣхота) состоятъ въ особенномъ вѣдомствѣ.

Сверхъ того, въ каждой области находится Членъ Думы, или Окольничій, который, вмѣстѣ съ однимъ Дьякомъ, рѣшаетъ споры, возникающіе между Царскими подданными. Должно за-

*

мѣтитъ, что никто изъ Судей, или сановниковъ, не смѣетъ принимать никакихъ подарковъ отъ просителей: ибо если обвинятъ Судью или собственные слуги, или подарившіе, (которые доносятъ нерѣдко, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло), или другіе люди: то уличенный въ лихоимствѣ теряетъ все свое имущество и возвративъ дары, подвергается *правежу* (о чемъ будемъ говорить послѣ), для заплаты въ пеню, по назначенію Государя, пятисотъ, тысячи, или двухъ тысячъ рублей, болѣе или менѣе, по степени сана. Но виновнаго Дьяка, не слишкомъ любимаго Государемъ, наказываютъ всенародно кнутомъ, т. е. сѣкутъ плетью, а не розгами, привязавъ къ шеѣ лихоимца кошелекъ серебра, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу, или другую вещь, взятую въ подарокъ; потомъ отправляютъ наказаннаго въ ссылку, съ намѣреніемъ прекратить беззаконіе и на будущее время. При всемъ томъ взятки не истребляются; выдумали слѣдующую хитрость: челобитчикъ приходитъ къ Судьѣ и кладетъ дары предъ его иконами, которыя въ простомъ народѣ называются *Богóлъ*, а въ высшемъ кругу—*Образолъ*. Къ симъ иконамъ, украшающимъ жилище каждаго въ весьма большомъ количествѣ, привѣшиваютъ подарки. Впрочемъ, если принесенная вещь стоитъ дороже 7 или 8 рублей, и Царь о томъ узнаетъ, Судьи не освобождаются

отъ наказанія. Въ продолженіе восьми дней послѣ пасхи, имъ дозволено, вмѣстѣ съ красными яицами, принимать малоцѣнныя вещи; но запрещено брать подарки, предлагаемые въ надеждѣ пріобрѣсть ихъ расположеніе: ибо Судья подвергается взысканію, если челобитчикъ докажетъ, что онъ получилъ подарокъ за какое либо дѣло. Впрочемъ въ продолженіе сего времени, доносъ отъ другихъ лицъ не пріемлется; всѣ же судьи и чиновники должны довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными отъ Государя. — На рѣшеніе суда жаловаться не дозволено. Всѣ жители самыхъ отдаленныхъ областей, исключая городскихъ обывателей, приходятъ судиться въ Москву. Въ городахъ же всѣ дѣла рѣшаютъ Губные старосты; на нихъ можно просить въ столицѣ. Сіи второстепенные сановники также отыскиваютъ и заключаютъ въ тюрьму всѣхъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ, дѣлаютъ имъ допросы и по окончаніи слѣдствія, доносятъ въ Москву назначенному для таковыхъ дѣлъ высшему вѣдомству — *Разбойному приказу*. — Во всей Россіи никто не можетъ быть казненъ безъ точнаго повелѣнія верховнаго Московскаго Совѣта. По Русскимъ законамъ, каждый подаетъ жалобу и въ Судѣ оправдываетъ себя или самъ, или посредствомъ родственника, или служителя: ибо въ Россіи не извѣстны стряпчіе или адвокаты. Всѣ

споры, исключая самыхъ очевидныхъ, рѣшаются присягою одной стороны, которая для сего цѣлуетъ крестъ въ церкви съ нѣкоторыми обрядами. Должно замѣтить, что всадники, находящіеся въ Царской службѣ, лично освобождены отъ присяги: они приказываютъ цѣловать за себя крестъ своимъ служителямъ; но въ вѣрности Государю сами клянутся. — Должника, не уплатившаго или казнѣ, или частному лицу, какой либо суммы, хотя самой незначительной, по бѣдности, или по упорству, выводятъ на *правежъ*, т. е. въ извѣстномъ мѣстѣ, въ рабочіе дни, особенные люди, именуемые Недѣльщиками, бьютъ его по икрамъ тростію, или прутомъ, отъ восхожденія солнечнаго до 10 или 11 часовъ. Я нерѣдко видалъ, что наказанныхъ на правежѣ отвозили домой на телѣгахъ. Правежъ прекращается по заплатѣ всего долга: всадники Царской службы изъяты отъ сего наказанія, имѣя право выставить за себя одного изъ своихъ людей [51].

Дворяне, т. е. такіе люди, коимъ дается отъ казны жалованье и помѣстья, наблюдаютъ слѣдующій образъ жизни: встаютъ лѣтомъ обыкновенно при восхожденіи солнца, и отправляются во дворецъ, (разумѣется, живущіе въ Москвѣ), гдѣ присутствуютъ въ Думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ идутъ съ Государемъ въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ ли-

тургію отъ 7 до 8 часовъ, (т. е. съ 11 до полудня). По выходѣ Государя изъ церкви, возвращаются домой обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ Дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ и ложатся спать. Сіи господа не любятъ ходить: лѣтомъ ѣздятъ верхомъ, а зимою въ саняхъ, и никогда пѣшкомъ не прогуливаются. Сидячая жизнь производитъ въ нихъ непомѣрную тучность, которою они впрочемъ гордятся: ибо человѣка съ огромнымъ брюхомъ народъ наиболѣе уважаетъ, называя его *дородный человѣкъ*. Дворяне одѣваются обыкновенно весьма просто, исключая праздничныхъ дней, торжественныхъ Царскихъ выходовъ, или пріема пословъ иноземныхъ.

Благородныя жены лѣтомъ выѣзжаютъ въ колымагахъ, а зимою въ саняхъ. Когда же Царица прогуливается, тогда нѣсколько женщинъ слѣдуютъ за ея каретою, сидя на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ на клобуки Епископскіе, съ тѣмъ только различіемъ, что сіи послѣдніе бываютъ сѣрые, темные или черные. Онѣ носятъ длинное платье, равно широкое и вверху и внизу, обыкновенно изъ алой матеріи, или изъ топкаго краснаго сукна; на сіе платье надѣваютъ другое, изъ какой нибудь шелковой матеріи, съ

большими рукавами, шириною болѣе 3 футовъ Парижскихъ; рукава же перваго платья обшиты парчею до самаго локтя. Голову покрываютъ шляпою, унизанною жемчугомъ, а бездѣтныя, или дѣвицы,—черною лисьею, похожею на шапку, надѣваемую Боярами при посольскихъ пріемахъ. Сверхъ того всѣ носятъ жемчужныя ожерелья, шириною добрыхъ четыре пальца, и весьма длинныя серги; обуваются въ сапожки сафьянные, красные, или желтые, на каблукахъ вышиною въ три пальца, подкованныхъ какъ сапоги Польскіе или Венгерскіе. Молодыя и старыя, богатыя и бѣдныя румянятся и бѣлятся, но весьма грубо, и считаютъ за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Знатныя Россіянки находятся подъ строгимъ надзоромъ; имѣя отдѣльныя комнаты, онѣ принимаютъ посѣщенія единственно отъ ближайшихъ родственниковъ, и только по особенному благоволенію мужъ выводитъ къ постороннему гостю свою жену. Самый женихъ, задумавъ сочетаться бракомъ, ведетъ переговоры съ родителями невѣсты; получивъ сначала ихъ согласіе, онъ посылаетъ вѣрнѣйшаго изъ родственниковъ, или друзей, посмотрѣть свою будущую супругу, и по донесенію посланнаго, заключаетъ брачный договоръ, съ условіемъ, кто долженъ заплатить опредѣленную взаимнымъ согласіемъ сумму. Тогда только женихъ

можетъ видѣть невѣсту. Въ день свадьбы, ее ведутъ въ церковь, съ покрываломъ на лицѣ, какъ Ревекку при первомъ ея свиданіи съ Исаакомъ. Она такъ бываетъ закутана, что ни сама никого не видитъ, ни посторонніе лица ея разсмотрѣть не могутъ. По совершеніи обряда, новобрачная тѣмъ же порядкомъ возвращается домой и садится за столъ, не снимая покрывала до исполненія супружескаго союза. На другой день молодые моются въ банѣ, или выливаютъ себѣ на голову ведро воды, считая омовеніе необходимымъ, по обычаю Евреевъ и Турковъ. Желая войти въ церковь, или даже приблизиться къ домашнимъ иконамъ, новобрачные требуютъ благословенія священника, или монаха. Супруги наблюдаютъ сіе всякой разъ послѣ наслажденія. Приданое невѣсты оцѣнивается вдвое и втрое; если жена умираетъ бездѣтною, мужъ платитъ за оное, по оцѣнкѣ ближайшихъ родственниковъ [52]).

Дворяне измѣряютъ свое богатство по числу слугъ и служанокъ, а не по количеству денегъ: каждый изъ нихъ имѣетъ множество слугъ, которые остаются рабами и невольниками, вмѣстѣ съ дѣтьми, за наслѣдниками своего перваго господина. Сей обычай Россіяне заимствовали у древнихъ народовъ; да и во многихъ случаяхъ они подражаютъ древнимъ, напримѣръ: всѣ вѣдомости, записки и просьбы свертываютъ свит-

ками, не составляя книгъ и не складывая бумагъ по нашему обыкновенію. Такъ поступали и древніе. У Евреевъ былъ тотъ же обычай, какъ свидѣтельствуетъ Пророкъ Іезекіиль въ главѣ 3 [53]). Это сходство замѣтно и въ пиршествахъ: самъ Царь, приглашая пословъ къ обѣду, говоритъ только: *хлѣба пусть со мною.* Сильнѣйшій упрекъ неблагодарному выражается словомъ: *ты забылъ мою хлѣбъ-соль.* Когда Царь отправляется въ дорогу, или вступаетъ на престолъ, или женится, или присутствуетъ на крестинахъ,—подданные всегда подносятъ ему, кромѣ другихъ подарковъ, хлѣбъ съ солью. Желая изъявить почтеніе, Россіяне снимаютъ шапку и кланяются, только не кладутъ руки на голову или на грудь, по обычаю Турковъ, Персовъ и другихъ Магометанъ; но опускаютъ ее до земли, или менѣе, смотря по степени уваженія. Въ случаѣ же просьбы, или во время молитвы, кланяются до самой земли, какъ предъ начальниками, такъ и предъ образами; другихъ знаковъ покорности не вѣдаютъ, колѣнъ также не преклоняютъ, говоря, что это обычай Магометанъ, которые обыкновенно подгибаютъ ноги, садясь на землю. Женщины поступаютъ такимъ же образомъ.

Многіе изъ Россіянъ доживаютъ до 80, 100, 120 лѣтъ, и только въ старости знакомы съ болѣзнями. Врачебныя пособія употребляютъ только Царь и нѣкоторые важнѣйшіе вельможи; а

простолюдины считаютъ даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимаютъ весьма неохотно, промывательное же, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ; чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпиваютъ хорошую чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и немедленно идутъ въ баню, гдѣ въ нестерпимомъ жару потѣютъ часа два или три. Такъ лечится простой народъ во всѣхъ болѣзняхъ.

Источники доходовъ Государственныхъ суть слѣдующіе: во-первыхъ Царская отчина, управляемая особымъ вѣдомствомъ или *Дворцолъ*, [54]), подъ главнымъ надзоромъ Дворецкаго, который распоряжаетъ дѣлами при помощи двухъ Дьяковъ; во-вторыхъ подати, взимаемыя со всего Государства, раздѣленнаго ня пять вѣдомствъ, именуемыхъ *Четями*, куда вносятся постоянные доходы [55]). За сими вѣдомствами наблюдаетъ *Большой приходъ*, собирающій налоги, въ особенныхъ случаяхъ опредѣляемые. Кромѣ отчины, собственный доходъ Государя состоитъ: въ подушныхъ деньгахъ, платимыхъ вообще всѣми какъ городскими, такъ и сельскими жителями, не исключая и наслѣдственныхъ помѣстьевъ Царскихъ родственниковъ; въ налогахъ и пошлинахъ съ товаровъ всякаго рода; въ сборѣ съ питейныхъ домовъ, гдѣ продается вино, медъ

и пиво (сими напитками дозволено въ городахъ и селахъ торговать однимъ откупщикамъ); въ мягкой рухляди, воскѣ и другихъ произведеніяхъ, особенно же въ потребностяхъ жизненныхъ: хлѣбѣ, винѣ, медѣ, дичи, скотѣ, птицахъ, плодахъ и другихъ съѣстныхъ припасахъ, для стола необходимыхъ. Впрочемъ съ жителей, хотя нѣсколько удаленныхъ отъ столицы, вмѣсто естественныхъ произведеній, собираютъ деньги, и притомъ по весьма высокой цѣнѣ, напримѣръ, съ *выти* или участка земли обработанной въ семь или восемь десятинъ, изъ коихъ на каждой можно посѣять двѣ четверти хлѣба, крестьяне платятъ по 10, 12, 15 рублей, даже до 20, смотря по качеству почвы [56]); а какъ рубль содержитъ около 6 ливровъ, 12 су: то ежегодный сборъ простирается на великую сумму. И потому въ *Дворцѣ* храпится обыкновенно отъ 120,000 до 150,000 рублей наличныхъ денегъ, болѣе или менѣе, судя по издержкамъ на посольства и другіе чрезвычайные случаи, коими онъ завѣдываетъ. Нѣкоторыя же изъ 5 Четей, напримѣръ, Казанская и Новая [57]), сберегаютъ, за всѣми расходами на пенсіи и жалованье войску, до 80 или до 100,000 рублей, другія отъ 40 до 60,000 рублей, не говоря о Большомъ приходѣ, въ который поступаютъ особенные налоги, взимаемые по Царскому повелѣнію со всего Государства, и другіе случайные источники, на-

примѣръ, отъ продажи имѣнія разныхъ особъ, наказываемыхъ за проступки. Далѣе, есть еще особенное вѣдомство, называемое *Казною* [58]: она завѣдываетъ мягкою рухлядью, воскомъ и пошлиною за печать (съ каждой бумаги беруть по четверти рубля); Казна платитъ за всѣ товары, покупаемые для Государя. Сверхъ того, каждое областное вѣдомство въ концѣ года присылаетъ значительную сумму: ибо Царь беретъ десятую часть со всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, въ судѣ рѣшаемыхъ. Есть еще два особенныя вѣдомства, которыя имѣютъ свои доходы: *Помѣстный приказъ*, раздавая земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4 рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ помѣстьевъ, принадлежавшихъ опальнымъ, доколѣ Государь не отдастъ оныхъ кому либо другому. *Конюшенный приказъ* имѣетъ также многіе случайные источники: со всѣхъ лошадей, продаваемыхъ въ Государствѣ, кромѣ крестьянскихъ, платятъ въ оный, за совершаемую при куплѣ запись, около 20 су, дабы не отвѣчать, если купленная лошадь окажется краденою. Сему приказу доставляетъ еще большую прибыль конскій торгъ, производимый въ Россіи Татарами Ногайскими: ибо Царь имѣетъ право избирать для себя изъ приведенныхъ ими коней десятаго; за прочихъ же получаетъ отъ продавца, или покупателя, сообразно взаимному ихъ

условію, по 5 копѣекъ на рубль [59]). Выбираемыя для Царя лошади—обыкновенно молодыя или жеребята,—по прошествіи 2 или 3 лѣтъ, продаются на большую сумму: я видалъ до 40,000 вдругъ таковыхъ лошадей. Ногаи приводятъ ихъ ежегодно два или три раза, въ большемъ или меньшемъ числѣ, такъ что въ семъ случаѣ не льзя сказать навѣрное о Царскомъ доходѣ.

Не взирая на столь разнообразные налоги, Россія есть Государство весьма богатое. Не высылая денегъ за границу, но ежегодно скопляя оныя, Россіяне платятъ иноземцамъ обыкновенно товарами: мягкою рухлядью, воскомъ, саломъ, кожами воловьими и оленьими, сафьяномъ, льномъ, пенькою, всякаго рода веревками, икрою (которой весьма много отправляется въ Италію), соленою семгою, ворванью и другими произведеніями; хлѣба же не смѣютъ вывозить за границу со стороны Ливоніи, не взирая на чрезвычайное изобиліе онаго. Сверхъ того, Россіяне промѣниваютъ иностранцамъ поташъ, льняное сѣмя, пряжу, не покупая ничего отъ нихъ на чистыя деньги; даже самъ Царь серебромъ платитъ только тогда, когда сумма не превышаетъ 4 или 5,000 рублей; обыкновенно же пушнымъ товаромъ, или воскомъ. Онъ имѣетъ свое неприкосновенное сокровище, ежегодно болѣе или менѣе увеличиваемое. *Расходная казна*, покрывая

чрезвычайные издержки, наполнена въ великомъ количествѣ всякими драгоцѣнными издѣліями, преимущественно изъ жемчуга, который въ Россіи употребляется болѣе, нежели во всей Европѣ. Я видѣлъ въ сей Казнѣ до пятидесяти Царскихъ платьевъ, вышитыхъ, вмѣсто позумента, драгоцѣнными узорами; видѣлъ одежды, унизанныя жемчугомъ сверху до низу, или на футъ, полфута и пальца на четыре во всю окружность; съ полдюжины покрывалъ, усыпанныхъ жемчугомъ, и другія подобныя вещи. Тамъ же хранятся весьма дорогіе каменья, ежегодно покупаемые, исключая даримыхъ послами; четыре короны, изъ коихъ три Царскія и одна старинная Великокняжеская, кромѣ приготовленной, но еще не совсѣмъ отдѣланной, для Царицы, Димитріевой супруги (онъ первый хотѣлъ короновать женщину: ибо ни Царицы, ни Великія Княгини по Русскимъ обычаямъ не коронуются); два скиптра и двѣ державы золотыя: я видѣлъ сіи вещи, имѣвъ честь неоднократно провождать Димитрія Іоанновича въ кладовыя, гдѣ заключаются сокровища. По мнѣнію Россіянъ, платья, драгоцѣнные каменья, парча, серебро, все зависитъ отъ Казны. Въ ней находятся двѣ цѣльныя кости единорога, Царскій посохъ, также изъ цѣльной кости во всю длину, съ поддѣльною рукоятью, и половина единороговой кости, употребляемой ежедневно въ

лекарство [60]). Я видѣлъ еще другой посохъ золотой, внутри нѣсколько выдолбленный для уменьшенія тяжести; весьма много золотыхъ блюдъ, покаловъ разной величины, и несмѣтное множество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной; о количествѣ оной можно судить изъ слѣдующаго примѣра: когда Борисъ Ѳеодоровичъ, по восшествіи на престолъ, собралъ войско въ Серпуховѣ, данъ былъ пиръ, который продолжался цѣлыя шесть недѣль, и каждый день угощали на серебряной посудѣ, подъ шатрами, 10,000 человѣкъ, по свидѣтельству очевидцевъ. Я видѣлъ въ Казнѣ съ полдюжины серебряныхъ бочекъ, слитыхъ, по приказанію Іоанна Васильевича, изъ серебряной посуды, взятой имъ въ покоренной Ливоніи: одна изъ сихъ бочекъ величиною почти съ полмюи [61]), другія менѣе; видѣлъ множество весьма огромныхъ серебряныхъ тазовъ, съ ручками по сторонамъ: наполнивъ медомъ, ихъ приносятъ обыкновенно четыре человѣка и ставятъ на обѣденные столы по 3 или 4 таза съ большими серебряными ковшами, коими гости сами черпаютъ напитки,—иначе было бы недостаточно 200 или 300 служителей для угощенія пирующихъ за Царскими столами. Вся эта посуда Русской работы. Кромѣ того, есть множество серебряной утвари Нѣмецкой, Англійской, Польской, поднесенной Царю иноземными посла-

ми, или купленной за рѣдкость издѣлія. Казна изобилуетъ всякими шелковыми матеріями, золотою и серебряною парчею Персидскою, Турецкою, всякаго рода бархатомъ, атласомъ, камкою, тафтою и другими шелковыми тканями. Въ самомъ дѣлѣ требуется оныхъ великое количество: ибо кто ни служитъ Государю, получаетъ обыкновенно, кромѣ денежныхъ окладовъ, парчевыя одежды, или кусокъ бархата, камки, атласа—на кафтанъ. Сими же издѣліями Царь награждаетъ какъ воинныя, такъ и гражданскія заслуги. Пословъ Татарскихъ, Крымскихъ, Погайскихъ и другихъ Азіатскихъ народовъ, вмѣстѣ съ Чиновниками ихъ свиты, равнымъ образомъ дарятъ шелковыми матеріями каждаго по достоинству. Посему для наполненія Казны купечество, какъ иностранное, такъ и Русское, обязано предъявлять въ оную всякія шелковыя издѣлія и другія дорогія вещи, изъ коихъ выбираются нѣкоторыя для Государя. Если же купецъ скроетъ или продастъ что либо изъ своего товара, даже на 10 или 12 су, прежде осмотра въ Казнѣ, то лишается всего остальнаго, хотя бы заплатилъ пошлину и другія подати [62]). Въ Россіи нѣтъ никакихъ минераловъ, исключая желѣза, весьма мягкаго; впрочемъ я не сомнѣваюсь, чтобы въ столь обширной странѣ не было другихъ рудъ: не достаетъ только людей, искусныхъ въ горномъ дѣлѣ.

Россійская ходячая монета состоитъ: изъ *денегъ* или *копѣекъ*, цѣною около 16 денаріевъ Турнскихъ, изъ *московокъ* въ 8 денарісвъ, и *полушекъ* въ 4 денарія. Всѣ сіи монеты серебряныя; серебро въ нихъ нѣсколько чище, нежели въ реалахъ; ими платятъ всякія суммы, считая рублями, (изъ коихъ каждый содержитъ 100 денегъ, или 6 ливровъ, 12 су), пол-рублями, четверть-рублями, гривнами (10 копѣекъ) и алтынами (3 деньги, или 4 су [63]). Другой монеты въ Россіи не чеканятъ. Но купцы иноземные привозятъ множество рейхсталеровъ или ефимковъ, которые Россіяне принимаютъ съ выгодою: каждый ефимокъ идетъ за 12 алтынъ, или 36 денегъ, т. е. 48 су; но отъ передѣла въ Русскую монету, съ нѣкоторымъ очищеніемъ металла, ефимокъ, вѣсомъ въ 40 су, даетъ уже 42 деньги [64]). Сіи же купцы привозятъ множество червонцевъ: Россіяне покупаютъ и продаютъ ихъ, какъ прочіе товары, часто съ великою прибылью: я видалъ, что за одинъ червонецъ иногда платили 24 алтына, или около 4 ливровъ, 16 су, иногда 16 алтынъ, нерѣдко и 2 руб.; обыкновенная же имъ цѣна — отъ 18 до 21 алтына. Столь непомѣрная дороговизна червонцевъ бываетъ во время Царскаго коронованія, или брака, также при крестинахъ: ибо тогда подносятъ Государю какіе нибудь подарки; а простолюдины цѣлыми обществами приходятъ съ бо-

гатыми дарами, въ числѣ коихъ находятся обыкновенно червонцы, иногда въ кубкахъ, иногда въ серебряныхъ чашахъ, или на блюдахъ, покрытыхъ тафтою. Цѣнность сей монеты увеличивается также за нѣсколько дней до Пасхи: ибо въ продолженіе Святой недѣли, Россіяне, слѣдуя обычаю христосоваться другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ красными яицами подносятъ Вельможамъ и своимъ покровителямъ какія нибудь драгоцѣнныя вещи, жемчугъ, или червонцы. Сей праздникъ есть единственное въ году время, когда Сановники могутъ принимать подарки, рублей въ 10 или въ 12; берутъ и болѣе, но тайно: въ противномъ случаѣ подвергаются наказанію.

Важнѣйшую въ Россіи степень занимаетъ *Конюшій Боярин*ъ; за нимъ слѣдуетъ *Аптечный Боярин*ъ [65], главный начальникъ Медиковъ и Аптекарей; потомъ *Дворецкій* и наконецъ *Крайчій:* сіи четыре Сановника суть главные въ Думѣ. Кромѣ того, при Дворѣ находится много другихъ чиновъ: Стольниковъ, Чашниковъ, Стряпчихъ, Жильцовъ и проч. [66]. Царскую гвардію составляютъ 10,000 Стрѣльцовъ; они живутъ въ Москвѣ и находятся подъ начальствомъ одного Генерала, раздѣляясь на приказы, т. е. роты, въ 500 человѣкъ каждая; ротою завѣдываетъ *Голова*, по нашему Капитанъ; сотнею *Сотникъ*, а десяткомъ *Десятникъ*, по нашему

*

Капралъ; нѣтъ ни Лейтенантовъ, ни Прапорщиковъ. Каждый Капитанъ, смотря по заслугамъ, получаетъ жалованья отъ 30 и 40 до 60 рублей ежегодно, да земли въ такой же соразмѣрности отъ трехъ и четырехъ до пяти сотъ четвертей. (Словомъ четверть я всегда означаю особенную мѣру земли, или арпанъ). Многіе изъ Сотниковъ, владѣя землею, получаютъ окладныхъ отъ 12 до 20 рублей; Десятники до 10 рублей, а Стрѣльцы по 4 и 5 рублей ежегодно; сверхъ того, каждому дается 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда Царь отправляется за городъ, хотя бы не далѣе 6 или 7 верстъ, большая часть Стрѣльцовъ слѣдуетъ за нимъ на коняхъ изъ Царской конюшни; коней даютъ имъ и тогда, когда посылаютъ ихъ на войну, или для охраненія городовъ; сверхъ того, назначаются люди, которыя готовятъ имъ пищу, и для каждаго десятка по одной телѣгѣ съ провіантомъ. Кромѣ Дворянъ, живущихъ постоянно въ Москвѣ, каждый городъ по возможности присылаетъ отъ 16 до 30 лучшихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, именуемыхъ *Выборными Дворянами:* по прошествіи трехъ лѣтъ, они смѣняются другими. Симъ способомъ Царь собираетъ многочисленную кавалерію, такъ, что рѣдко выѣзжаетъ безъ 18 или 20,000 всадниковъ: ибо тогда всѣ люди, служащіе при Дворѣ, садятся на коней и слѣдуютъ за Государемъ. Многіе изъ

Дворянъ по очереди проводятъ цѣлыя ночи во Дворцѣ безъ всякаго оружія. Если надобно принять какого нибудь посла съ особеннымъ отличіемъ, Стрѣльцы становятся рядами, въ полномъ вооруженіи, по обѣимъ сторонамъ дороги, начиная отъ деревянныхъ, или каменныхъ воротъ до посольскаго двора; сверхъ того являются Московскіе Дворяне и главнѣйшіе купцы въ весьма дорогихъ одеждахъ, коихъ великолѣпіе сообразуется съ степенью уваженія къ посланнику. Для таковыхъ случаевъ каждый Дворянинъ имѣетъ три или четыре перемѣнныхъ кафтана; иногда они получаютъ изъ Казны платья парчевыя, изъ золотой и серебряной ткани Персидской, съ высокою шапкою чернаго лисьяго мѣха; иногда одѣваются въ *цвѣтное платье* [67], изъ объяри, камлота, или краснаго тонкаго сукна нѣжнаго цвѣта, съ золотыми вышивками, покрывая голову черною шапкою; въ иныхъ случаяхъ носятъ *чистыя платья* [68], т. е. нарядную одежду. Число и достоинство людей увеличивается или уменьшается, смотря по чести, оказываемой посланнику. Встрѣтивъ его за городомъ, на выстрѣлъ изъ лука, а иногда на четверть лье, тамъ, гдѣ подводятъ ему и свитѣ лошадей изъ царской конюшни для въѣзда въ городъ, Дворяне провождаютъ его до посольскаго двора, предъ коимъ ставятъ стражей, не дозволяя никому входить въ оный, кро-

мѣ назначенныхъ особъ. Никто изъ посольской свиты не можетъ прогуливаться по городу безъ особенныхъ проводниковъ, которые наблюдаютъ, куда пойдетъ чужеземецъ, что будетъ дѣлать и говорить. На границу также посылаютъ приставовъ для продовольствія пословъ; и не только послы, но и всѣ иностранцы, желающіе служить Россійскому Государю, снабжаются и въ Москвѣ, и въ дорогѣ, каждый по достоинству, всѣми необходимыми жизненными потребностями, какъ сами, такъ и лошади ихъ (это называется *кормомъ*). Содержаніе увеличиваютъ, или уменьшаютъ по повелѣнію Царя. Всѣ же припасы доставляетъ вѣдомство, именуемое Дворцомъ.

Приступая къ описанію войска, прежде всего скажемъ о *Воеводахъ*, или Генералахъ: въ случаѣ войны, Царь возводитъ въ сіе достоинство Думныхъ Бояръ и Окольничихъ; въ мирное же время даетъ званіе Воеводъ Думнымъ и Московскимъ Дворянамъ и посылаетъ ихъ на южные предѣлы, для отраженія набѣга Татарскихъ отрядовъ, которые нерѣдко опустошаютъ Русскія поля и уводятъ лошадей отъ гарнизоновъ; если же не встрѣтятъ сопротивленія, вредятъ и болѣе. Русское воинство раздѣляется на пять частей: авангардъ, который стоитъ подлѣ какого нибудь города на границахъ Татарскихъ; правое крыло — близъ другаго города; лѣвое крыло,

главное войско и аррьергардъ; всѣ сіи отряды находятся въ разныхъ мѣстахъ 69); но Воеводы, по первому приказанію, должны соединиться съ главною арміею. Кромѣ Воеводъ, другихъ чиновъ военныхъ не бываетъ; впрочемъ, какъ конница, такъ и пѣхота состоитъ подъ начальствомъ Капитановъ; но при сихъ послѣднихъ нѣтъ ни Лейтенантовъ, ни Прапорщиковъ, ни трубъ, ни барабановъ; только Воеводы имѣютъ свое особенное знамя, съ ликомъ Святаго, освященное Патріархомъ; держатъ оное два или три человѣка; сверхъ того, за ними возятъ на лошадяхъ около 10 и 12 *набатовъ*, или мѣдныхъ барабановъ, столько же трубъ и нѣсколько гобоевъ. Бьютъ въ набаты только тогда, когда готовятся къ сраженію, или во время небольшой стычки; а одинъ употребляютъ ежедневно: имъ даютъ знакъ слѣзать съ коней или садиться на оныхъ.

Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ Татарскихъ, Россіяне поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя Царскою, Крымскою и путемъ великаго Хана; сверхъ того, изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большой части при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Сіи всад-

ники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже вдали замѣчаетъ скачущаго вѣстника и едва пойметъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля; а нерѣдко, вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ, или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища; тогда, съ прибытіемъ вѣстника, воинство беретъ оружіе, а Воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ Русскіе полководцы узнаютъ иногда слѣдующимъ образомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ Татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время, когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ довольно вѣрно силы его по широтѣ дороги, протоптанной въ степяхъ конями. На

сихъ степяхъ растетъ высокая трава, въ коей самыхъ лошадей бываетъ не видно: Россіяне зажигаютъ ее каждою весною, отчасти для того, чтобы Татары не могли найти корма для своихъ коней, отчасти и для того, чтобы самая трава росла выше. Но если враги идутъ по дорогамъ, выше упомянутымъ, Россіяне столь же вѣрно узнаютъ число ихъ по глубинѣ слѣда, или по вихрямъ отдаленной пыли: вообще Татары избираютъ пути извѣстные и неохотно прокладываютъ новые, по степной травѣ, изъ опасенія утомить лошадей. Когда сторожевые дозоры, пробравшись тайными, знакомыми тропинками, принесутъ вѣсть о силахъ непріятельскихъ, Русскіе вожди отступаютъ къ какой нибудь рѣкѣ, или къ лѣсу, въ намѣреніи остановить врага. Но Татаринъ весьма ловокъ и проворенъ: забавляя Россіянъ перестрѣлкою 20 или 30,000 всадниковъ, въ то же время посылаетъ нѣсколько отрядовъ иными дорогами опустошать Царскія владѣнія. Сіи отряды столь быстро исполняютъ свое дѣло, что наносятъ ударъ прежде, нежели Русская армія узнаетъ о ихъ вторженіи. Впрочемъ Татары не обременяютъ себя иною добычею, кромѣ плѣнниковъ, и не имѣютъ никакой поклажи, хотя у каждаго есть одна или двѣ запасныя лошади, отлично выѣзжанныя и послушныя. Сіи наѣздники столь искусны, что на всемъ скаку прыгаютъ съ од-

ной лошади на другую; кромѣ лука, стрѣлъ и сабли, инаго оружія не вѣдаютъ; стрѣляютъ крѣпче и вѣрнѣе на бѣгу, нежели стоя неподвижно; для пищи запасаются мясомъ, высушеннымъ на солнцѣ и въ мелкіе кусочки изрѣзаннымъ; къ сѣдельному арчаку привязываютъ длинную веревку. Сотня Татаръ всегда разгонитъ двѣсти Россіянъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же Русскую пѣхоту, или Стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу, или въ засѣкѣ, Татары поспѣшно удаляются, хотя Россіяне, въ самомъ дѣлѣ, умѣютъ лучше пугать ихъ, нежели вредить имъ; если отрядъ Русскихъ всадниковъ, тысячъ въ пятнадцать или въ двадцать, рѣшится преслѣдовать Татарскихъ наѣздниковъ; они разсыпаются во всѣ стороны, и подъ пушечнымъ выстрѣломъ остается изъ нихъ не болѣе 3 или 4 тысячъ человѣкъ; да и тѣ сходствуютъ болѣе съ привидѣніями на ослахъ, нежели съ воинственными всадниками. Посему Татары обыкновенно возвращаются во свояси безъ большаго урона, если только Россіяне не успѣютъ пресѣчь имъ пути на переправахъ чрезъ рѣки, или не займутъ проходовъ въ лѣсу, гдѣ могутъ напасть на непріятеля. Но сіе рѣдко случается.

Въ конницѣ главная сила Русской арміи; она состоитъ изъ дворянъ Московскихъ, Выборныхъ, Городовыхъ, Дѣтей Боярскихъ и Сыновей

Боярскихъ 70). Отряды называются по имени городовъ, въ округѣ коихъ Дворяне имѣютъ свои помѣстья; нѣкоторые города, напримѣръ, Смоленскъ, Новгородъ и другіе выставляютъ отъ 300 и 400 до 800 и 1200 всадниковъ. Подобныхъ городовъ весьма много. Вступая въ службу, каждый Дворянинъ обязанъ привести съ собою по одному всаднику и одному пѣхотинцу со 100 четвертей владѣемой земли; разумѣю время необходимое: иначе только сами они являются въ войско. Такъ собирается невѣроятное множество народа, но мало воиновъ.

Содержаніе Русскихъ сановниковъ есть слѣдующее: Члены Совѣта получаютъ отъ 500 до 1200 рублей—(оклада, производимаго Князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, занимавшему всегда первое мѣсто въ правленіе четырехъ Государей); Окольничіе отъ 200 до 400 рублей и земли отъ 1000 до 2000 четвертей (при мнѣ ихъ было до 15 человѣкъ); Думные Дворяне, коихъ болѣе шести не бываетъ, отъ 100 до 200 рублей и земли отъ 800 до 1200 четвертей; Московскіе дворяне отъ 20 до 100 рублей и земли отъ 500 до 1000 четвертей; Выборные Дворяне отъ 8 до 15 рублей; Городовые Дворяне отъ 5 до 12 рублей и земли до 500 четвертей. Оклады выдаются ежегодно, а земля назначается однажды; владѣльцы оной обязаны выставлять двухъ человѣкъ съ каждыхъ 100 чет-

вертей, какъ выше сказано. Дѣтямъ Боярскимъ и Сыновьямъ Боярскимъ производится жалованье по 4, 5 и 6 рублей, одинъ разъ въ теченіе шести и семи лѣтъ; земли же имъ даютъ по 100 и 300 четвертей. Служба ихъ соотвѣтствуетъ обыкновенно жалованью: смотрятъ только за тѣмъ, чтобы опредѣленное число всегда было полно.

Главнѣйшіе изъ Дворянъ обязаны являться на службу въ кольчугѣ, шишакѣ, съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами, и приводить служителей хорошо вооруженныхъ; другіе могутъ имѣть только добрыхъ коней, лукъ, стрѣлы и саблю. Такимъ образомъ Царь собираетъ многочисленное войско изъ ратниковъ, худо вооруженныхъ, незнакомыхъ ни съ порядкомъ, ни съ искусствомъ, часто болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ во время войны. Къ нимъ присоединяютъ до 20,000 всадниковъ Казанскихъ и Черемисскихъ; до 7 или 8,000 наѣздниковъ Мордовскихъ и Татарскихъ, подвластныхъ Россіи, коимъ опредѣлено жалованья отъ 8 до 30 рублей; около 4,000 Черкассовъ, до 2500 Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей (нѣкоторые Капитаны ихъ получаютъ до 120 рублей, кромѣ земли отъ 600 до 1000 четвертей). Наконецъ Патріархъ, Епископы, Игумны и другіе Духовные владѣльцы помѣстьевъ высылаютъ *Людей Даточныхъ*, а именно: со 100 четвер-

тей одного всадника и одного пѣхотинца; въ случаѣ надобности Святители даютъ, вмѣсто ратниковъ, военные снаряды и множество лошадей для артиллеріи, Стрѣльцовъ и разныхъ сановниковъ. Такова Русская кавалерія.

Въ Россію лошади приводятся наиболѣе изъ Татаріи Ногайской: ихъ называютъ *конями;* онѣ роста средняго, весьма удобны для работы и бѣгутъ безъ отдыха 7 или 8 часовъ; но если слишкомъ утомятся и выбьются изъ силъ, то потребно 4 или 5 мѣсяцевъ для ихъ поправленія; имѣя весьма дикій нравъ, онѣ пугаются ружейнаго выстрѣла; обыкновенно бываютъ неподкованы, такъ же, какъ и Русскія; многія овса не ѣдятъ вовсе и пріучаются къ нему исподоволь, ежели хозяинъ намѣренъ кормить онымъ. Сверхъ того, Россіяне покупаютъ изрѣдка жеребцовъ Черкасскихъ [71]), которые весьма красивы, но въ продолжительной ѣздѣ не столь крѣпки и быстры, какъ Ногайскіе кони; есть лошади Турецкія и Польскія, между коими попадаются хорошія; ихъ называютъ аргамаками; всѣ аргамаки вообще мерины. У Ногайцевъ бываютъ иногда небольшія, весьма красивыя лошадки бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры или леопарды, будто бы разрисованныя. Лошади Русскія, называются *меринами* [72]): онѣ малорослы, но крѣпки, особенно изъ окрестностей Вологды, и гораздо понятливѣе

Ногайскихъ. Татарская лошадь, или Русская, весьма красивая и добрая, купленная за 20 рублей, прослужитъ долѣе аргамака, цѣною въ 50, 60 и 100 рублей.—Въ Россіи лошади чаще хвораютъ, нежели во Франціи, особенно отъ болѣзни, именуемой марица [73]. Это гной, накопляющійся въ груди животнаго. Если не истребятъ его немедленно, онъ бросается въ ноги и тогда нѣтъ спасенія. Хозяинъ, при первомъ знакѣ болѣзни, тотчасъ разсѣкаетъ кожу на груди почти между ногъ, вкладываетъ въ рану конецъ веревки, свитой изъ пеньки съ древесною корою и натертой варомъ; потомъ гоняетъ лошадь раза два или три ежедневно, до сильнаго пота, часто передвигая веревку; дня черезъ три или четыре, гной созрѣетъ и вытечетъ изъ раны. По прошествіи 15 дней или 3 недѣль, веревку вынимаютъ и рана закрывается, лошадь же послѣ сего дѣлается совершенно здоровою. Въ предупрежденіе этой болѣзни, обыкновенно гоняютъ лошадей въ рѣку, лишь только растаетъ ледъ, и держатъ ихъ въ водѣ по самую шею, часъ или два, до тѣхъ поръ, когда онѣ отъ сильнаго озноба почти не могутъ стоять. Это повторяется около 15 дней сряду; послѣ чего, онѣ становятся бодрыми и живыми. Сверхъ того, лошади Татарскія и Русскія бываютъ весьма одышливы, употребляются въ работу не моложе 7 или 8 лѣтъ, и служатъ до 20-ти. Я видалъ

впрочемъ лошадей 24 и 30 лѣтъ, по наружности не старѣе 10 или 12, еще способныхъ къ работѣ. Наконецъ въ Россіи попадаются весьма хорошіе иноходцы.

Лучшая пѣхота, какъ сказано, состоитъ изъ Стрѣльцовъ и Казаковъ. Первыхъ въ Москвѣ 10,000. Сверхъ того, въ каждомъ городѣ, отстоящемъ на 100 верстъ отъ предѣловъ Татаріи, смотря по величинѣ крѣпостей, находятся гарнизоны изъ 60, 80 и 150 Стрѣльцовъ; въ городахъ же пограничныхъ содержатъ ихъ гораздо болѣе. Казаки бываютъ разные: одни оберегаютъ зимою города Заокскіе, не имѣя постоянныхъ жилищъ и получая отъ казны стрѣлецкое жалованье, хлѣбъ, порохъ и свинецъ; другіе владѣютъ помѣстьями и стоятъ въ извѣстныхъ городахъ на стражѣ безсмѣнно; изъ нихъ не болѣе 5 или 6,000 употребляютъ оружіе. Настоящіе Казаки обитаютъ въ степяхъ Татарскихъ, по берегамъ Волги, Дона и Днѣпра; часто они вредятъ Татарамъ болѣе, нежели вся Русская армія. Государь даетъ имъ небольшое содержаніе; за то они имѣютъ право своевольничать, какъ хотятъ; временемъ, могутъ приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать необходимыя для себя вещи. Царь, намѣреваясь воспользоватся ихъ оружіемъ, посылаетъ имъ порохъ, свинецъ и отъ 7 до 10,000 рублей. Они всегда первые приводятъ

Татарскихъ плѣнниковъ, отъ коихъ Русскій Дворъ узнаетъ замыслы непріятеля. Тому, кто возметъ и представитъ плѣнника, даютъ изъ казны обыкновенно конецъ хорошаго сукна и камки на два платья, 40 куницъ, серебряную чашу и 20 или 30 рублей. Сіи Казаки въ случаѣ надобности, по Царскому повелѣнію, оставляютъ свои жилища и въ числѣ 10,000 усиливаютъ Русскую армію. (Впрочемъ Днѣпровскіе безпрестанно грабятъ Подолію). Къ нимъ присоединяютъ людей даточныхъ, со ста четвертей по одному человѣку, поселянъ, болѣе способныхъ управлять сохою, чѣмъ оружіемъ, хотя по виду похожихъ на Казаковъ: и тѣ и другіе носятъ узкіе кафтаны, съ длиннымъ отложнымъ воротникомъ, висящимъ до пояса. Одни изъ сихъ ратниковъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ Казаками, имѣютъ ружья, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю. Другіе же, находясь въ распоряженіи своихъ владѣльцевъ, вооружаются лукомъ, стрѣлами и рогатиною, удобною только для встрѣчи медвѣдя, выходящаго изъ берлоги. Сверхъ того, въ случаѣ необходимости, купцы выставляютъ людей отъ себя, сколько могутъ: иной трехъ, другой четырехъ, болѣе или менѣе.

Когда Казаки приведутъ плѣнниковъ—что случается обыкновенно въ началѣ Великаго поста—и Дворъ свѣдаетъ, собирается ли Татаринъ;

тогда, судя по вѣстямъ, Русское Правительство разсылаетъ повелѣнія по всему Государству, чтобы до растаянія снѣговъ, военные люди отправляли на саняхъ съѣстные припасы въ тѣ города, близь коихъ опредѣлено ожидать непріятеля. Провіантъ Русской арміи составляютъ: *сухари*, т. е хлѣбъ, изрѣзанный въ мелкіе куски и высушенный въ печкѣ; *крупа* ячная, просяпая, а наиболѣе овсяная 74); *толокно*, т. е. поджаренный и высушенный овесъ, измолотый въ муку (его употребляютъ разнымъ способомъ, въ видѣ кушанья и напитка: смѣшавъ въ доброй чашѣ двѣ или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотями соли, воины пьютъ эту смѣсь, считая ее вкусною и здоровою); соленое и копченое мясо баранье, свиное и рогатаго скота; масло, сыръ, истертый въ муку—его пьютъ съ водою; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ рыба сушеная и соленая, которую ѣдятъ сырую. Это пища начальниковъ: воины довольствуются сухарями, овсяною крупою и толокномъ, съ небольшимъ количествомъ соли.—Безъ подножнаго корма, Россіяне рѣдко выходятъ въ поле воевать съ Татарами, наблюдая то же правило въ войнѣ и съ прочими врагами, если только не бываетъ нечаяннаго вторженія.—Для содержанія войска Царь болѣе ничего не тратитъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, исключая наградъ за

какія нибудь заслуги, напримѣръ: кто приведетъ плѣнника, убьетъ непріятеля, получитъ рану, или отличится другимъ образомъ, тому даютъ деньги, смотря по заслугѣ, кусокъ парчи или другой шелковой матеріи на платье.

Русскіе Цари имѣютъ сношеніе съ Императоромъ Римскимъ, Королями Англійскимъ, Датскимъ и Шахомъ Персидскимъ; прежде они были въ союзѣ съ Королями Польскимъ и Шведскимъ; но теперь съ ними дружны только по виду, ибо не довѣряютъ одинъ другому, ожидая войны съ часа на часъ. Между Россіею и Турціею, въ теченіе 40 лѣтъ, были только два взаимныя посольства съ тѣхъ поръ, какъ Турки сняли осаду Астрахани, которую думали завоевать при помощи Ногайскихъ Татаръ и Пятигорскихъ Черкесовъ, т. е. жителей Георгіи [75]; и хотя Царь не воюетъ теперь съ Султаномъ, однако между ними нѣтъ ни сношеній, ни привѣтствій уже лѣтъ 30, какъ будто они еще болѣе отдалены другъ отъ друга. Въ теченіе сего времени, Русскій Государь велъ войну только съ Крымскими Татарами и съ Пятигорскими Черкесами, за то, что построилъ на ихъ землѣ четыре или пять городовъ и крѣпостей, изъ коихъ главные суть Терки и Самара [76]. Въ 1605 году Черкесы взяли одну крѣпость, ближайшую къ своимъ предѣламъ, при помощи Турковъ; но это дѣло было не важное. Сіи наѣзд-

ники весьма ловки и отважны; имѣютъ коней превосходныхъ, большею частію жеребцовъ; вооружаются легкими латами изъ крѣпкой стали, и копьями или дротиками. Они могли бы весьма много вредить Россіи, хотя отдѣляются отъ нея Волгою, обитая между Каспійскимъ и Черными морями, еслибъ были столь же многочисленны, какъ и другіе ея сосѣды

Возвратимся къ Борису Ѳеодоровичу. Принявъ Царскую корону 1 Сентября 1598 года, онъ началъ властвовать мирно, счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; но вскорѣ совершенно измѣнился: пересталъ разсматривать жалобы и просьбы, которыя прежде самъ выслушивалъ, скрывался во Дворцѣ, рѣдко показывался народу, и то съ недоступными обрядами, неизвѣстными древнимъ Государямъ. Имѣя сына и дочь, онъ задумалъ соединиться родствомъ съ Вѣнценосцами иноземными, въ намѣреніи утвердить и упрочить какъ себя, такъ и свое поколѣніе на Царскомъ престолѣ; въ то же время наказывалъ ссылкою людей подозрительныхъ, заставлялъ Бояръ заключать браки по своему произволу и соединялъ узами свойства главнѣйшихъ, наиболѣе полезныхъ себѣ Вельможъ, съ своимъ домомъ. Въ Москвѣ осталось не болѣе пяти или шести знатныхъ поколѣній, съ коими онъ не породнился; къ числу ихъ принадлежало семей-

*

ство Мстиславскаго. Одна изъ сестеръ сего Боярина была въ замужствѣ за Царемъ Симеономъ 77), другая же оставалась дѣвицею: Борисъ приказалъ ее, противъ воли, постричь въ монахини, а Мстиславскому запретилъ жениться. Былъ еще родъ Шуйскихъ, состоявшій изъ трехъ братьевъ. Желая сблизиться съ симъ домомъ, Борисъ выдалъ за средняго брата, именемъ Дмитрія, сестру своей супруги, а старшему не дозволилъ и думать о бракѣ—то былъ Князь Василій Ивановичь Шуйскій, нынѣшній Государь Московскій: Борисъ опасался, чтобы нѣсколько домовъ, соединясь узами родства, не вздумали сопротивляться ему; съ тою же мыслію удалилъ въ ссылку Царя Симеона, женатаго на сестрѣ Мстиславскаго. Въ день своего рожденія, день который празднуютъ во всей Россіи съ великимъ торжествомъ, Царь обрадовалъ заточеннаго Симеона надеждою скораго освобожденія и прислалъ ему при своемъ письмѣ вина Испанскаго: Симеонъ и служитель его, выпивъ вина за Царское здоровье, оба въ короткое время ослѣпли; Царь Симеонъ слѣпъ и теперь.—Я слышалъ это изъ собственныхъ устъ его.

Во вторый годъ своего правленія, Борисъ успѣлъ заманить въ Россію Густава, сына Короля Шведскаго Эрика, низложеннаго съ престола роднымъ братомъ Іоанномъ, Королемъ Шведскимъ,—въ надеждѣ сочетать съ Принцемъ

собственную дочь, если бы нашелъ его сообразнымъ съ своими видами. Густавъ принятъ былъ весьма великолѣпно, получилъ драгоцѣнные дары отъ Государя: серебряную посуду для своего дома, множество золотой и серебряной парчи Персидской, бархата, атласа и другихъ шелковыхъ тканей для всей свиты, дорогіе каменья, золотыя цѣпи, жемчужныя ожерелья, красивыхъ коней со всѣмъ уборомъ, всякаго рода мягкую рухлядь и 10,000 рублей деньгами, сумму незначительную въ сравненіи съ дарами. Вшествіе Принца въ Москву было царское. Но онъ худо себя велъ; его удалили, какъ опальнаго, въ городъ Угличъ,—мѣсто убіенія мнимаго Димитрія Іоанновича,— гдѣ при хорошемъ хозяйствѣ, онъ могъ имѣть до 4,000 рублей дохода ежегодно.

Въ 1600 году прибылъ изъ Польши Великій посолъ Левъ Сапѣга, нынѣ Канцлеръ Литовскій, заключившій миръ на 20 лѣтъ; онъ долго, противъ воли, жилъ въ Москвѣ, т. е. съ Августа мѣсяца до конца Великаго поста 1601 года, по случаю Борисовой болѣзни. Принимая отпускную грамоту, Сапѣга цѣловалъ Царскую руку. Въ сей день Борисъ явился въ пріемной палатѣ на Царскомъ тронѣ, съ короною на головѣ, со скиптромъ въ десницѣ; держава лежала предъ нимъ, сынъ сидѣлъ подлѣ него по лѣвую сторону; Члены Совѣта и Окольничіе запи-

мали мѣста кругомъ всей палаты на скамьяхъ, въ одеждѣ изъ драгоцѣнной парчи, обшитой жемчугомъ, въ высокихъ шапкахъ черныхъ лисьихъ; по обѣимъ сторонамъ Государя стояли по два молодыхъ Боярина [78]), одѣтыхъ въ бархатные бѣлые кафтаны, обложенные кругомъ на полфута шириною горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя огромными золотыми цѣпями, висящими на груди крестообразно: каждый изъ нихъ держалъ дорогія сѣкиры изъ Дамасской стали, подъятыя на плечо, какъ бы для удара,—величіе неизъяснимое! Пространная палата, гдѣ проходятъ послы, наполнена лавками, на коихъ сидятъ другіе Дворяне, также одѣтые въ парчевыя платья—иначе не лъзя явиться во Дворецъ. Во время шествія посла, они сидятъ неподвижно, наблюдая столь глубокое молчаніе, что зала кажется пустою. Такъ принимаются послы обыкновенно.—Сапѣга обѣдалъ въ присутствіи Царя, вмѣстѣ съ своею свитою до 300 человѣкъ. Всѣ они были угощаемы на золотой посудѣ, которой весьма много—разумѣю блюда, о тарелкахъ и салфеткахъ нечего и упоминать: самъ Царь ихъ не употребляетъ;—ѣли весьма хорошую рыбу, но худо приготовленную: это случилось постомъ, когда не вкушаютъ ни яицъ, ни масла, ни молока; попивъ довольно за здравіе обоихъ Вѣнценосцевъ, Сапѣга отправился съ добрыми и честными дарами.

По старинному обычаю, Царскіе пиры бываютъ весьма роскошны; прислуживаютъ 200 или 300 Дворянъ 79), одѣтыхъ въ кафтаны изъ золотой и серебряной Персидской парчи, съ длинными воротниками, висящими по спинѣ на добрыхъ полфута и унизанными жемчугомъ. На головѣ у нихъ по двѣ шапки; одна круглая, вышитая жемчугомъ, безъ полей, похожая на суповую миску безъ ручекъ; другая высокая изъ чернаго лисьяго мѣха; ее надѣваютъ сверху первой; а на грудь вѣшаютъ большія золотыя цѣпи. Число Дворянъ сихъ соразмѣрно числу гостей. Они подносятъ яства Государю и держатъ оныя до тѣхъ поръ, пока онъ потребуетъ того или другаго блюда. Пиръ бываетъ такимъ образомъ: когда Царь сядетъ за столъ и послы, или другія званыя особы, также займутъ свои мѣста,—Дворяне въ вышеупомянутомъ уборѣ подходятъ по два въ рядъ къ Царскому столу, дѣлаютъ низкій поклонъ и удаляются попарно, одни за другими, въ кухню за яствами, которыя подносятъ потомъ Государю; но прежде, нежели подадутъ кушанья, разставляютъ по всѣмъ столамъ въ серебряныхъ кувшинахъ водку; ее наливаютъ въ небольшія чарки и пьютъ предъ обѣдомъ;— на столахъ кромѣ хлѣба, соли, уксуса и перца, нѣтъ болѣе ничего, ни тарелокъ, ни салфетокъ. Между тѣмъ, какъ угощаемыя особы пьютъ водку, Царь разсылаетъ

каждому изъ нихъ въ особенности ломоть хлѣба, называя громко того, кому назначаетъ оный: тотъ встаетъ—и ему подносятъ хлѣбъ, съ сими словами: *Царь Господарь и Великій Князь* ** всея Руссіи жалуетъ тебѣ* [80]; онъ беретъ хлѣбъ съ низкимъ поклономъ и садится; также подносятъ и прочимъ. Потомъ, когда Царь тѣмъ же порядкомъ раздастъ главнымъ особамъ по одному блюду съ кушаньемъ, на всѣ столы подаютъ яства въ великомъ изобиліи. За симъ Царь посылаетъ каждому отдѣльно кубокъ, наполненный виномъ Испанскимъ съ тѣми же словами и обрядами, какъ выше сказано. Когда обѣдъ зайдетъ за половину и Царь разошлетъ гостямъ снова по большой чашѣ съ какимъ нибудь краснымъ медомъ (онъ бываетъ разныхъ сортовъ); тогда приносятъ и ставятъ по столамъ огромныя серебряныя ведра съ бѣлымъ медомъ, который черпаютъ ковшами. По мѣрѣ того, какъ одни сосуды опоражниваются, подаютъ другіе съ напитками, болѣе или менѣе крѣпкими, по желанію пирующихъ. За симъ Царь посылаетъ каждому гостю третью чашу съ крѣпкимъ медомъ или ароматнымъ виномъ; а по окончаніи обѣда четвертую и послѣднюю, наполненную *паточнымъ* медомъ [81], напиткомъ весьма вкуснымъ, легкимъ и, какъ вода ключевая, прозрачнымъ. Въ заключеніе — жалуетъ блюдо кушанья каждому изъ пирующихъ для

домашнихъ; причемъ яства, даримыя особамъ наиболѣе приближеннымъ, Государь сначала самъ отвѣдываетъ. Какъ при семъ случаѣ, такъ и въ продолженіе всего пира, повторяются тѣ же слова, о коихъ выше упомянуто. Кромѣ гостей, Царь посылаетъ по одному блюду на домъ каждому Дворянину и вообще всѣмъ лицамъ, кои пользуются его милостію. Сіи, такъ называемыя *подачи*, раздаются не только во время праздника, но и всякой день непремѣнно.

Если Государь, послѣ торжественнаго пріема, не намѣренъ угощать посла, согласно обычаю, во Дворцѣ, то посылаетъ обѣдъ къ нему слѣдующимъ образомъ: знатный Дворянинъ въ парчевой одеждѣ, съ вышитымъ воротникомъ, въ шапкѣ унизанной жемчугомъ, отправляется верхомъ объявить послу Царское милостивое слово и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать; 15 или 20 служителей идутъ вокругъ его лошади; за ними слѣдуетъ попарно: двое Стрѣльцовъ съ скатертями, сложенными свиткомъ; двое съ солонками; двое съ уксусомъ въ склянкахъ; двое съ парою ножей и парою ложекъ драгоцѣнныхъ; шесть человѣкъ съ хлѣбомъ; потомъ съ водкою: за ними несутъ съ дюжину серебряныхъ сосудовъ, въ три шопина каждый 82), наполненныхъ разными винами, наиболѣе крѣпкими, Испанскимъ, Канарскимъ и другими; послѣ того, столько же огромныхъ покаловъ Нѣмецкой работы. Далѣе

кушанья: холодное (подаваемое сначала), горячее, жареное и пирожное— все въ большихъ серебряныхъ блюдахъ; а въ случаѣ особеннаго Царскаго благоволенія, вся посуда бываетъ золотая. Потомъ — до 18 или 20 огромныхъ оловянниковъ [83] съ медомъ разныхъ сортовъ: ихъ поднимаютъ по два человѣка; за ними идутъ человѣкъ 12, каждый съ пятью или шестью большими ковшами. Шествіе заключаютъ двѣ или три телѣги съ медомъ и пивомъ для прислуги. Всѣ припасы несутъ Стрѣльцы, весьма опрятно одѣтые. Я видѣлъ человѣкъ 300 или 400, которые вышеписаннымъ порядкомъ несли кушанья и напитки для одного обѣда: видалъ также, что въ одинъ день посылали три обѣда разнымъ посламъ, одному болѣе, другому менѣе, но всегда съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано.

Въ 1601 году начался достопамятный трехлѣтній голодъ: мѣра хлѣба возвысилась въ цѣнѣ отъ 15 су до 3 рублей, т. е. до 20 ливровъ. Въ сіи три года случались злодѣйства почти невѣроятныя; казалось обыкновеннымъ, если мужъ бросалъ жену и семейство, если жена умерщвляла мужа, мать своихъ дѣтей — и съѣдали ихъ. Я самъ видѣлъ ужасное дѣло: четыре женщины, мои сосѣдки, бывъ оставлены мужьями, рѣшились на слѣдующій поступокъ: одна пошла въ рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, зазвала крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать

ему деньги; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу для полученія платы, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобы не повредилось: сперва хотѣли съѣсть лошадь убитаго, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою!—Голодъ свирѣпствовалъ съ такою силою, что, кромѣ умершихъ въ другихъ городахъ, въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120,000 людей; ихъ похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ, иждивеніемъ Государя, повелѣвшаго выдавать даже саваны для погребенія. Столь великая смертность въ Москвѣ произошла отъ того, что Царь Борисъ приказалъ раздавать ежедневно милостыню всѣмъ бѣднымъ обитателямъ столицы, каждому по московкѣ, т. е. около 7 денаріевъ. Услышавъ о таковой щедрости Государя, жители окрестные устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ столицу съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею, не смотря на то, что въ каждый большій праздникъ и воскресенье получали по деньгѣ, т. е. вдвое: посему, терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути: наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего Государства народъ двинулся въ столицу на явную

смерть, оставляя города и села, повелѣлъ раздачу денегъ прекратить. Тогда открылось зрѣлище неописанное: по дорогамъ лежали мертвые и умирающіе отъ холода и голода. Сумма, выданная Борисомъ для бѣдныхъ, не вѣроятна: не говоря о Москвѣ, во всей Россіи не было города, куда бы онъ не посылалъ денегъ болѣе или менѣе для раздачи народу. Я знаю, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей. Къ чести сего Царя, должно замѣтить, что онъ охотно раздавалъ щедрыя милостыни и награждалъ Духовенство, которое также было ему предано Голодъ весьма уменьшилъ и силы и доходы Государственные.

Въ началѣ Августа 1602 года, посѣтилъ Россію Герцогъ Іоаннъ, братъ Христіерна, Короля Датскаго, съ намѣреніемъ жениться на Царской дочери. Онъ принятъ былъ съ великими почестями, по Русскому обычаю; въ свитѣ его находилось около 200 человѣкъ, а почетная стража состояла изъ 24 Стрѣльцовъ и 24 Алебардщиковъ. Черезъ три дня послѣ пріѣзда, Герцогъ представлялся въ Золотой палатѣ Государю, который принялъ его ласково, называя сыномъ, и посадилъ рядомъ съ Царевичемъ Ѳеодоромъ. По окончаніи аудіенціи, гость обѣдалъ вмѣстѣ съ Его Величествомъ: случай безпримѣрный! по Русскимъ обычаямъ, никто, кромѣ Го-

сударевыхъ сыновей, не можетъ сидѣть за Царскимъ столомъ. Послѣ угощенія, Герцогъ, щедро одаренный, удалился въ назначенный ему домъ. Дней чрезъ 15 онъ сдѣлался боленъ, какъ думаютъ, отъ неумѣренности, и вскорѣ умеръ. Царь посѣтилъ его трижды во время болѣзни, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ; долго сокрушался и прогнѣвался на всѣхъ медиковъ. Не дозволивъ бальзамировать усопшаго, — что несогласно съ Русскою вѣрою,—Борисъ велѣлъ схоронить его въ Нѣмецкой церкви, версты двѣ за городомъ; все Дворянство провождало гробъ и присутствовало на похоронахъ. Три недѣли Царь и Вельможи носили трауръ. Чрезъ нѣсколько недѣль скончалась сестра его, вдова Царя Ѳеодора Іоанновича; она погребена въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Между тѣмъ недовѣрчивость и подозрѣнія безпрестанно тревожили Бориса: онъ удалялъ неоднократно Шуйскихъ, наиболѣе для него опасныхъ, хотя одинъ изъ нихъ женатъ былъ на Царской свояченицѣ; пыталъ многихъ людей невинныхъ только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда сіи послѣдніе были въ милости. Ни одинъ медикъ не дерзалъ, подъ опасеніемъ ссылки, пользовать Вельможъ, безъ именнаго приказанія Государя (во всей Россіи никогда не было другихъ аптекъ и лекарей, кромѣ Царскихъ). На конецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о

Димитріи Іоанновичѣ [84]), Борисъ занимался ежедневно только изтязаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ Царя награжденіе; а господина его, или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не слыхали и не видали. Димитріеву мать вывели изъ ея монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ весьма немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, по наружности милосердаго: ибо во все время своего царствованія, до появленія Димитрія въ Россіи, онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, кромѣ нѣкоторыхъ мошенниковъ, пойманныхъ изъ шайки до 500 человѣкъ; но тайно терзалъ весьма многихъ особъ, иныхъ наказывалъ заточеніемъ, другихъ умерщвлялъ ядомъ и безчисленное множество утопилъ. При всемъ томъ не нашелъ отрады.

Въ 1604 году обнаружилось то, чего онъ столько опасался: Димитрій Іоанновичъ, сынъ Царя Іоанна Васильевича, убіенный, какъ думали, въ городѣ Угличѣ, отъ Подольскихъ предѣловъ вступилъ въ Россію съ 4,000 воиновъ. Ему покорились одна за другою крѣпости Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Кромы, Карачевъ и многія иныя, послѣ кратковременнаго сопротивленія; со стороны же Татаріи Царевъ-городъ, Борисовъ,

Бѣлгородъ, Ливны и другія мѣста. Увеличивъ такимъ образомъ свои силы, онъ осадилъ построенную на горѣ крѣпость Новгородъ Сѣверскій, гдѣ начальствовалъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ. Сей Воевода оборонялся такъ упорно, что Димитрій не могъ овладѣть Новгородомъ. Между тѣмъ, Царское войско 15 Декабря верстъ на десять приблизилось къ его отряду. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, главный вождь Борисовъ, ожидалъ еще подкрѣпленія; но 20 числа дѣло завязалось. Послѣ двухъ или трехъ часовъ битвы, непріятели разошлись безъ важнаго урона; только Димитрій при семъ случаѣ упустилъ изъ рукъ побѣду, отъ явной неопытности своихъ Капитановъ въ военномъ искусствѣ; во время схватки, три Польскіе отряда бросились на одинъ Русскій батальонъ столь стремительно, что опрокинули его на правое крыло и потомъ на главный корпусъ, вся Царская рать поколебалась и въ смятеніи обратила врагамъ тылъ; уцѣлѣло одно лѣвое крыло. Если бы въ сію минуту другіе 400 всадниковъ ударили во флангъ, или въ другой батальонъ, уже полуразстроенный: то нѣтъ сомнѣнія, что четыре Польскіе отряда разбили бы все Русское войско. Главный вождь Мстиславскій, сбитый съ коня, получилъ три или четыре раны въ голову, и дружина Стрѣльцовъ едва спасла его отъ плѣна. Казалось, у Россіянъ не

было рукъ для сѣчи, хотя число ихъ простиралось отъ 40 до 50,000. Послѣ сей битвы оба войска ничего не дѣлали до Рождества Христова; Царскіе же Воеводы послали въ Москву нѣсколько плѣнниковъ и въ числѣ ихъ Капитана Польской кавалеріи, Домараскаго.

28 Декабря Димитрій, Іоанновичъ снялъ осаду Новагорода, не имѣя надежды взять его, и удалился въ страну Сѣверскую, весьма плодородную, гдѣ Поляки большею частію его оставили. Не теряя бодрости, онъ собралъ воиновъ, сколько могъ, Русскихъ, Польскихъ, Казаковъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, коихъ пріучилъ владѣть оружіемъ. Борисъ, имѣя запасное войско близъ Кромъ, усиливалъ ежедневно главную рать свою, которая преслѣдовала Димитрія, но такъ медленно, что, казалось, не имѣла охоты къ сраженію: цѣлый мѣсяцъ блуждала по лѣсамъ и дубравамъ, и наконецъ снова приблизилась къ отряду непріятельскому. Димитрій, узнавъ, что войско Борисово тѣснится въ одной деревнѣ такъ, что не можетъ двигаться, рѣшился ночью напасть на оное врасплохъ и приказалъ тамошнимъ жителямъ, знавшимъ всѣ выходы, зажечь село; но дозоры замѣтили поджигателей—и Россіяне изготовились къ битвѣ. На разсвѣтѣ 21 Января 1605 года, войска сразились. Послѣ небольшой стычки, когда началась съ обѣихъ сторонъ пушечная паль-

ба, Димитрій приказалъ своей главной конницѣ спуститься въ лощину и отрѣзать Царскую рать отъ деревни. Замѣтивъ сіе, Мстиславскій двинулъ впередъ правое крыло, съ двумя отрядами иноземцевъ, и предупредилъ непріятеля. Но предводитель дружины Польской не оробѣлъ: панъ или пропалъ! думалъ онъ, и съ десяткомъ хоругвій бросился на правое крыло Россіянъ съ такою яростію, что послѣ нѣкотораго сопротивленія иноземцевъ, оно разбѣжалось— и между тѣмъ, какъ главная рать Царская стояла неподвижно, въ какомъ—то безчувственномъ оцѣпенѣніи,—Полякъ повернулъ вправо къ селу, гдѣ находилась большая часть Русской пѣхоты съ нѣсколькими орудіями. Допустивъ непріятеля весьма близко, она дала залпъ изъ 10 или 12,000 ружей и такъ встрѣтила Поляковъ, что объятые ужасомъ, они поворотили коней въ совершенномъ разстройствѣ. Прочіе Поляки, пѣшіе и конные, думая, что дѣло выиграно, понеслись во весь духъ къ деревнѣ; увидѣвъ же своихъ въ безпорядкѣ бѣгущихъ, спѣшили удалиться, но уже поздо: ихъ преслѣдовали 5 или 6,000 всадниковъ, на пространствѣ 7 или 8 верстъ. Димитрій потерялъ почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій, оставивъ намѣстѣ 5 или 6,000 убитыми, кромѣ плѣнныхъ Изъ числа послѣднихъ измѣнившіе Борису были повѣшаны среди войска; а прочихъ вмѣстѣ

съ знаменами, трубами и барабанами торжественно водили по столицѣ [85].

Димитрій съ остальными силами удалился въ Путивль, гдѣ оставался до Мая мѣсяца; Полководцы же Борисовы осаждали Рыльскъ, покорившійся Димитрію, но въ 15 дней ничего не сдѣлавъ, сняли осаду и хотѣли распустить на нѣсколько мѣсяцевъ свое войско, весьма утомленное. Борисъ, свѣдавъ о семъ, запретилъ строго увольнять воиновъ. И такъ, послѣ кратковременнаго отдохновенія въ Сѣверской землѣ, Мстиславскій и Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, присланный ему въ товарищи, двинулись къ другой рати, которая, услышавъ о пораженіи Димитрія, осадила Кромы. Соединенныя войска остановились при семъ городѣ, и занимались дѣлами, достойными одного смѣха, до самой кончины Бориса Ѳеодоровича, умершаго апоплексіею въ субботу, 23 Апрѣля того же года.

Прежде продолженія нашей повѣсти, замѣтимъ, что Россіяне вовсе не терпятъ поединковъ, во—первыхъ потому, что ходятъ всегда безоружные, исключая военнаго времени, или путешествія; во—вторыхъ потому, что оскорбленный словами или другимъ образомъ вѣдается судомъ, который опредѣляетъ виновному наказаніе, именуемое *безчестіемъ*. Оно обыкновенно зависитъ отъ воли обиженнаго: иногда виновнаго сѣкутъ *батожьемъ*, т. е. обнаживъ спи-

ну до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ; два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи судьи, истца и постороннихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока судья скажетъ: стой! Иногда же уличенный въ оскорбленіи другаго платитъ обиженному окладъ, получаемый симъ послѣднимъ отъ Государя, и сверхъ того женѣ его вдвое: кому даютъ отъ казны 15 рублей ежегодно, тому и безчестія 15 рублей, да женѣ его 30, слѣдовательно всего 45 рублей. Такъ поступаютъ всегда, соразмѣрно жалованью. За иныя обиды, виновнаго сѣкутъ среди города кнутомъ и взыскавъ означенную пеню, отправляютъ его въ ссылку. Въ случаѣ же поединка между иностранцами (что видѣлъ я въ 6 лѣтъ однажды), кто ранитъ другаго—вызвавшаго, или вызваннаго, все равно—тотъ наказывается, какъ преступникъ уголовный, и ничѣмъ оправдать себя не можетъ; еще болѣе: не взирая на жесточайшую брань, запрещено бить поносителя даже рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго взысканія; если же сіе случится, причемъ другой и самъ ударитъ, а потомъ дѣло дойдетъ до жалобы: тогда обоихъ наказываютъ тѣлесно, или денежною пенею въ казну, для того, чтобы оскорбленный, говорятъ Россіяне, самовольною расправою не присвоивалъ себѣ власти правосудія, которое одно имѣетъ право

*

разбирать и преслѣдовать преступленія. И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ гораздо скорѣе и строже, нежели въ другихъ дѣлахъ. Сей обычай наблюдаютъ весьма тщательно не только мирные жители городовъ, но и воины во время походовъ, разумѣя о Дворянствѣ: за безчестіе простолюдина и гражданина платится не болѣе 2 рублей. Справедливо и то, что Россіяне не любятъ придираться къ словамъ: они весьма просты въ обхожденіи и всякому говорятъ—*ты;* а прежде были еще проще. Если имъ случалось иногда слышать что либо сомнительное, или несправедливое, то вмѣсто словъ: *Ваше мнѣніе* или *извините*, или другихъ учтивыхъ выраженій, они отвѣчали на отрѣзъ: *ты лжешь*. Такъ говорилъ даже слуга своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, названный Мучителемъ, не гнѣвался за подобныя грубости. Но теперь, познакомясь съ иноземцами, Россіяне отвыкаютъ отъ прежней дерзости въ разговорѣ, бывшей обыкновенною лѣтъ за двадцать или за тридцать [86].

По смерти Бориса, вдовствующая Государыня и Ѳеодоръ Борисовичъ, сынъ умершаго, немедленно отозвали Князей Мстиславскаго и Шуйскаго, поручивъ главное начальство надъ войскомъ, еще невѣдавшимъ о кончинѣ Государя, Петру Ѳедоровичу Басманову. Сей Воевода, начальствовавшій въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, во

время осады этой крѣпости Димитріемъ, прибылъ въ армію съ товарищемъ, 27 Апрѣля, и привелъ воиновъ къ присягѣ въ вѣрности и повиновеніи Ѳеодору Борисовичу. Новый Царь ласковыми грамотами убѣждалъ ихъ служить ему столь же вѣрно, какъ и покойному отцу его Борису Ѳеодоровичу, обѣщая наградить каждаго щедро, по прошествіи шестинедѣльнаго траура.

17 Мая Князь Василій Ивановичъ Голицынъ и Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, со многими иными, передались Димитрію Іоанновичу, связавъ двухъ другихъ Воеводъ, Ивана Годунова и Михайла Салтыкова. Прочіе Воеводы и воины обратились въ бѣгство къ Москвѣ, оставивъ всѣ орудія и снаряды въ окопахъ. Города и крѣпости ежедневно покорялись Димитрію, шедшему отъ Путивля, съ шестью отрядами Польской кавалеріи, числомъ до 600 всадниковъ, съ нѣсколькими Казаками Донскими и Днѣпровскими и малымъ числомъ Россіянъ. Прибывъ къ покорившейся арміи, онъ приказалъ немедленно распустить недѣли на двѣ или на три тѣхъ воиновъ, которые имѣли помѣстья подъ Москвою, другихъ же отправилъ къ столицѣ съ повелѣніемъ пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ; а самъ между тѣмъ подвигался къ ней медленно съ двухтысячнымъ отрядомъ и разсылалъ ежедневно грамоты къ Дворянству и простому народу, обѣщая милость покорнымъ, угрожая Бо-

жіимъ и Царскимъ гнѣвомъ строптивымъ и мятежнымъ. Народъ, получивъ одну изъ сихъ грамотъ, собрался на площади предъ дворцемъ. Тщетно Мстиславскій, Шуйскій, Бѣльскій и другіе хотѣли укротить волненіе: прочитавъ грамоту всенародно, Москвитяне съ воплями ворвались во дворецъ, заключили Царицу, вдову Борисову съ ея сыномъ и дочерью; взяли подъ стражу Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ —ближайшихъ родственниковъ—и все, что могли найти, разграбили.

Димитрій Іоанновичъ былъ въ Тулѣ за 100 верстъ отъ Москвы, когда получилъ извѣстіе о волненіи Москвитянъ. Онъ отправилъ Князя Василія Голицына для приведенія ихъ къ присягѣ; между тѣмъ, всѣ вельможи стремились къ нему на встрѣчу до самой Тулы. 20 Іюня погибла вдовствующая Царица съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ. Носилась молва, что они сами приняли ядъ; но думаютъ, что ихъ задушили. Къ дочери Борисовой приставили стражу, родственниковъ ея сослали въ разныя мѣста, а тѣло Бориса Ѳеодоровича, по просьбѣ вельможъ, вырыли изъ Архангельскаго собора, гдѣ погребаются Государи, и похоронили въ другой церкви.

Наконецъ, 30 Іюня, Димитрій Іоанновичъ вступилъ въ столицу. Приказавъ немедленно Мстиславскому, Шуйскому, Воротынскому, Масальскому и другимъ привезти Государыню,

свою матушку, изъ монастыря, удаленнаго отъ Москвы на 600 верстъ, онъ встрѣтилъ ее за версту отъ города; поговоривъ съ сыномъ около четверти часа, въ присутствіи всѣхъ Вельможъ и гражданъ, она сѣла въ колесницу, а Царь и Бояре провождали ее пѣшкомъ до самаго дворца; здѣсь она жила до того времени, какъ изготовили ей монастырь, въ коемъ погребена супруга Царя Ѳеодора Іоанновича, сестра Борисова.—Въ послѣдній день Іюля, Димитрій короновался, но безъ пышныхъ обрядовъ: только вся дорога отъ дворца до церкви Богоматери и Архангельскаго собора, была устлана по червленной ткани Персидскою парчею [87]. Когда Государь прибылъ во храмъ Богоматери, Патріархъ, ожидавшій его со всѣмъ Духовенствомъ, совершилъ Божественную службу съ разными обрядами; потомъ принесли изъ Казны корону, скипетръ и державу, и все это вручили Димитрію. По выходѣ отсюда въ Архангельскій Соборъ, бросали на дорогу золотыя небольшія монеты, цѣною въ пол-экю, въ экю и въ два экю, нарочно приготовленныя для сего случая (въ Россіи вовсе не дѣлаютъ золотой монеты). Изъ Архангельскаго собора Димитрій возвратился во дворецъ, гдѣ былъ столъ, доступный всякому, кто могъ за опымъ помѣститься. Таковъ обычай при коронаціи.

Чрезъ нѣсколько времени, въ присутствіи

выборныхъ Чиновъ изъ всѣхъ сословій, Князя Василія Шуйскаго судили, и признали виновнымъ въ оскорбленіи Величества. Царь повелѣлъ отрубить ему голову, а двухъ братьевъ его сослать въ заточеніе. Въ четвертый день послѣ приговора, Шуйскаго вывели на площадь народную, и когда уже положили его на плаху, объявлено прощеніе, по ходатайству Царской матери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ [88]; преступника наказали только, вмѣстѣ съ братьями, ссылкою; но онъ вскорѣ былъ призванъ ко Двору. Никогда Димитрій не поступалъ такъ неблагоразумно, какъ въ семъ случаѣ: помиловавъ Шуйскаго, онъ погубилъ самого себя.

Въ то же время Царь отправилъ въ Польшу посломъ Аѳанасія Ивановича Власьева, для исполненія, какъ думаютъ, тайнаго договора, заключеннаго съ Воеводою Сендомирскимъ: Димитрій далъ слово жениться на его дочери, въ благодарность за содѣйствіе при завоеваніи Государства, какъ скоро, съ помощію Божіею, онъ вступитъ на престолъ отца своего, Іоанна Васильевича. Аѳанасій велъ сватовство столь удачно, что въ Краковѣ совершилось торжественное обрученіе въ присутствіи самого Короля Польскаго. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ Иноземную стражу изъ сотни Стрѣлковъ, охранявшихъ особу его, подъ моимъ начальствомъ, и двухъ сотенъ Аллебардщиковъ, дотолѣ неизвѣст-

ныхъ въ Россіи [89]. Бояре, не смѣвшіе въ правленіе Борисово заключать брачныхъ союзовъ, получили отъ Димитрія разрѣшеніе. Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ Царской матери, которая два дня сряду пировала на свадьбахъ: Василій Шуйскій, освобожденный изъ заточенія и столь же милостиво принятый при Дворѣ, какъ и прежде, успѣлъ обручиться съ дѣвицею, также изъ рода Нагихъ [90]; свадьбѣ его надлежало быть чрезъ мѣсяцъ послѣ Царской. Только и слышно было о пирахъ и бракахъ; всѣ радовались и веселились; Димитрій мало по малу давалъ чувствовать Россіянамъ, сколь счастливъ народъ свободный, управляемый милосердымъ Государемъ. Ежедневно разъ или два онъ посѣщалъ Царицу, мать свою. Сей Государь иногда, казалось, слишкомъ ласково обходился съ Вельможами, которые воспитывались и выростали въ такомъ униженіи и страхѣ, что при Царѣ почти не смѣли сказать слова безъ приказанія: впрочемъ, въ случаѣ надобности, онъ умѣлъ являть величіе и достоинство, свойственныя Государю; весьма былъ разуменъ и столько смышленъ, что среди Членовъ своего Совѣта казался учителемъ среди школьниковъ.—Не взирая на сіе, открылись тайные замыслы: схваченъ былъ одинъ Дьякъ или Секретарь; его пытали въ присутствіи Петра Ѳедоровича Басманова, главнаго любимца Димитрієва, но не могли исторгнуть

у него признаніи и открыть начальника заговора—Василія Шуйскаго, какъ свѣдали послѣ. Дьяка сего сослали 91).

Между тѣмъ въ предѣлы Россіи вступила Царская невѣста съ своимъ отцемъ, братомъ, зятемъ, по имени Вишневецкимъ, и многими другими Вельможами. 20 Апрѣля Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, Бояринъ, доселѣ весьма любимый Государемъ, впалъ въ немилость за дерзкое слово, сказанное Димитрію въ защиту Князя Василія Шуйскаго, во время ихъ спора о жареной телятинѣ, поданной на столъ, вопреки Русскимъ обычаямъ. Въ день пасхи Татищевъ получилъ прощеніе, по ходатайству Петра Ѳедоровича Басманова, хотя всѣ догадывались, даже и самъ Димитрій,—Государь впрочемъ неподозрительный,— что Татищевъ задумалъ какое-то коварное дѣло; ибо никогда прежде онъ такъ не поступалъ, какъ дней за 15 до своей опалы. Возвращеніе Татищева было ошибкою столь же важною, какъ и помилованіе Шуйскаго: всѣ знали его злое сердце, не забывавшее никакой обиды.

Въ концѣ Апрѣля, Димитрій получилъ извѣстіе о волненіи Казаковъ, собравшихся до 4,000 между Казанью и Астраханью. Всѣ вообще Казаки, о коихъ мы доселѣ говорили, сражаются пѣшіе: ихъ не должно смѣшивать съ тѣми наѣздниками, которые, подъ именемъ Ка-

заковъ обитая въ Подоліи и Чермной Россіи, подъ властію Короля Польскаго, нерѣдко воюютъ въ Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи, и другихъ земляхъ. Казаки, упоминаемые въ семъ сочиненіи, какъ одѣяніемъ, такъ и вооруженіемъ, искони сходствуютъ съ Татарами и только съ недавняго времени употребляютъ ружья, обороняясь единственно саблями. Свирѣпствуя по Волгѣ, они распустили молву, что съ ними находится юный Принцъ, именемъ Царь Петръ,— истинный сынъ (по ихъ словамъ) Царя Ѳеодора Іоанновича и сестры Бориса Ѳеодоровича, родившійся около 1588 года и тайно подмѣненный дѣвочкою (умершею на 3 году, какъ выше сказано). Если бы Казаки говорили правду, то Царю Петру было бы 16 или 17 лѣтъ; но имъ хотѣлось только подъ симъ предлогомъ вольнѣе грабить Царскія области, по неудовольствію на Димитрія, не давшаго имъ такой награды, какой они желали. Впрочемъ Государь послалъ къ Самозванцу письмо, увѣдомляя, что если онъ истинный сынъ Ѳеодора Іоанновича, то пожаловалъ бы въ Москву, и что для продовольствія его въ дорогѣ дано будетъ приказаніе: если же онъ обманщикъ, то удалился бы отъ Русскихъ предѣловъ. Между тѣмъ, какъ гонцы скакали къ нему и отъ него, несчастный Димитрій былъ умерщвленъ; впрочемъ до моего отъѣзда изъ Россіи, Казаки взяли и разграбили

три Волжскія крѣпости, захватили нѣсколько орудій и военныхъ снарядовъ, наконецъ разсѣялись: сильнѣйшая толпа удалилась въ Татарскія степи, другіе овладѣли крѣпостью на пути между Казанью и Астраханью, въ надеждѣ грабить купцовъ, отправлявшихъ въ Астрахань свои товары, или по крайней мѣрѣ брать съ нихъ хорошіе окупы. Въ Архангельскѣ же я узналъ, что волненіе утихло и что Казаки смирились.

Димитріева невѣста торжественно вступила въ Москву 12 Мая, въ пятницу, съ такимъ великолѣпіемъ, какого прежде Россіяне не видывали: ея колесницу везли 10 Ногайскихъ лошадей, всѣ бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры и леопарды, столь сходныя одна съ другою, что не льзя было различить ихъ. Ее провождали Польскіе всадники, богато одѣтые, на лихихъ коняхъ, и отрядъ гайдуковъ, назначенныхъ въ тѣлохранители. Въ свитѣ находились многіе Вельможи. Царица остановилась въ монастырѣ, гдѣ обитала мать Государева, и жила тамъ до 17 Мая, когда заняла во Дворцѣ свою половину. На другой день она была коронована, съ тѣми же обрядами, какъ и Димитрій. Ее вели подъ руки—справа посолъ Короля Польскаго, Каштелянъ Малаговскій, слѣва супруга Мстиславскаго; по выходѣ же изъ церкви, за правую руку велъ ее самъ Димитрій, а лѣвую поддерживалъ Василій Шуйскій. Въ праздникѣ этого

дня участвовали одни Россіяне. 19 Мая совершилось брачное торжество, въ присутствіи всѣхъ Поляковъ, исключая посла, который былъ недоволенъ тѣмъ, что Царь не хотѣлъ посадить его за своимъ столомъ. Хотя по Русскимъ обычаямъ, никакой посолъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ Государемъ; однакожъ Малаговскій не переставалъ твердить Димитрію, что Король Польскій удостоилъ Русскаго посла чести сидѣть при обрученіи за столомъ Королевскимъ. Въ субботу и воскресенье Малаговскій пировалъ во Дворцѣ за особеннымъ столомъ подлѣ Царскаго.

Въ сіе время Димитрій, увѣдомленный и своимъ тестемъ, Воеводою Сендомирскимъ, и Секретаремъ, и Басмановымъ, и другими лицами о умыслѣ на жизнь свою, повелѣлъ взять нѣкоторыхъ людей подъ стражу; впрочемъ, казалось, не очень вѣрилъ извѣту. Наконецъ 27 Мая (по новому стилю, какъ и въ прочихъ мѣстахъ сего сочиненія,—Россіяне слѣдуютъ старому), когда менѣе всего помышляли объ опасности, насталъ пагубный день для Царя Димитрія Іоанновича: въ 6 часовъ утра его умертвили безчеловѣчно, побивъ въ то же время, какъ полагаютъ, 1705 Поляковъ, разсѣянныхъ по домамъ въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи. Заговорщиками начальствовалъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ

былъ убитъ въ сѣняхъ предъ Царскими покоями; первый ударъ нанесъ ему тотъ самый Татищевъ, которому онъ недавно исходатайствовалъ свободу; погибли также нѣкоторые Стрѣльцы изъ числа тѣлохранителей. Царица, Димитріева супруга, ея отецъ, братъ, зять и всѣ спасшіеся отъ яростной черни, были заключены, какъ плѣнники, въ отдѣльныхъ домахъ. А Димитрія, мертваго, нагаго, убійцы влекли мимо жилища его матери, на площадь народную, гдѣ Василій Шуйскій долженствовалъ потерять голову; тамъ положили трупъ его на столѣ длиною въ аршинъ, такъ что съ одного конца висѣла голова, а съ другаго ноги: тѣло же Петра Басманова помѣстили подъ столомъ. Въ семъ положеніи они были предметомъ всеобщаго любопытства около трехъ дней, до избранія Государемъ начальника заговора, Василія Ивановича Шуйскаго. Хотя Русскій престолъ не избирательный, а наслѣдственый, но какъ Димитрій былъ послѣднимъ въ родѣ и никого отъ Царской крови не оставалось, то Шуйскій получилъ корону чрезъ происки и хитрые ковы, подобно Борису Ѳеодоровичу. Новый Царь приказалъ зарыть Димитрія за городомъ подлѣ большой дороги. Въ первую ночь по убіеніи сего Государя, насталъ жестокій морозъ, который продолжался 8 дней и повредилъ весь хлѣбъ на поляхъ, деревья, даже траву луговую. Для пре-

кращенія сего бѣдствія, доселѣ неслыханнаго, по челобитью приверженцевъ Шуйскаго, тѣло Димитрія чрезъ нѣсколько дней вырыли изъ могилы, сожгли и обратили въ прахъ. Но ропотъ со всѣхъ сторонъ раздавался, одни плакали, другіе стонали, немногіе веселились. Въ Думѣ, въ народѣ, во всемъ Государствѣ возникли раздоры и новыя измѣны; въ областяхъ свирѣпствовали мятежи; и долго было неизвѣстно, чѣмъ они кончатся. Польскаго посла держали въ тѣсномъ заключеніи; всѣхъ получившихъ отъ покойнаго какую либо милость—сослали. Наконецъ вдовствующую Царицу, супругу Димитрія, крѣпко стерегли въ домѣ отца ея, вмѣстѣ съ придворными дамами и другими Польками.

Желая прекратить волненіе умовъ и ропотъ народный, Царь Василій Шуйскій послалъ брата своего Дмитрія, Михайла Татищева и другихъ клевретовъ въ Угличъ, съ повелѣніемъ отрыть тѣло или кости убіеннаго лѣтъ за 17, по ихъ мнѣнію, истиннаго Димитрія, сына Іоанна Васильевича. Посланные обрѣли (по ихъ словамъ) тѣло невредимое, въ одеждѣ столь свѣжей, какъ въ день погребенія (въ Россіи обыкновенно хоронятъ въ томъ платьѣ, какое находилось на убитомъ), даже самые орѣхи, бывшія въ рукѣ Царевича, оказались совершенно цѣлыми. Вынутое изъ могилы, оно совершало, по ихъ

извѣстію, многія чудеса какъ въ Угличѣ, такъ и на пути къ столицѣ. При торжественномъ внесеніи въ Москву, его провождали Патріархъ, Духовенство, со всѣми мощами, Царь Василій Шуйскій, Царица, мать Димитрія, и все Дворянство. Шуйскій повелѣлъ объявить убіеннаго Святымъ; но не успокоилъ народа и двукратно едва не былъ сверженъ съ престола, не смотря на то, что онъ 20 Іюня короновался.

Отославъ въ Польшу многихъ незначительныхъ Поляковъ, особенно служителей, Царь удержалъ въ Россіи главнѣйшихъ особъ, въ надеждѣ принудить Короля Польскаго къ миролюбію; Воеводу же Сендомирскаго, страдавшаго тяжкою болѣзнію, и дочь его, Царицу, отправилъ въ Угличъ 92), приказавъ держать ихъ подъ стражею.

Димитрій Іоанновичъ, сынъ Царя Іоанна Васильевича, прозваннаго Мучителемъ, погибъ на 25 году; роста онъ былъ средняго, вовсе безъ бороды, крѣпкаго, сильнаго сложенія, цвѣтомъ смугловатый, съ бородавкою подлѣ носа, подъ правымъ глазомъ; имѣя умъ быстрый и проницательный, душу добрую, милосердую, характеръ весьма вспыльчивый, но только на минуту, онъ пылалъ честолюбіемъ, уважалъ людей съ душею благородною и хотѣлъ прославиться въ потомствѣ; въ концѣ Августа 1606 года, онъ думалъ послать во Францію на Англій-

скомъ кораблѣ Секретаря своего, въ намѣреніи привѣтствовать Короля Французскаго и съ нимъ познакомиться: Димитрій часто разговаривалъ со мною о Его Величествѣ съ великимъ уваженіемъ. Христіанство много потеряло гибелью сего Государя, если только онъ умеръ, хотя смерть его кажется несомнительною. Говорю такъ потому, что я не видалъ его трупа своими глазами, бывъ тогда боленъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ мятежа, пронесся слухъ, что умертвили не Димитрія; что онъ, узнавъ за нѣсколько часовъ до разсвѣта о намѣреніи заговорщиковъ, велѣлъ занять свое мѣсто другому человѣку, на него похожему, а самъ скрылся изъ Москвы — не отъ страха (такъ я думаю, если только молва справедлива), ибо онъ успѣлъ бы разрушить заговоръ, — но въ намѣреніи узнать, кто болѣе всѣхъ ему преданъ: Димитрій могъ прибѣгнуть къ столь опасному средству для открытія истинныхъ приверженцевъ, чтобы отклонить подозрѣніе о своей недовѣрчивости къ подданнымъ. Эта молва не умолкала до самого отъѣзда моего изъ Россіи, 14 Сентября 1606 года. Тогда я полагалъ, что ее распускали какіе нибудь новые злоумышленники, въ надеждѣ воспламенить въ народѣ ненависть къ Василію Ивановичу Шуйскому, начальнику возмущенія, и тѣмъ удобнѣе достигнуть своей цѣли. То же думаю и теперь, осно-

вывалась на доказательствахъ, ниже сего приведенныхъ. Россіяне же, увѣряя въ спасеніи Димитрія отъ смерти, разсказываютъ, что едва миновала полночь, по Царскому повелѣнію взяты были изъ малой Дворцовой конюшни три коня Турецкіе, которые въ послѣдствіи неизвѣстно куда дѣвались; что Шуйскій, допрашивая того, кто отпустилъ коней, замучилъ виновнаго до смерти; что хозяинъ дома, гдѣ открылся Димитрій въ первый разъ по удаленіи изъ Москвы, разговаривалъ съ Царемъ, и даже принесъ собственноручное письмо его, въ коемъ онъ, будто бы, укоряя Россіянъ въ неблагодарности, въ забвеніи его щедротъ и милосердія, угрожалъ виновнымъ продолжительною местію. Кромѣ того, на улицахъ находили неоднократно подметныя письма, въ коихъ было сказано, что Димитрія узнавали во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бралъ почтовыхъ лошадей. Въ Августѣ же мѣсяцѣ появились вновь подобныя письма, увѣрявшія, что заговорщики обманулись и что Димитрій не замедлитъ повидаться съ ними въ первый день новаго года.

Скажу мимоходомъ, что разсказывалъ мнѣ Французскій купецъ, Бертранъ де Кассанъ, видѣвшій на площади трупъ Димитрія; *я не думалъ*, говорилъ онъ, *чтобы Царь былъ съ бородою, которой прежде я не замѣтилъ* (въ самомъ дѣлѣ Димитрій не имѣлъ оной); *на лицѣ же*

убіеннаго остались ясные знаки густой бороды, уже обритой; да и волосы у него были длинные, чѣмъ мнѣ казалось, когда я видѣлъ Царя накануне его смерти. Кромѣ сего, по свидѣтельству Секретаря Димитріева, родомъ изъ Польши, Станислава Бучинскаго, былъ молодой Русскій Вельможа, весьма любимый и жалуемый Царемъ, съ коимъ онъ много сходствовалъ, исключая только того, что имѣлъ небольшую бороду: этого господина, по словамъ Россіянъ, нигдѣ не находили, и не знали, что съ нимъ сдѣлалось.

Еще мнѣ разсказывалъ одинъ Французъ, поваръ Воеводы Сендомирскаго, что Царица, вдова Димитрія, свѣдавъ о носившейся молвѣ, удостовѣрилась въ спасеніи своего супруга, и убѣжденная въ истинѣ этого событія, съ тѣхъ поръ казалась веселѣе прежняго.

Чрезъ нѣсколько времени по избраніи Шуйскаго, открылся бунтъ въ пяти, или шести главныхъ городахъ на предѣлахъ Татаріи: мятежники схватили Воеводъ и побили часть войска; впрочемъ, еще до отъѣзда моего, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, раскаялись и получили отъ Московскаго Двора прощеніе, оправдавшись тѣмъ, что они были обмануты молвою о спасеніи Царя Димитрія. Въ то же время Вельможи, негодуя на избраніе Шуйскаго Государемъ безъ ихъ согласія, едва не свели его съ престола. Наконецъ

все успокоилось, и Шуйскій былъ коронованъ 20 Іюня.

Послѣ вѣнчанія, возникли опять тайныя козни противъ сего Государя, въ пользу (какъ я думаю) Князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, которому, при избраніи Царя, многіе предлагали престолъ, и если бы всѣ Чины были созваны, ему вручили бы скипетръ: ибо онъ происходилъ отъ самаго знатнаго поколѣнія. Впрочемъ сей Князь, какъ говорятъ, отказывался отъ короны и рѣшился постричься въ монахи, если на него падетъ жребій. За нимъ была двоюродная сестра матери Димитріевой, изъ рода Нагихъ: и потому весьма вѣроятно, что возвести Мстиславскаго на престолъ замышляли женины родственники, вопреки его собственному желанію. — Главнымъ зачинщикомъ сего заговора былъ обвиненъ знатный Бояринъ Петръ Никитичь Шереметевъ, изъ дома Нагихъ, находившійся въ отсутствіи; его судили только по извѣту свидѣтелей; — потомъ сослали и, какъ я слышалъ, на дорогѣ отравили.

Въ то же время на воротахъ многихъ Вельможъ и иностранцевъ ночью было написано, что Царь Василій Шуйскій повелѣваетъ народу разграбить домы сихъ измѣнниковъ. Въ намѣреніи исполнить это повелѣніе, собрались толпы черни, пріученной къ добычѣ прежними перемѣнами и согласной, въ надеждѣ грабежа,

имѣть еженедѣльно новаго Государя: — ее съ трудомъ усмирили. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, въ воскресный день, именемъ Шуйскаго, но безъ его вѣдома, созвали жителей Москвы на Дворцовую площадь подъ предлогомъ, что Царь желаетъ говорить съ ними. Случайно я находился тогда подлѣ Государя, шедшаго къ обѣднѣ: узнавъ о созваніи народа, онъ весьма удивился и приказалъ изслѣдовать, кто дерзнулъ на такой поступокъ; между тѣмъ, не трогаясь съ мѣста, въ присутствіи многихъ людей, устремившихся со всѣхъ сторонъ, Шуйскій началъ плакать и, укоряя окружавшихъ въ непостоянствѣ, говорилъ, что имъ ненужно было выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться; что избравъ его Царемъ, имѣютъ власть и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ имъ Царскій жезлъ и шапку, продолжалъ: *если такъ, выбирайте, кого хотите!* Но въ ту же минуту снова принялъ жезлъ и сказалъ: *мнѣ уже надоѣли сіи козни: то меня хотите умертвить, то Вельможъ и самыхъ иноземцевъ, по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы признаете меня Царемъ, я требую казни виновнымъ!* Тогда всѣ окружавшіе Государя воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, хотятъ умереть за него и просятъ наказать преступ-

никовъ. Между тѣмъ, народу уже велѣно было разойтись по домамъ; при чемъ поймали пятерыхъ злоумышленниковъ. Думаютъ, что если бы Шуйскій вышелъ изъ Дворца, или вся чернь собралась бы на площади, ему не миновать бы участи Димитрія. Спустя нѣсколько дней, означенные пять человѣкъ были наказаны, по Русскому обычаю, кнутомъ всенародно и сосланы. Въ приговорѣ объявлено, что Мстиславскій, обвиняемый въ зломъ умыслѣ, оправдался, и что вся вина падаетъ на Петра Шереметева.

Василію Шуйскому угрожала новая опасность во время перенесенія въ Москву тѣла истиннаго, по его словамъ, Димитрія, умерщвленнаго за 17 лѣтъ: говорятъ, что Царя хотѣли побить каменьями, когда онъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Духовенствомъ, вышелъ за городъ на встрѣчу гробу; но Бояре успѣли укротить чернь прежде, чѣмъ она успѣла собраться.

Въ то же время открылся бунтъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ, уже присягнувшемъ, по сказанію Россіянъ, новому Государю: 7 или 8,000 человѣкъ приняли оружіе, утверждая, что Димитрій живъ; но какъ мятежники не имѣли предводителей, то ихъ разсѣяли войска, посланныя Василіемъ Шуйскимъ, въ числѣ 50 или 60,000 человѣкъ, между коими находились и всѣ иноземные воины; о чемъ я узналъ въ Архангельскѣ. Избѣгнувшіе пораженія удали-

лись въ Путивль, одинъ изъ главныхъ городовъ области Сѣверской. Говорятъ, что и сей городъ покорился и что виновниками смятенія были Поляки: собравшіеся на предѣлахъ Россіи и Подоліи, они распустили молву, что Димитрій здравствуетъ въ Польшѣ.—Вотъ все, что случилось до 14 Сентября 1606 года, въ подтвержденіе молвы о мнимомъ спасеніи Димитрія 93).

Въ заключеніе скажу свои мысли въ отвѣтъ на мнѣніе тѣхъ людей, которые признаютъ Димитрія Іоанновича не сыномъ Іоанна Васильевича Мучителя, а обманщикомъ.

Россіяне, повѣривъ словамъ Бориса Ѳеодоровича, Государя весьма тонкаго и коварнаго, также разсказамъ и другихъ непріятелей Димитрія, говорятъ, что онъ былъ обманщикъ, Разстрига (т. е. монахъ, выгнанный изъ монастыря), Гришка или Григорій Отрепьевъ, и что истинный Димитрій Іоанновичъ умерщвленъ на 8 году въ Угличѣ, за 17 предъ симъ лѣтъ, о чемъ говорили мы выше.

Другіе же, предполагая въ себѣ болѣе проницательности, также иноземцы, знавшіе Димитрія, увѣряютъ, что онъ былъ не Россіянинъ, а Полякъ, Трансильванецъ, или иной иноплеменникъ, избранный только орудіемъ для исполненія замысла другихъ особъ.

Въ отвѣтъ на первое возраженіе, я уже объяснилъ, для чего Борисъ Ѳеодоровичъ, пра-

вившій Государствомъ при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, сослалъ Димитрія, вмѣстѣ съ матерью, въ Угличъ. Изъ моего сочиненія очевидно всякому, что Ѳеодоръ, и по простотѣ своей, и по малолѣтству брата, неопаснаго пятилѣтняго младенца, не думалъ удалять его: это сдѣлано коварнымъ Борисомъ 94). Посему весьма вѣроятно, что мать и знатнѣйшіе Бояре, напримѣръ, Нагіе, Романовы, угадывая, чего желаетъ Борисъ, употребили всѣ способы къ избавленію младенца отъ погибели. Спасти же Царевича они иначе не могли, по моему мнѣнію, какъ подмѣнивъ его и воспитавъ тайно, доколѣ настанетъ лучшее время, или разрушатся планы Бориса Ѳеодоровича. —Сей цѣли они достигли, какъ не льзя лучше: кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не вѣдалъ о подлогѣ; Царевичъ воспитывался тайно; по смерти же брата своего Ѳеодора, когда избрали Царемъ Бориса, вѣроятно удалился въ Польшу, вмѣстѣ съ Разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобы перейти Русскую границу 95): тамъ вступилъ онъ въ службу къ Польскому Вельможѣ, Вишневецкому, зятю Воеводы Сендомирскаго; наконецъ перешелъ къ сему послѣднему и открылся. Воевода представилъ его Польскому Двору, гдѣ онъ получилъ нѣкоторое вспоможеніе.—Изъ вышесказаннаго очевидно, что въ Угличѣ умерщвленъ былъ не Царевичъ, а запявшій его мѣсто.

Россіяне называютъ Димитрія Разстригою,— но дѣло состоитъ въ томъ: вскорѣ по воцареніи Бориса Ѳеодоровича, одинъ монахъ,—Секретарь Патріаршій,—именемъ Гришка Отрепьевъ, котораго Борисъ называлъ Разстригою, бѣжалъ въ Польщу: этотъ случай возбудилъ подозрѣніе въ Борисѣ; онъ развѣдывалъ до самой смерти, чтобы сіе значило. Но въ монашескомъ платьѣ, какъ я знаю за достовѣрное, убѣжали двое, Разстрига и другой человѣкъ—доселѣ безъименный. Борисъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ предѣламъ Государства, съ повелѣніемъ стеречь всѣ дороги и задерживать всякаго, даже съ пропускнымъ видомъ, объявивъ, что два Государственные преступника намѣрены скрыться въ Польшѣ. На всѣхъ путяхъ къ границѣ учредили заставы, какъ бы отъ моровой язвы, и три или четыре мѣсяца никто не могъ ѣздить изъ города въ городъ.

Кромѣ сего, дознано и доказано, что Разстригѣ было отъ 35 до 38 лѣтъ; Димитрій же вступилъ въ Россію 23 или 24-лѣтнимъ юношею и привелъ съ собою Разстригу, котораго всякъ могъ видѣть: его братья живы и теперь, имѣя помѣстья близъ Галича. Этотъ Разстрига, до побѣга изъ Россіи, слылъ негодяемъ и горькимъ пьяницею, за что Димитрій удалилъ его на 230 верстъ отъ столицы въ Ярославль. Тамъ находится домъ Англійской компаніи; одинъ изъ

жившихъ въ семъ домѣ, въ то время, когда умертвили Димитрія, сказывалъ мнѣ, что Разстрига, услышавъ о смерти Царя и о восшествіи Шуйскаго на престолъ, признавалъ Димитрія истиннымъ сыномъ Іоанновымъ, коего онъ вывелъ изъ Россіи; божился, клялся въ справедливости словъ своихъ, называлъ себя Гришкою Отрепьевымъ, Разстригою, и говорилъ, что никто не можетъ сего опровергнуть. Вотъ собственное признаніе Отрепьева! — и немногіе изъ Россіянъ мыслятъ иначе. Чрезъ нѣсколько времени, Василій Шуйскій, возведенный на Царство, приказалъ его отыскать; что же съ нимъ сдѣлалось послѣ, я не знаю. — Сего довольно для отвѣта на первое возраженіе [96].

Разсмотримъ второе: многіе иноземцы, именуя Димитрія Полякомъ, или Трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія проводятъ то, что онъ говорилъ по Русски неправильно, осмѣивалъ Русскіе обычаи, наблюдалъ Русскую вѣру только для вида: однимъ словомъ, говорятъ они, всѣ пріемы и поступки обличали въ немъ Поляка.

Но если онъ былъ Полякъ, нарочно воспитанный для потрясенія Бориса, то надлежало бы наконецъ узнать: кто избралъ его своимъ орудіемъ? Притомъ, для сей цѣли, безъ сомнѣнія, не льзя было употребить какого нибудь бродягу:

замѣчу мимоходомъ, что изъ 500 человѣкъ не сыщется ни одинъ способный къ исполненію того, что предпринялъ двадцати трехъ-лѣтній Димитрій. И чего могли надѣяться замышлявшіе возвести на Русскій престолъ обманщика, въ то время, когда Россіяне не сомнѣвались въ убіеніи Царевича, когда Борисъ Ѳеодоровичъ царствовалъ счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, уважаемый народомъ, страшный для всякаго, когда мать Димитрія и многіе изъ родственниковъ ея могли засвидѣтельствовать истину? Вѣроятно ли, чтобы Король Польскій дозволилъ помогать обманщику? А подданные, безъ его свѣдѣнія, конечно не рѣшились бы на столь важное дѣло, которое, въ случаѣ неудачи, навлекло бы долговременную, бѣдственную войну Государству. Но если бы Король согласился содѣйствовать коварному умыслу, то Димитрій вступилъ бы въ Россію не съ малочисленною толпою: Король послалъ бы съ нимъ какихъ нибудь знатныхъ Вельможъ, для руководства, и снабдилъ бы его денежною казною; тогда Поляки не оставили бы Димитрія, отступившаго отъ Новагорода Сѣверскаго, тѣмъ болѣе, что онъ еще имѣлъ въ своихъ рукахъ до 15 городовъ и ежедневно усиливалъ свое войско.—Говорить же, что все сіе предпринялъ самъ собою обманщикъ, который, назвавъ себя Димитріемъ, имѣлъ не болѣе 21 года и для сей цѣли гораздо прежъ-

де научился Русскому языку, даже чтенію и письму,—есть мнѣніе нелѣпое. Кромѣ того, что Самозванецъ на всѣ вопросы, безъ сомнѣнія предложенные при первомъ его появленіи, долженъ былъ отвѣчать умно и удовлетворительно, гдѣ могъ иноплеменникъ узнать Русскій языкъ? ибо Россія не такая свободная страна, куда всякъ воленъ приходить, учиться языку, вывѣдывать то и другое и потомъ удаляться: въ этомъ Государствѣ, почти недоступномъ, все дѣлается съ такою тайною, что весьма трудно угадать истину, если не видишь ее собственными глазами. И потому мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы Самозванецъ могъ исполнить свой замыселъ безъ содѣйствія другихъ; если же имѣлъ соучастниковъ, то они долженствовали обнаружиться или при жизни, или по смерти его. Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ поступалъ бы иначе съ своими единоземцами; да и самъ Воевода Сендомирскій не поспѣшилъ бы дать ему какого либо обѣщанія, не свѣдавъ обстоятельно его рода и племени. Думать, что сей Воевода не зналъ, кто былъ его зять,—вовсе невѣроятно, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Иные говорятъ, что онъ воспитанъ и приготовленъ Іезуитами: но гдѣ же его отечество? Доказано выше, что онъ не могъ родиться въ Польшѣ и тѣмъ менѣе въ другой странѣ, кромѣ Россіи. Если же признать его Россіянином,

то надобно открыть, гдѣ именно взяли его Іезуиты: ибо они, до воцаренія Димитрія, никогда въ Россіи не являлись; немногіе пріѣзжаютъ съ послами, но за ними такъ строго смотрятъ, что имъ невозможно увезти кого либо изъ Государства. Іезуиты имѣли средства похитить какого нибудь младенца только въ то время, когда Баторій, лѣтъ за 30, вторгнулся въ Россію, или когда Царь воевалъ съ Королемъ Шведскимъ; однакожъ вѣроятно ли, чтобы въ Россіи не осталось родственниковъ увезеннаго? Да и не льзя было воспитывать его столь тайно, чтобы кто либо изъ Поляковъ и наконецъ Воевода Сендомирскій не удостовѣрились въ обманѣ.—По крайней мѣрѣ, Димитрій не могъ не вѣдать своего рода.

Если же онъ воспитывался у Іезуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать языкъ Латинскій: но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на ономъ говорить, и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его, весьма нетвердою 97). Кромѣ сего, тогда онъ оказалъ бы Іезуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое—и то съ Польскими войсками, не имѣвшими другихъ Патеровъ. Одинъ изъ нихъ, послѣ Царскаго вѣнчанія, отправился въ Римъ, по просьбѣ товарищей.

Возражаютъ еще: Димитрій нечисто объ-

яснялся по-Русски; но и это несправедливо: слышавъ, какъ онъ разговаривалъ на Русскомъ языкѣ вскорѣ по прибытіи въ Россію, я нашелъ выраженія его столь правильными, какъ не льзя лучше; только для прикрасы онъ примѣшивалъ иногда Польскія поговорки. Я видалъ самыя письма о разныхъ предметахъ, писанныя со словъ Димитрія, еще до пришествія его въ Москву: ни одинъ Русскій не могъ найти въ нихъ ошибокъ. Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы сей Государь былъ иноземецъ, если вспомнимъ, сколь долго, съ юныхъ лѣтъ, онъ не видалъ отечества.

Приводятъ въ свидѣтельство еще то, что онъ осмѣивалъ Русскія обыкновенія и только для вида наблюдалъ обряды религіи. Это неудивительно, когда знаемъ обычаи и нравы Россіянъ: сей народъ грубъ и необразованъ, весьма невѣжливъ, лукавъ, вѣроломенъ, не уважаетъ ни законовъ, ни совѣсти, зараженъ развратомъ содомскимъ и множествомъ другихъ постыдныхъ пороковъ. Если Борисъ Ѳеодоровичъ, коренный Россіянинъ, — въ чемъ никто не будетъ сомнѣваться, — ненавидѣлъ не подданныхъ, а пороки ихъ, и произвелъ нѣкоторое преобразованіе въ обычаяхъ: то могъ ли Димитрій, знавшій отчасти большой свѣтъ, жившій нѣсколько времени въ Польшѣ, сторонѣ свободной, среди знатныхъ Вель-

можъ, довольствоваться только желаніемъ просвѣщенія и образованности своему народу?

Онъ нестрого наблюдалъ обряды религіи: я знаю многихъ Россіянъ, также поступавшихъ, между прочими, Посника Димитрія, который, бывъ въ Даніи посланникомъ Бориса Ѳеодоровича и узнавъ тамъ отчасти истинную Религію 98), по возвращеніи въ отечество, шутилъ явно, въ кругу пріятелей, надъ невѣжествомъ Москвитянъ. Почему же Димитрій не могъ презирать народнаго суевѣрія, тѣмъ болѣе, что онъ владѣлъ здравымъ смысломъ, любилъ читать Св. Писаніе и, бывъ въ Польшѣ, вѣроятно слыхалъ сужденія о разныхъ вѣроисповѣданіяхъ, вразумившія его въ догматы религіи, принятые всѣми Христіанами? Впрочемъ, я возражаю только на слова; а въ самомъ дѣлѣ найдется весьма немного какъ иноземцевъ, такъ и Россіянъ, которые замѣтили бы въ поступкахъ его достаточный поводъ къ обвиненію въ семъ случаѣ: ибо онъ вообще исполнялъ обряды Русской церкви, хотя и рѣшился, какъ я знаю, основать Университетъ.—Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ не досаждалъ бы никому изъ своихъ единоземцевъ, и ни Борисъ, ни Василій Шуйскій не упустили бы изъ рукъ своихъ столь завиднаго скиптра, если бы съ достовѣрностію могли доказать, что Димитрій былъ иноплеменникъ 99).

Нѣкоторые изъ Россіянъ говорятъ: кто бы

ни былъ Димитрій, но Воевода Сендомирскій не зналъ его истиннаго происхожденія. Если сіе справедливо и если Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, то вѣроятно ли, что бы Сендомирскій столь поспѣшно вступилъ съ нимъ въ родство, уже свѣдавъ объ измѣнѣ Шуйскаго, уличеннаго вскорѣ по прибытіи Димитрія въ Москву? А рѣшившись выдать свою дочь за человѣка неизвѣстнаго, Воевода, безъ сомнѣнія, присовѣтовалъ бы зятю не распускать пришедшихъ съ нимъ Поляковъ и Казаковъ, которыхъ Димитрій могъ бы удержать при себѣ, не возбудивъ подозрѣнія: ибо всѣ предшественники его старались привлечь въ свою службу сколь можно болѣе иностранцевъ;—по этого не было сдѣлано: Царь оставилъ при себѣ только сотню всадниковъ. Равнымъ образомъ, Сендомирскій привелъ бы гораздо болѣе войска съ своею дочерью, и нашелъ бы средства расположить Поляковъ въ совокупности, а не разсѣялъ бы ихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ столицы—на произволъ Россіянъ. Притомъ же, по совершеніи брака, когда уже носилась всеобщая молва объ измѣнахъ, Польскій Вельможа заставилъ бы Димитрія совѣтами, просьбами, убѣжденіями принять мѣры предосторожности, коими легко можно было предупредить всѣ умыслы.

Для очевиднаго доказательства въ обманѣ, противники Димитрія долженствовали открыть

истинныхъ его родителей: враги же сего Государя были столь дѣятельны и при жизни, и по смерти его, что, при извѣстномъ въ Россіи порядкѣ суда и расправы, имъ легко было добраться до истины. Притомъ, чувствуя себя виновнымъ, Димитрій старался бы всѣми средствами поправиться Россіянамъ, зная довольно, что Борисъ ничѣмъ не могъ такъ поддержать себя на престолѣ, какъ называя его еретикомъ. Посему онъ не привелъ бы въ Москву никого изъ своей свиты и вступилъ бы въ родство, по обычаю всѣхъ предшественниковъ своихъ, съ какимъ нибудь Русскимъ домомъ, въ коемъ могъ найти опору, не забывъ, что Борисъ навлекъ на себя негодованіе народа намѣреніемъ породниться съ Государемъ иноземнымъ. Но Димитрій презиралъ сіи средства, и его самоувѣренность доказываетъ, что онъ могъ быть сыномъ только Вѣнценосца; его краснорѣчіе восхищало Россіянъ; въ немъ блистало какое то неизъяснимое величіе, дотолѣ неизвѣстное Вельможамъ Русскимъ и тѣмъ менѣе простому народу, гдѣ должны были скрываться его родители, если бы онъ не былъ сыномъ Іоанна Васильевича [100]). Самое намѣреніе овладѣть престоломъ доказываетъ справедливость его дѣла: съ ничтожными силами, онъ идетъ въ обширную Державу, никогда столь не процвѣтавшую, какъ въ то время, — бороться съ Государемъ хитрымъ,

грознымъ для подданныхъ, который былъ въ родствѣ съ главнѣйшими Русскими Вельможами, изгналъ, уморилъ всѣхъ людей подозрительныхъ, пользовался расположеніемъ всего Духовенства, милостями, благодѣяніями привлекалъ сердца всего народа, находился въ дружбѣ со всѣми сосѣдами и 8 или 9 лѣтъ царствовалъ спокойно. Наконецъ, не льзя также забыть и матери Димитрія, и многихъ ея родственниковъ, которые, въ случаѣ обмана, могли бы оный обнаружить.

Размышляя, сверхъ того, о положеніи Димитрія, оставленнаго почти всѣми Поляками,— чему приписать, довѣренность, съ которою предался онъ въ руки 8 или 9,000 Русскихъ поселянъ, еще сомнительныхъ преданностію, и рѣшился итти на встрѣчу стотысячному войску? Неудача въ битвѣ не лишаетъ его бодрости: слабыя силы его разсѣяны, немногія пушки со всѣми снарядами въ рукахъ непріятеля,— но онъ отступаетъ, окруженный 30 или 50 воинами, въ городъ Рыльскъ, недавно покорившійся, не бывъ увѣренъ въ приверженности его жителей; оттуда въ Путивль, городъ обширный и богатый, и живетъ тамъ четыре мѣсяца, ни мало не измѣняя, среди несчастій, мужеству своему, не страшась Бориса, который и явно, и срытно старался погубить его желѣзомъ, ядомъ, или поймать живаго. Увѣряя народъ ложными

свидѣтельствами, что Димитрій есть обманщикъ, Борисъ не хотѣлъ однако допросить матери его всенародно, чтобы узнать истинное его происхожденіе; вмѣсто сего объявилъ: что если бы онъ родился и отъ Іоанна Васильевича, то и тогда не имѣлъ бы права на корону, какъ еретикъ и незаконнорожденный [101]), т. е. сынъ отъ 7 брака (что противно обычаю); но это вовсе не идетъ къ дѣлу. Не льзя также забыть, какое милосердіе изъявлялъ онъ каждому и особенно Василію Шуйскому: сего послѣдняго уличили въ измѣнѣ, доказали самыми лѣтописями и поступками предателя въ разсужденіи Бориса, что ни онъ, ни предки его никогда не служили вѣрно Русскимъ Государямъ; даже всѣ приближенные убѣждали Димитрія казнить его, какъ неусыпнаго возмутителя тишины общественной, — говорю, что видѣлъ я своими глазами, что слышалъ своими ушами;—но Димитрій его помиловалъ, хотя зналъ, что никто, кромѣ рода Шуйскихъ, не дерзалъ помышлять о коронѣ; простилъ и иныхъ недруговъ, бывъ чуждъ подозрѣнія.

Если справедливо, что Димитрій былъ Самозванецъ, и что въ этомъ увѣрились не задолго до убіенія его, то для чего не заключили виновнаго въ темницу, или не вывели на городскую площадь, гдѣ могли бы уличить его предъ всѣмъ народомъ въ обманѣ, не убивая преступника безъ

ответа и не подвергая всего Государства бѣдствіямъ раздоровъ? Могъ ли народъ повѣрить его преступленію безъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства 4 или 5 человѣкъ — главныхъ заговорщиковъ? И для чего Василій Шуйскій съ единомышленниками выдумалъ клевету, въ намѣреніи сдѣлать Димитрія ненавистнымъ народу? ибо они торжественно читали письма, въ коихъ было сказано, что Димитрій хотѣлъ большую часть Россіи отдать Королю Польскому и тестю своему, Воеводѣ Сендомирскому, замышлялъ раздробить Государство, отправилъ сокровища въ Польшу [102]; даже назначилъ, будто бы, день (второй по смерти его, т. е. воскресенье), когда намѣренъ былъ вывести весь народъ и Дворянство за городъ, подъ предлогомъ повеселить своего тестя и показать ему свои пушки, а въ самомъ дѣлѣ тайно приказалъ Полякамъ истребить всѣхъ Россіянъ картечью, разграбить ихъ домы и зажечь городъ,ославъ и въ Смоленскъ подобное повелѣніе [103]. Разсѣявали много и другихъ несправедливыхъ слуховъ. Къ сему присовокупили, какъ выше сказано, что тѣло истиннаго осьмилѣтняго Димитрія, чрезъ 17 лѣтъ по его убіеніи, найдено въ совершенной цѣлости; почему Шуйскій—въ надеждѣ убѣдить народъ — повелѣлъ признать его Святымъ [104].

Въ заключеніе скажу: простая истина, изложенная удовлетворительно, могла бы сдѣлать Самозванца ненавистнымъ каждому; Димитрій же, чувствуя себя виновнымъ, повѣрилъ бы доносамъ о заговорахъ и измѣнахъ, противъ его особы замышляемыхъ, и весьма легко успѣлъ бы устранить ихъ. Но какъ извѣстно, что ни при жизни, ни по смерти его, не могли доказать обмана; что Борисъ, узнавъ о появленіи своего врага, терзался совѣстью и тиранствовалъ; что противники Димитрія думаютъ весьма несогласно о его происхожденіи, и что самъ онъ изъявлялъ всегда рѣшительную смѣлость и другія качества, свойственныя не обманщику, а Государю, соединенныя съ довѣрчивостію и самонадѣянностію:— сообразивъ все вышесказанное, я убѣжденъ, что онъ былъ истинный Димитрій, сынъ Царя Іоанна Васильевича Мучителя.

Конецъ

Запискамъ Маржерета.

ДЕ-ТУ.

Яковъ де-Ту — *Jacques Auguste de Thou (Thuanus)*—Президетъ Парижскаго Парламента, живший въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій (1553—1617), наперсникъ Генриха III, сотрудникъ Генриха IV, другъ Сюлли, Монтаня, Скалигера, принадлежитъ къ числу тѣхъ мужей знаменитыхъ, коими гордится Франція: родившись въ бурныя времена фанатизма, онъ провелъ всю жизнь свою въ трудахъ тяжкихъ, неимовѣрныхъ: мирилъ непримиримыя партіи, предупреждалъ злые умыслы, облегчалъ страданія бѣднаго народа, водворялъ правосудіе, тамъ, гдѣ не было инаго права, кромѣ права сильнаго, инаго чувства, кромѣ слѣпаго изувѣрства. Франція въ XVI столѣтіи находилась въ такомъ положеніи, что самому добродѣтельному мужу трудно было явиться правымъ предъ судомъ потомства: ни Генрихъ IV, ни Сюлли не остались безъ упрека; но де-Ту не помрачилъ наслѣдственной славы своего рода: рѣдкій смертный соединялъ въ себѣ столь прекрасныя качества умственныя и душевныя. Познаніе свѣта и людей, пріобрѣтен-

ное въ путешествіяхъ по Франціи, Германіи, Италіи, Нидерландамъ, глубокая ученость, плодъ непрестанныхъ занятій науками, тонкій, нѣжный вкусъ, образованный чтеніемъ классическихъ писателей Древности, пламенная любовь къ истинѣ, красотѣ, добродѣтели, и какое-то возвышенное чувство, какое-то неизъяснимое благородство въ дѣлахъ и мысляхъ, коимъ плѣняютъ насъ Греки и Римляне, все сіе соединялось въ одномъ человѣкѣ и образовало изъ него почти идеальный, величественный характеръ, едва ли не безпримѣрный въ кругу Министровъ и Царедворцевъ.

Довольно было бы и сихъ достоинствъ для безсмертія въ потомствѣ; но де-Ту съ славою мудраго Министра, благороднѣйшаго человѣка, заслужилъ славу и великаго Писателя: свидѣтель большей части достопамятныхъ событій своего времени, онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, исполненный опытности, рѣшился описать ихъ для потомства, съ утѣшительною мыслію облагородить человѣчество, вселить любовь къ добродѣтели, омерзѣніе къ пороку, и на смертномъ одрѣ смѣло могъ сказать, что перомъ его руководила святая истина, недоступная ни

злобѣ, ни ласкательству. Сочиненіе его, подъ заглавіемъ: *Исторія моего времени* *), содержитъ повѣствованіе о важнѣйшихъ происшествіяхъ всей Европы съ 1544 года по 1607, гражданскихъ, церковныхъ, ученыхъ. Исторію Франціи Авторъ разсказываетъ отчасти по собственнымъ наблюденіямъ, отчасти основываясь на Государственныхъ актахъ и достовѣрныхъ извѣстіяхъ современниковъ очевидцевъ; о событіяхъ же прочихъ Государствъ онъ почерпалъ свѣденія изъ архивовъ, посольскихъ донесеній, договоровъ, изъ частныхъ сочиненій печатныхъ и рукописныхъ, изъ писемъ и преданій изустныхъ; читалъ все, что только можно было читать; распрашивалъ всякаго, кто только могъ сообщить ему свѣденія; не щадилъ никакихъ трудовъ для раскрытія истины; не вѣрилъ слѣпо ни показаніямъ самовидцевъ, ни собственнымъ впечатлѣніямъ; съ строгою разборчивостію, взоромъ судьи безпристрастнаго, искалъ правды, проникалъ въ самыя тайныя побужденія, и, со-

*) Iacob. August. Thuani historiarum sui temporis libri cxxxviii. Parisiis 1604—1609. Лучшее, полнѣйшее изданіе — Лондонское, 1733 года, въ 7 томахъ, in fol. Лучшій Французскій переводъ напечатанъ въ Гаагѣ, 1740 года, въ xi томахъ, in 4°.

ставивъ въ умѣ истинную, живую картину, произносилъ судъ—ужасный для порока, утѣшительный для добродѣтели. Не говоримъ о слогѣ и искусствѣ повѣствованія; Цицеронъ назвалъ бы де-Ту своимъ другомъ, Тацитъ—братомъ.

Обозрѣвая всю Европу, де-Ту неоднократно обращалъ взоръ и на Россію, гдѣ Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ и Димитрій Самозванецъ доставляли обильную пищу его очаровательному искусству; описавъ древнее состояніе нашего Отечества до половины XVI вѣка, нравы и обычаи народа, образъ правленія, религію, онъ изобразилъ подробно царствованіе Іоанна IV, въ особенности войну Ливонскую, дѣла Годунова и Лжедимитрія, почерпая свѣденія отчасти изъ писателей намъ извѣстныхъ, Герберштейна, Гваньини, Гейденштейна, Гревенбруха, Маржерета, Фидлера, отчасти изъ рукописей, доселѣ неизданныхъ, изъ записокъ Петра Патерсона Упсальскаго, жившаго въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ, изъ писемъ Іезуитовъ, и изъ преданій изустныхъ.

Разсказывая о Россіи, де-Ту не измѣнялъ своему постоянному правилу, коимъ заслужилъ имя Историка первокласнаго и косму такъ ча-

сто измѣняли бытописатели знаменитые: боготворить истину и добродѣтель. Слышать о себѣ сужденія такого Историка для насъ, безъ сомнѣнія, любопытно; но онъ имѣетъ и другое право на наше вниманіе: отъ него узнаемъ многіе случаи, только ему извѣстные. Не бывъ никогда въ Россіи, де-Ту успѣлъ однако получить о ней свѣденія, большею частію достовѣрныя, отъ самовидцевъ, въ особенности отъ Петра Патерсона и Маржерета, который, возвратясь во Францію въ 1606 году, сообщилъ ему многія подробности о Самозванцѣ, не упомянувъ объ оныхъ въ своихъ запискахъ.

Желая дополнить любопытное сочиненіе Маржерета, въ пріятной надеждѣ доставить публикѣ симъ удовольствіе, я перевелъ съ Латинскаго языка, на коемъ писалъ де-Ту, изъ 135 главы его Исторіи, Сказанія о Годуновѣ и Лжедимитріи, не касаясь извѣстій его объ Іоаннѣ Грозномъ и древнемъ состояніи Россіи, не согласныхъ съ цѣлію моего предпріятія—издать сочиненія *о Димитріи Самозванцѣ*. Впрочемъ все, что ни говоритъ безсмертный Историкъ Франціи о нашемъ Отечествѣ, заслуживаетъ нашего вниманія, если не всегда достовѣрностію,

по крайней мѣрѣ неподражаемымъ искусствомъ повѣствованія, которое можетъ служить намъ урокомъ.

Н. У.

СКАЗАНІЯ

ПРЕЗИДЕНТА ДЕ-ТУ.

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

Источники,

ИЗЪ КОИХЪ АВТОРЪ ПОЧЕРПАЛЪ СВѢДЕНІЯ:

Рукописное донесеніе Петра Петерсона Упсальскаго. Герардъ Гревенбрухъ. Письма Іезуитовъ. Записки Якова Маржерета: Сочиненіе Конспантина Фидлера 105).

Достопамятное событіе потрясло въ 1605 году Московское Государство и на нѣсколько лѣтъ оставило обильную пищу внутреннимъ неустройствамъ, которыя въ послѣдствіи колебали сію Державу, объемлющую сѣверныя страны Европы и Азіи. Много разныхъ бѣдствій испытала она предъ началомъ всеобщаго волненія: никогда въ сѣверной Европѣ не было столь лютаго глада, столь губительной язвы, какъ за два года до войны, воспламененной въ Россіи

Димитріемъ; тогда находили матерей, готовыхъ сожрать своихъ малютокъ, и съ трудомъ удерживали ихъ отъ сего злодѣйства. Мясомъ сыновей, убитыхъ голодомъ, питались родители вездѣ, безнаказанно, послѣ того, какъ они переѣли всѣхъ кошекъ, крысъ и другихъ нечистыхъ животныхъ. Голодъ разорвалъ всѣ узы любви, погасилъ всѣ чувства природы и благопристойности. За мѣру пшеницы, стоившую не болѣе 12 су, платили 19 талеровъ. Но уже не хлѣбъ,— мясо человѣческое лежало на рынкахъ; туда свозили трупы кто только могъ: родные продавали родныхъ, отцы и матери сыновей и дщерей, мужья своихъ женъ [106],

Многіе думали, что Богъ каралъ сими бѣдствіями тиранство Бориса Годунова; другіе же, устремляя взоръ въ будущее, видѣли въ нихъ предзнаменованіе того злополучія, которое грозило погубить цвѣтущую Державу Московскую, опасную всѣмъ сосѣдамъ, предавъ ее въ жертву десятилѣтнимъ неустройствамъ и нашествіямъ иноплеменниковъ, доколѣ не успокоилась она подъ властью нынѣ царствующаго Государя, Михаила Ѳеодоровича.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, въ 1598 году, Борисъ, при помощи искуснаго притворства, или коварства, овладѣлъ престоломъ. Кромѣ Ѳеодора, Принца слабоумнаго и изувѣрнаго, болѣе способнаго, по словамъ собственнаго отца

его, трезвонить на колокольнѣ, чѣмъ править кормиломъ Государства, Іоаннъ имѣлъ еще другаго сына отъ благородной дѣвицы, именемъ Димитрія: онъ родился за два года до смерти отца, т. е. 1582 году, и воспитывался за 100 миль отъ столицы, въ городѣ Угличѣ. Еще при жизни Ѳеодора неограниченный самовластитель, Борисъ, обозрѣвая всѣ преграды преступнымъ замысламъ своимъ, вскорѣ убѣдился, что безсиліе Ѳеодора будетъ ему безполезно, если смерть Димитрія не лишитъ царскаго поколѣнія всей надежды, господствовать въ Россіи. Въ слѣдствіе сего, онъ рѣшился погубить Царевича; подкупилъ окружавшихъ его и устроилъ ковъ слѣдующимъ образомъ: въ Россіи весьма часто случаются пожары, отъ того, что всѣ строенія тамъ деревянныя; какъ скоро покажется огонь, звонятъ въ большой колоколъ и народъ спѣшитъ загасить пламя: въ такихъ случаяхъ Царевичъ обыкновенно выходилъ изъ своихъ покоевъ; Борисъ принялъ мѣры, разставилъ убійцъ; Димитрія подстерегли, когда онъ сходилъ съ крыльца, и закололи.

Быстро разнеслась молва по всему городу о смерти Царевича: народъ пересталъ гасить огонь, бросился ко Дворцу, прекратилъ жалобные вопли и предалъ смерти встрѣчавшихся служителей, чтобы сею местію отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, и всю вину въ гибели

Царевича возложить на Дворцовую стражу; но тщетно: Борисъ, желая очистить себя отъ всякаго участія въ семъ дѣлѣ, поступилъ съ жителями Углича весьма безчеловѣчно: богатѣйшихъ гражданъ казнилъ мучительною смертію; иныхъ предалъ безчестнымъ пыткамъ и страданіямъ,— чтобы открыть истинныхъ виновниковъ Димитріевой смерти, какъ будто они были неизвѣстны; самъ оплакивалъ умершаго, казалось, искренними слезами, а Дворецъ приказалъ сжечь, чтобы не оставалось и слѣдовъ мрачнаго злодѣйства.

Люди, бывшіе тогда въ Москвѣ и описавшіе это происшествіе, рѣшительно говорятъ, что въ Угличѣ погибъ истинный Димитрій; другіе же разсказываютъ совсѣмъ иное, въ намѣреніи изъяснить случившіяся въ послѣдствіи событія: они говорятъ, что мать Царевича, свѣдавъ чрезъ своихъ друзей о преступномъ замыслѣ Борисовомъ, спасла сына отъ смерти, подмѣнивъ его отрокомъ, весьма похожимъ на Царевича и возрастомъ и наружнымъ видомъ; что сей отрокъ умерщвленъ въ постелѣ, а не на крыльцѣ, между тѣмъ, какъ истинный Димитрій отведенъ былъ въ безопасное убѣжище; и что тѣло мнимаго Царевича, для лучшаго утаенія подлога, немедленно положили въ гробъ и предали землѣ безъ всякой пышности, въ присутствіи одного только Дворецкаго, родомъ Нѣмца, изобрѣвшаго вышеозначенную хитрую мѣ-

ру, а въ народѣ между тѣмъ разгласили, будто бы Димитрій умеръ отъ язвы [107].

Какъ бы то ни было, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого происшествія, на предѣлахъ Россіи и Польши явился человѣкъ, похожій на Димитрія тѣмъ, что одна рука была у него короче другой, а на лицѣ находилась бородавка; оба сіи признака имѣлъ и истинный Царевичъ. Впрочемъ отличаясь быстротою ума, присутствіемъ духа, щедростію, привѣтливостію, сей юноша казался достойнымъ быть Царскаго рода. Сперва онъ открылся отцамъ Іезуитамъ, имѣвшимъ великую въ Польшѣ власть, и далъ имъ слово употребить всѣ мѣры къ соединенію церкви и къ утвержденію въ Россіи Божественной вѣры, если они помогутъ ему овладѣть прародительскимъ престоломъ. Іезуиты сначала хранили сіе предложеніе въ глубокой тайнѣ, и прежде всего старались убѣдить Римскаго Первосвященника помочь имъ въ дѣлѣ столь выгодномъ, для утвержденія вѣры и святаго престола, какъ собственною его властію, такъ и ходатайствомъ предъ Королемъ и Польскими Вельможами. Между тѣмъ познакомили просителя съ Георгомъ Мнишкомъ, Воеводою Сендомирскимъ сильнѣйшимъ изъ Вельможъ Королевскихъ; съ нимъ заключенъ былъ тайный договоръ, въ слѣдствіе коего Царевичъ, по вступленіи на пре-

столъ, обязался жениться на дочери Сендомирскаго, уже плѣнившей его взоры.

Сложивъ съ себѣ клобукъ, онъ нѣсколько времени скрывался въ Ливоніи, научился тамъ изрядно языку Латинскому и даже могъ написать собственною рукою довольно складное письмо къ Святѣйшему Папѣ Клименту VIII [108]). Въ послѣдствіи, представленный Сигизмунду Воеводою Сендомирскимъ и зятемъ его Вишневецкимъ, онъ произнесъ, какъ разсказываютъ, предъ Королемъ сильную рѣчь, слѣдующаго содержанія: »Вспомни, Государь! говорилъ Димитрій, что ты »родился плѣнникомъ въ темницѣ, откуда извелъ »тебя милосердый промыслъ Всемогущаго. Раз»мысли о человѣчествѣ и помоги несчастному, »угнетенному тѣмъ же злополучіемъ!« Отецъ Сигизмундовъ, Іоаннъ, былъ заключенъ подозрительнымъ братомъ своимъ Ерикомъ въ безславную темницу: въ семъ заточеніи родился Сигизмундъ отъ супруги Іоанновой Екатерины, изъ поколѣнія Ягеллонова.

Опираясь на благосклонность Короля, на золото Воеводы Сендомирскаго, на усердную помощь Іезуитовъ, Димитрій собралъ въ Польшѣ десять тысячъ воиновъ [109]), снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ и направилъ путь въ Россію. Тамъ онъ склонилъ на свою сторону десять тысячъ Казаковъ, людей живущихъ войною, грабежемъ, и богатыхъ надеждою на великую награду по-

велъ въ прародительскую, по словамъ его, Державу. Переправясь черезъ Днѣпръ, онъ подступилъ къ пограничной крѣпости, Чернигову, и требовалъ, чтобы жители сего города сдались ему, какъ законному наслѣднику Русскаго престола: они покорились, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, благодаря усердію Ивана Татищева, Борисова зложелателя [110]. Потомъ, слѣдуя совѣту Казацкаго Атамана Корелы, знаменитаго чернокнижника, онъ осадилъ весьма многолюдный городъ Путивль, гдѣ начальствовалъ Михайло Салтыковъ [111], имѣвшій до восьми тысячъ Волжскихъ Казаковъ: сей Воевода сначала оборонялся упорно; напослѣдокъ, убѣжденный Корелою, сдалъ Путивль Димитрію, и самъ покорился ему.

Между тѣмъ Борисъ вооружилъ сто тысячъ воиновъ; но до начатія военныхъ дѣйствій, отправилъ пословъ къ Сигизмунду и Польскому Сенату, напоминалъ о союзѣ и перемиріи между обоими народами, убѣждалъ свято сохранять оное, требовалъ выдачи живымъ или мертвымъ мнимаго Димитрія, незаконнорожденнаго сына Поповскаго, безчестнаго колдуна и чародѣя; просилъ особенно, чтобы ему не давали никакой помощи, угрожая местью, если Поляки вздумаютъ оскорбить столь могущественнаго Государя, каковъ Царь Россійскій. Не надѣясь на угрозы, послы тайно убѣждали каждаго Вельможу

Польскаго отклонить Короля и Сенатъ отъ вспоможенія обманщику; однако ни въ чемъ не могли успѣть: Папа и Іезуиты утвердили Короля и согласныхъ съ нимъ Поляковъ въ намѣреніи помочь Димитрію, надѣясь чрезъ то упрочить дружбу и вѣчный миръ съ Москвою, уничтожить расколъ и возстановить въ Россіи вѣру праотцевъ [112].

Наконецъ войско Борисово встрѣтилось съ Димитріевымъ въ концѣ Января 1605 года при-Новѣгородѣ (Сѣверскомъ); главный вождь Димитріевой рати, Воевода Сендомирскій [113], надѣясь на вѣрный успѣхъ и ожидая, что враги передадутся Царевичу, дерзко устремился въ средину Россіянъ, вѣрныхъ Борису и единодушныхъ; но послѣ кратковременной битвы, окруженный со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ, былъ разбитъ на голову и обратился въ бѣгство; потомъ собравъ толпы, спасшіяся отъ пораженія, ушелъ въ Кармоговію [114] и Путивль, а оттуда въ Польшу.

Димитрій, оставшись съ малочисленною дружиною, нашелъ убѣжище въ пограничной крѣпости Рыльскѣ; тамъ всѣ его оставили, но самъ себѣ онъ не измѣнилъ. Были при немъ два Богослова, изъ ордена Бернардиновъ [115]: ихъ водилъ съ собою Димитрій, чтобы казаться набожнымъ и благочестивымъ; утомленные воинскими трудами и безпокойными походами, они

спѣшили удалиться во-свояси; но два другіе монаха, братья Іезуиты, Николай Сѣраковскій и Андрей Ловичъ, виновники похода, были постояннѣе: ободряли врожденное мужество его безпрестанными увѣщаніями, и собственнымъ примѣромъ побуждали его къ довершенію начатаго дѣла.

Димитрій находилъ, по словамъ его, сильнѣйшую опору въ своей совѣсти: обыкновенно предъ началомъ битвы, онъ молился усердно, такъ, чтобы всѣ его слышали, и воздѣвъ руки, обративъ глаза къ небу, восклицалъ: »Боже »правосудный! порази, сокруши меня громомъ »небеснымъ, если обнажаю мечъ неправедно, »своекорыстно, нечестиво; но пощади кровь »Христіанскую! Ты зришь мою невинность: по»соби мнѣ въ дѣлѣ правомъ! Ты же, Царица »небесная! будь покровомъ мнѣ и моему воин»ству!» Если дѣйствительно такъ было и если сей человѣкъ, зная ложь своихъ рѣчей, не боялся обманывать съ такою увѣренностію: ему надлежало быть самымъ безстыднымъ плутомъ; если же онъ, повѣривъ молвѣ неосновательной, дѣйствительно считалъ себя Царевичемъ: не льзя не подивиться, какъ жестоко играла имъ Судьба, въ урокъ смертнымъ: приласкала его, обрадовала престоломъ и—низринула въ бездну.

Уже часть войска Борисова подступила къ Рыльску; тамъ расположился Димитрій съ сво-

имъ отрядомъ на высокомъ холмѣ, откуда могъ повелѣвать обширною равниною; въ началѣ Марта произошло кровопролитное сраженіе, въ коемъ участвовала одна конница; побѣда, по удивительной игрѣ счастія, увѣнчала побѣжденныхъ: при первомъ натискѣ на врага, несравненно сильнѣйшаго, Поляки тысячу человѣкъ побили, двѣсти взяли въ плѣнъ, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Ударъ былъ такъ стремителенъ, что бѣгущіе всадники Борисовы, разорвали ряды своей пѣхоты и оставили ее въ жертву непріятелю. Побѣдоносный Димитрій съ великою добычею возвратился въ Путивль. При первомъ извѣстіи объ этомъ событіи, пять окрестныхъ городовъ съ ихъ округами покорились Димитрію, изъ ненависти ли къ прежнему Государю, или изъ одного желанія перемѣнъ,— не извѣстно; въ одной изъ сихъ крѣпостей, въ Бѣлгородѣ, побѣдитель нашелъ 150 большихъ орудій, а Воеводы оныхъ выданы ему какъ плѣнники. Чрезъ нѣсколько дней присягнули ему Елецъ и Лихвинъ, гдѣ схватили знаменитаго чародѣя Гипска Отіопела [116]. Вскорѣ покорилось ему обширное Княжество Сѣверское съ восьмью крѣпостями.

Разсказываютъ, что Димитрій весьма благоразумно пользовался столь неожиданнымъ успѣхомъ: болѣе всего заботился о вспомоществованіи Кромамъ, окруженнымъ непріятельскимъ

войскомъ; но узнавъ изъ перехваченныхъ писемъ, что осажденные имѣютъ средства къ упорному сопротивленію, перемѣнилъ свое намѣреніе, не считая нужнымъ отваживаться на битву сомнительную, которая могла бы лишить его плодовъ побѣды.

Между тѣмъ, какъ онъ спокойно ждалъ въ Путивлѣ, чѣмъ кончится его дѣло, Борисъ разставлялъ ему разныя сѣти, обѣщая подданнымъ забыть прошедшее и щедро наградить ихъ, если выдадутъ ему Димитрія живымъ или мертвымъ. Къ сему присовокупилъ самое опасное для Димитрія средство, грамоту Архипопа (такъ называютъ Русскіе Патріарха [117]), который отлучилъ всѣхъ приверженцевъ его отъ церкви. Димитрій, узнавъ отъ плѣнниковъ о ковѣ Борисовомъ и удостовѣрившись въ ономъ письмами, найденными въ ихъ сапогахъ [118]), не только оставилъ виновниковъ безъ всякаго наказанія, но простилъ ихъ и вручилъ имъ къ Архипопу весьма ласковое письмо, коимъ увѣщавалъ Святителя не забывать своей обязанности и не вмѣшивать религіи въ дѣло неправое. Говорятъ, что онъ писалъ и къ Борису, совѣтовалъ ему одуматься и оставить престолъ, неправильно присвоенный, дозволяя избрать монастырь, какой ему понравится, съ весьма выгодными условіями для него и семейства его. Борисъ отвергъ сіе предложеніе съ негодованіемъ.

Все сіе случилось въ то время, когда при Дворѣ Московскомъ находились послы Датскій и Шведскій, которые, пользуясь вторженіемъ Поляковъ въ Россію, старались заключить съ Москвитянами союзъ, въ надеждѣ повредить Сигизмунду. Разсказываютъ, что Борисъ, разгорячennый споромъ съ сими послами, незапно упалъ въ изнеможеніи; кровь хлынула изъ носа, рта и ушей: онъ умеръ въ исходѣ Апрѣля. Одни приписываютъ смерть его апоплексіи, другіе отравѣ. Какъ бы то ни было, не вдругъ прекратилась семилѣтняя власть его надъ Россіею: при первой вѣсти о кончинѣ сего Государя, народъ собрался многочисленною толпою и возвелъ на престолъ вдову его и сына. Вельможи присягнули имъ въ вѣрности; а тѣло Борисово похоронили въ церкви, гдѣ покоятся Московскіе Государи [119], впрочемъ безъ пышныхъ обрядовъ. При семъ случаѣ сказалъ краснорѣчивое надгробное слово (напечатанное въ Кенигсбергѣ) Рижскій Ливонецъ Константинъ Фидлеръ, братъ Каспара Фидлера, служившаго Московскому Государю [120].

Между тѣмъ, Петръ Басмановъ, ознаменовавшій себя великимъ дѣломъ въ правленіе Борисово, отправленъ былъ къ войску съ неограниченною властію. Въ то время, подъ Кромами стоялъ ближній родственникъ Борисовъ, Иванъ Годуновъ, осаждая сей городъ. И та, и другая

сторона, и осажденные и осаждающіе, явили опыты рѣдкаго мужества, какъ при жизни Бориса, такъ и по кончинѣ его. Десять разъ Москвитяне ходили на приступъ, и десять разъ были отражаемы упорствомъ осажденныхъ.

Опасаясь, чтобы Кромскіе жители не были подавлены силою непріятеля, Димитрій послалъ на помощь имъ избранную дружину, подъ начальствомъ Запорскаго; неувѣренный въ успѣхѣ сраженія, Запорскій употребилъ хитрость, чтобы посѣять ужасъ и недоумѣніе въ станѣ враговъ: для виду отправилъ къ осажденнымъ письмо, коимъ увѣдомлялъ ихъ, что вблизи находятся 40,000 вспомогательнаго войска, и совѣтовалъ имъ быть твердыми. Это письмо вручилъ онъ простодушному человѣку, который, бывъ самъ обманутъ, обманулъ и другихъ. Запорскій постарался, чтобы сей посланный шелъ по дорогѣ, занятой непріятелями, и чтобы они схватили его; такъ и случилось: пойманный Москвитянами и преданный пыткѣ, онъ подтвердилъ все, что было сказано въ письмѣ, ибо самъ вѣрилъ оному, и тѣмъ произвелъ въ станѣ враговъ страшное волненіе, почти мятежъ. Годуновъ, оставивъ при крѣпости 2200 всадниковъ и приказавъ имъ никого не допускать къ осажденнымъ, самъ, съ главнымъ войскомъ, пошелъ на встрѣчу непріятелю. Запорскій, стараясь подкрѣпить молву, распространившуюся въ непрія-

тельскомъ лагерѣ, устроилъ къ бою свою дружину, и чтобы отрядъ его казался многочисленнѣе, велѣлъ сѣсть на коней всѣмъ своимъ служителямъ; сверхъ того, разослалъ въ разныя стороны нѣсколько человѣкъ, которые страшнымъ крикомъ должны были увѣдомить о приближеніи мнимаго вспомогательнаго войска.

Годуновъ сначала ударилъ стремительно; мужество Польскихъ копѣйщиковъ остановило Россіянъ, а всеобщая молва о приближеніи вспомогательнаго войска, заставила ихъ помышлять о покорности Димитрію. Прежде всѣхъ передался ему Петръ Басмановъ, столь знаменитый при Борисѣ Годуновѣ; онъ перешелъ къ Запорскому съ нѣсколькими тысячами воиновъ, и обратясь къ приверженцамъ Борисовымъ, закричалъ изо всей силы, что Димитрій есть законный наслѣдникъ Московскаго престола, и что каждый истинный сынъ отечества долженъ прислгнуть ему. Тутъ все взволновалось; многіе, оставивъ знамена Годунова, изъявили готовность послѣдовать примѣру Басманова. Къ нему присоединились и Бояре; избранные изъ числа ихъ пять сотъ человѣкъ [121]) немедленно были посланы къ Димитрію, находившемуся въ Путивлѣ: онъ принялъ ихъ благосклонно и привелъ къ присягѣ. Это случилось 23 мая 1605 года. Иванъ Годуновъ, по отозваніи въ Москву Борисомъ Годуновымъ товарищей его, Мстиславскаго и Шуй-

скаго, оставшійся главнымъ вождемъ Царскаго войска, обратился въ бѣгство: его догнали и заключили въ оковы, за то, что онъ не хотѣлъ ударить челомъ Димитрію и признать его Царевичемъ. Въ станѣ Борисовомъ найдено 70 орудій, изъ коихъ нѣкоторыя были такой величины, что два человѣка насилу могли охватить одно орудіе.

Измѣна войска взволновала столицу: народъ съ восторгомъ произносилъ имя Димитрія; а вдову умершаго Государя съ сыномъ и дочерью отдали подъ стражу: мать, устрашенная ненавистью ли народа, или скорымъ пришествіемъ Димитрія, приняла отраву; она хотѣла отравить и дочь и сына, чтобы избавить ихъ отъ насмѣшекъ побѣдителя. Сынъ выпилъ смертную чашу, и погибъ; но дочь спаслась отъ смерти, принявъ противуядіе. Такъ разсказываютъ приверженцы Димитрія; другіе же повѣствуютъ, что по его приказанію отравили мать и сына, а дочери даровали жизнь, готовя ее въ наложницы Димитрію [122]). Говорятъ, что Нѣмцы, служившіе въ войскѣ Борисовомъ, наиболѣе содѣйствовали сему перевороту, переманивъ съ собою многихъ недоброжелателей Годунова.

Чрезъ два дни послѣ освобожденія Кромъ отъ осады, Димитрій, по единодушному желанію Бояръ, отправился въ путь къ Москвѣ; оставивъ Кромы, онъ занялъ Тулу и далъ здѣсь

войску двое сутокъ для отдохновенія; оттуда перешелъ въ Орелъ [123]). Вездѣ встрѣчали его многочисленныя толпы народа, желавшаго видѣть новаго Государя. Наконецъ, совершивъ двадцать переходовъ, онъ вступилъ въ столицу 20 Іюня, гдѣ Москвитяне съ радостію привѣтствовали его именемъ Царя Русскаго, Великаго Князя Московскаго, обладателя многихъ странъ, Царя Казанскаго и Астраханскаго (оба сіи Государства присоединилъ къ Россіи Іоаннъ Васильевичъ). Ему предшествовали Польскіе всадники, вооруженные, по ихъ обычаю, копьями, съ трубами и литаврами; за ними слѣдовали нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, среди коихъ шесть коней везли Димитріеву колесницу. Далѣе, вели верховыхъ лошадей Великаго Князя, въ драгоцѣнной збруѣ, подъ парчевыми чепраками. Въ слѣдъ за колесницею, шли молодые священнослужители съ хоругвями, на коихъ были изображены лики Св. Угодниковъ или Евангеліе. Попы несли иконы Пресвятой Богородицы и Чудотворца Николая, патрона Москвитянъ. Толпу ихъ заключалъ Патріархъ, или Митрополитъ, впереди коего находились 4 свѣщеносца; нѣсколько вдали отъ него, ѣхалъ Димитрій, одинъ, на бѣломъ иноходцѣ, сопровождаемый свитою знатнѣйшихъ Бояръ. Слѣдуя за Духовенствомъ, Великій Князь вступилъ въ священный храмъ Богоматери и сотворивъ тамъ молитву, отправился въ соборъ Св.

Архангела Михаила, гдѣ погребенъ отецъ его. Узнавъ, что здѣсь лежало и Борисово тѣло, Димитрій приказалъ вырыть оное изъ могилы и похоронить за городомъ, въ бѣдной часовнѣ 124). А проѣзжая мимо собственнаго Борисова дома, велѣлъ тотчасъ разрушить оный, какъ вертепъ злаго чародѣйства. Разсказываютъ, что въ подземельи сего дома находилась статуя таинственнаго вида, съ горящею въ рукѣ лампадою, обсыпанная внизу значительнымъ количествомъ пороха: увѣряютъ, что еслибъ масло догорѣло, лампада упала бы съ огнемъ на землю, порохъ вспыхнулъ бы и поднявъ на воздухъ весь домъ, разрушилъ бы сосѣдственныя зданія; къ счастію, говорятъ, замыселъ былъ открытъ и статую сокрушили до гибельнаго взрыва. Борисъ обвинялъ въ чародѣйствѣ Димитрія; Димитрій уличалъ въ томъ же Бориса. Въ Россіи и теперь во всемъ видятъ колдовство и жалуются на чародѣевъ.

Послѣ сего, новый Государь вступилъ въ Царскій Дворецъ и съ жаромъ принялся за кормило правленія. Очевидно удаляя отъ себя Русскихъ Вельможъ, онъ удостоивалъ своей довѣренности однихъ Поляковъ, иноземцевъ, ненавистныхъ Москвитянамъ. Вотъ главная ошибка его! по мнѣнію многихъ людей: ибо если онъ и имѣлъ причины однихъ подозрѣвать, а другихъ жаловать, при всемъ томъ надобно было выждать

время для обнаруженія своихъ мыслей; надлежало сперва утвердиться на престолѣ, чтобы тѣмъ лучше исполнить свои намѣренія. Вмѣсто сего, увлекаемый пылкимъ желаніемъ нетерпѣливой воли и внушеніями совѣтниковъ, имѣвшихъ надъ нимъ слишкомъ много власти, онъ — въ цвѣтѣ лѣтъ, отъ излишней поспѣшности, погрузилъ и себя и свое счастіе въ бездну злополучія.

Въ первые дни своего царствованія, Димитрій принималъ отъ Вельможъ присягу на вѣрность и наказывалъ мятежниковъ. Болѣе 70 благородныхъ семействъ, бывшихъ въ родствѣ съ Борисомъ, или державшихъ его сторону, сосланы за предѣлы Государства, для того, чтобы имущества ихъ, какъ онъ говорилъ, раздать чужеземцамъ, въ особенности Полякамъ, и приманить ими въ Россію новыхъ поселенцевъ. Вотъ первое сѣмя всеобщей злобы къ сему Государю, породившее такіе же плоды, какъ въ недавнее время и въ Венгерскомъ Государствѣ, гдѣ Матѳей, воспользовавшись неудовольствіемъ магнатовъ, огорченныхъ презрѣніемъ, вырвалъ Королевство изъ рукъ брата своего, Императора Римскаго [125]. Начавъ правленіе строгостію, Димитрій явилъ примѣръ великодушія, простивъ Ѳедора Романовича Шуйскаго [126], знатнѣйшаго изъ Бояръ, въ намѣреніи примириться съ недовольными подданными. Это великодушіе погу-

было его: по неисповѣдимому суду Божію, тотъ, кого избавилъ онъ отъ заслуженной казни, тотъ самый отмстилъ ему за невинныя жертвы его несправедливости. Когда всѣ Бояре, ласкательствуя Царю, падали къ стопамъ его, одинъ Шуйскій, недовольный новымъ правленіемъ и опасаясь гибельныхъ слѣдствій, былъ непреклоненъ; раздражалъ Димитрія упорствомъ и презирая опасность, распускалъ о немъ молву неблагопріятную; говорилъ, что Царь есть пришлецъ, бродяга, что онъ замышляетъ съ злодѣями Россіи, т. е. Поляками, разрушить святые храмы, и что открывъ въ нее путь иноземцамъ, хочетъ истребить древнее дворянство Русское.—Димитрій, одаренный искусствомъ убѣжденія, оправдалъ себя въ совѣтѣ Вельможъ помощію многорѣчія, и вооружилъ ихъ ненавистью къ виновнику клеветы: Шуйскій былъ схваченъ, преданъ суду и за дерзкія слова приговоренъ къ смерти. 6 Іюля его вывели на мѣсто казни: когда онъ палъ на колѣни, и совершивъ всенародно молитву, ожидалъ отъ палача удара, Димитрій присланною грамотою остановилъ казнь и даровалъ виновнику жизнь.

Все дѣлалось по желанію Димитрія; одни Псковитяне, постоянные въ упорствѣ, не признавали его власти: Димитрій посылалъ имъ грамоты, обѣщалъ забыть все прошедшее; наконецъ склонилъ ихъ къ покорности; Воеводу так-

же—и всѣхъ простилъ. Доселѣ правленіе его было счастливо и утѣшительно: народъ торжественно возсылалъ къ небу мольбы о здравіи его; имя же Борисово проклинали. Немедленно выбили монету въ воспоминаніе новаго Государя и для всеобщаго употребленія. Разсказываютъ писатели, преданные Димитрію, что въ то время, когда всѣ ожидали отъ него счастія въ будущемъ, найдены были въ Государственной казнѣ ненавистныя сокровища [127], несмѣтное количество золота и серебра на нѣсколько милліоновъ, также двѣнадцать мѣръ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ: все это частію разточено имъ при жизни, частію роздано изъ тщеславія, и все вмѣстѣ съ нимъ изчезло.

Днемъ коронованія назначено было 1 Сентября, когда Россіяне, подобно древнимъ Іудеямъ, начинаютъ новый годъ: Димитрій для многихъ причинъ ускорилъ торжество, и короновался въ концѣ Іюля. А чтобы подкрѣпить свое право на корону, пригласилъ въ Москву мать Царевича, заключенную повелѣніемъ Бориса, послѣ мнимой смерти сына ея, въ небольшомъ монастырѣ, далеко отъ столицы. Для сего посланы были за нею знатнѣйшіе сановники; самъ онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу, съ притворнымъ уваженіемъ, едва завидѣлъ ее издали, скочилъ съ лошади, прошелъ значительное пространство пѣшкомъ и со слезами бросился въ

ся объятія. Послѣ того, съ открытою головою, провожалъ колесницу своей матери до самаго замка; отсюда Царица чрезъ нѣсколько времени переселилась со всѣми женщинами своими въ монастырь, куда обыкновенно удаляются благороднѣйшія вдовы и дѣвицы [128]). Въ продолженіе всего этого времени, любопытные замѣтили, что мать истиннаго Димитрія отвѣчала Царю подобными же ласками, искренними или притворными, неизвѣстно: впрочемъ перенесенная изъ печальнаго уединенія въ кругъ радости и веселія, она не могла смотрѣть безъ восторга даже и на Самозванца, коему обязана была такимъ благодѣяніемъ.

По вступленіи Димитрія на престолъ и по окончаніи торжественныхъ обрядовъ, патеръ Николай Кнермоковскій, изъ ордена Іезуитовъ, привѣтствовалъ его краснорѣчивымъ словомъ; Сенатъ также приносилъ ему поздравленіе. Царь отвелъ Іезуитамъ обширный дворъ, недалеко отъ Дворца, гдѣ они могли свободно священнодѣйствовать по Римскому обряду; уже тогда, подстрекаемый усердіемъ желаніемъ ихъ, онъ обнаружилъ бы тайныя мысли души своей, если бы не остановилъ его Шуйскій, который, помышляя о престолѣ, искалъ удобнаго случая исполнить своей замыселъ.

Полагаясь на обманчивую тишину внутреннюю и внѣшнюю, Димитрій началъ заботиться

*

о наградѣ Поляковъ за добрыя услуги, о утвержденіи съ Польшею мира, о бракѣ и наслѣдникѣ для укрѣпленія своего престола. Въ слѣдствіе сего, отправлено было въ Польшу почтеннѣйшее посольство, состоявшее изъ 300 дворянъ, подъ начальствомъ главнаго Казначея Царскаго, Аѳанасія Ивановича Власьева, который, 14 Ноября прибывъ въ Краковъ, явился къ Сигизмунду и объяснилъ ему цѣль своего прибытія. Власьевъ говорилъ Королю, что Государь его, рѣшившись пріобрѣсть благосклонность Поляковъ, дабы ихъ силами оградить себя отъ легкомысленныхъ и подозрительныхъ Москвитянъ, не сомнѣвается въ радости Короля и всего Польскаго Сената о восшествіи его, сверхъ всякаго чаянія и ожиданія, на древній престолъ прародительскій; что обязанный симъ успѣхомъ во первыхъ благости Всевышняго, а во вторыхъ содѣйствію Короля и всѣхъ Вельможъ Королевскихъ, онъ никогда не забудетъ ихъ благодѣянія; что, сверхъ того, размышляя о средствахъ къ распространенію имени и закона Христіанскаго, онъ съ великою горестію слышитъ о безнаказанномъ, долголѣтнемъ опустошеніи Королевствъ и земель Христіанскихъ ненавистнымъ тираномъ Турецкимъ, который, къ сожалѣнію, и прежде терзалъ и теперь ежедневно терзаетъ нѣкогда столь цвѣтущее Венгерское Королевство, хотя въ семъ и не льзя обвинять непобѣдима-

го Императора Рудольфа, отмстившаго мужественно, по мѣрѣ силъ своихъ, проклятому губителю; что Государь Московскій не можетъ не сокрушаться, не проливать горькихъ слезъ при одной мысли о нечестивомъ осквернении святыхъ мѣстъ, ознаменованныхъ стопами Спасителя, Его жизнію, чудесами, Его драгоцѣнною кровію освященныхъ, нынѣ же попираемыхъ лютыми, безбожными изувѣрами; что Царь, для освобожденія сихъ странъ, намѣреваясь соединить свои силы съ могущественнымъ Королемъ Польскимъ и другими Христіанскими Вѣнценосцами, не пощадитъ ни своей казны, ни собственной крови; а между тѣмъ желая упрочить съ Королемъ вѣчный миръ, проситъ дозволенія сочетаться бракомъ съ природною Полькою, Анною Мариною, дочерью Воеводы Сендомирскаго Георга Мнишка, который имѣетъ полное право на сей знакъ благодарности за ласковый пріемъ его, Димитрія, еще бѣднаго странника, и за содѣйствіе ему, не безъ опасности собственной жизни, и казною и войскомъ овладѣть прародительскою Державою [129].

Король, принявъ посла благосклонно, отвѣтствовалъ, что онъ съ особеннымъ доброжелательствомъ слышитъ столь благодарныя и лестныя мысли Царя Московскаго; за пріятное же привѣтствіе посылаетъ взаимный поклонъ, моля Всевышняго о благоденствіи Димитріевой Дер-

жавы;—весьма радуется столь удачному пріобрѣтенію имъ Русскаго престола, законнаго наслѣдства его; съ удовольствіемъ слышитъ, какую горесть возбуждаютъ въ Димитріи успѣхи Турковъ, и охотно соглашается на предлагаемый союзъ, безъ рѣшительнаго впрочемъ обязательства, котораго безъ согласія всѣхъ Вельможъ и Польскаго Сената дать не можетъ. Относительно же намѣренія Государя Московскаго сочетаться бракомъ съ дочерью Воеводы Сендомирскаго, Король не только изъявилъ на оное согласіе, но и съ величайшею охотою принялъ такое предложеніе, моля Всевышняго освятить сей союзъ, во славу Его имени, въ утвержденіе вѣчнаго мира между обоими столь могущественными народами Въ слѣдствіе сего, въ осьмой день по пріѣздѣ посла, совершилось обрученіе: священнодѣйствовалъ Епископъ Краковскій, Кардиналъ Бернардъ Маціовскій; невѣста, отецъ ея и посолъ Московскій были угощаемы великолѣпнымъ пиршествомъ; за столомъ сидѣли представители и другихъ Государей, также и Персидскій посланникъ. Разсказываютъ, что Димитрій прислалъ невѣстѣ и отцу ея, вмѣсто свадебныхъ закусокъ, подарокъ, цѣною въ 200,000 злотыхъ.

Царская невѣста, съ родителемъ своимъ, шуриномъ, посломъ Московскимъ и бывшими при ней женщинами, медленно подвигалась

къ Москвѣ, сопровождаемая многочисленною свитою: всѣ желали видѣть отдаленныя страны, брачное веселіе, могущество Русскаго Государя и сокровища, расточаемыя для всеобщей радости. Тогда же отправились въ Россію многіе купцы Италіянскіе и Нѣмецкіе, съ надеждою корысти; но жестоко обманулись: большею частію они погибли на Московской свадьбѣ; немногіе избѣжали смерти безъ потери имущества. О продолжительности пути можно судить изъ того, что гости, отправясь въ концѣ Января, не прежде 26 Апрѣля пріѣхали въ Москву, и еще не успѣвъ оглядѣться, погибли. Въ седьмой день по пріѣздѣ невѣсты, Петръ Басмановъ, любимецъ Царя, и знатнѣйшіе Бояре ввели ее въ Царскій дворецъ, при звукѣ трубъ; тамъ принялъ ее женихъ съ величайшими ласками, а благороднѣйшія жены и дѣвицы принесли ей почтительныя поздравленія. Исполняя обыкновеніе Русскихъ, она вскорѣ удалилась отсюда въ монастырь, жилище Царской матери, и оставалась тамъ до свершенія брачнаго союза. Наконецъ, въ четвертый день, когда все было готово для торжественнаго обряда, ее ввели опять въ Царскія палаты, великолѣпно убранныя; вечеромъ была всенощная, а на другой день — свадьба, которую совершилъ Русскій Патріархъ. Царицу короновали съ торжественными обрядами; женихъ, принявшій титло

Императора, приказалъ нести предъ собою скипетръ, державу и мечъ, а предъ невѣстою Императорскую корону на парчевой, краснаго цвѣта, подушкѣ. Стѣны храма были обиты драгоцѣнною красною тканью съ золотою бахрамою. Отсюда молодые супруги, имѣя на головахъ короны, съ великою пышностію, при громѣ трубъ, барабановъ, отправились во Дворецъ, гдѣ они провели ночь въ обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ увеселеніяхъ.

Но тяжкія заботы томили душу Димитріл. Его безпокоили извѣстія о заговорѣ, составленномъ мѣсяцевъ за шесть до свадьбы и уже готовомъ вспыхнуть. Для огражденія себя, онъ прибѣгнулъ къ чужеземной помощи; когда же узналъ, что народъ негодуетъ на довѣренность его къ иностранцамъ болѣе, чѣмъ къ Русскимъ, считая сей поступокъ новостью безпримѣрною, ибо никто изъ прежнихъ Царей не употреблялъ иноземной стражи, Димитрій неблагоразумно поспѣшилъ распустить не только тѣлохранителей, но и всѣхъ воиновъ иноземныхъ, при немъ находившихся, въ надеждѣ угодить симъ народу. Но тѣ, не получивъ при увольненіи большею частію заслуженной награды, и негодуя на такую неблагодарность, удалились на предѣлы Государства съ Поляками, такъ же уволенными, и тамъ долгое время злодѣйствовали неслыханнымъ образомъ; что не мало раздражало Россі-

лнъ, уже недовольныхъ Великимъ Княземъ и подстрекаемыхъ нѣкоторыми Боярами, изъ коихъ одни подозрѣвали Царскій родъ Димитрія, другіе не одобряли его намѣреній и обычаевъ, а иные съ негодованіемъ смотрѣли на милость его къ Полякамъ и чужестранцамъ. Отъ сего ежедневно появлялись одни за другими мятежныя скопища; Димитрій старался смирить недовольныхъ; но безпрестанные допросы людей подозрительныхъ, тѣлесныя наказанія, ссылки, пытки, смертныя казни только раздражали умы и довели народъ до явнаго неповиновенія. Предчувствуя близкую опасность, Царь, въ позднемъ раскаяніи объ увольненіи войска иностраннаго, набралъ новыхъ тѣлохранителей изъ Нѣмцевъ и Ливонцевъ, присовокупивъ къ онымъ три сотни Французовъ, Англичанъ и Шотландцевъ Сотнею Французовъ начальствовалъ уроженецъ Сепскій [130], Яковъ Маржеретъ, коего въ послѣдствіи мы видѣли. Они были вооружены протазанами и носили бархатную одежду, вышитую золотомъ. Сотникомъ Англичанъ былъ Матвѣй Кнотсенъ, Шотландцевъ Албертъ Ланта [131]. Оружіемъ тѣхъ и другихъ были алебарды; одѣвались же по праздникамъ въ кафтаны бархатные, а по буднямъ въ красные, суконные, весьма нарядные. Симъ тѣлохранителямъ производилось жалованья болѣе, чѣмъ прочимъ войскамъ, соразмѣрно достоинству каждаго: но при насту-

пленіи опасности они были позднею и слабою опорою.

Не задолго предъ тѣмъ, прибылъ въ Москву Польскій посолъ Александръ Гонсѣвскій Корвинъ, съ драгоцѣнными дарами и съ письмомъ Королевскимъ къ Димитрію: Царь не хотѣлъ ни принять, ни распечатать письма, потому, что въ надписи не былъ онъ названъ Императоромъ и Монархомъ. Оправдывая Короля, посолъ наговорилъ Москвитянамъ много досаднаго: »Пусть Царь вашъ, сказалъ онъ, идетъ »на Турковъ, и у Султана отниметъ титло Импе»ратора!“ Впрочемъ Димитрій искусно скрылъ свою досаду, помня прежнія услуги Поляковъ и ожидая отъ нихъ новыхъ, необходимыхъ. Время проходило въ забавахъ и увеселеніяхъ; а ропотъ болѣе и болѣе усиливался; въ день, когда купечество, по старинному обычаю, должно было поднести Царю подарки, случился праздникъ, предпочитаемый суевѣрными Москвитянами самой Пасхѣ [152]: они вознегодовали явно, увидѣвъ, что Императоръ и Императрица, имѣя на главахъ короны, сидѣли за пышнымъ Царскимъ столомъ, принимали свадебные дары и угощали какъ своихъ, такъ и чужеземцевъ, роскошнымъ пиромъ. Въ числѣ пировавшихъ находился и Польскій посолъ, который до праздника объявилъ, что не будетъ участвовать въ ономъ, если ему не дадутъ мѣста за столомъ

Царскимъ, каковой чести удостоили въ Краковѣ посла Московскаго; Русскіе сначала рѣшительно отвергли таковое требованіе; Димитрій наконецъ уступилъ. Много на этомъ праздникѣ было шума и соблазна; дѣло дошло было до драки, отъ гордости и высокомѣрія Поляковъ, обходившихся съ Россіянами, какъ съ побѣжденными. Въ слѣдующій день разосланы были по домамъ кушанья въ золоченыхъ блюдахъ тѣмъ особамъ, которыя на канунѣ поднесли подарки; а чтобы кто либо не счелъ сей чести вознагражденіемъ за оные, велѣно было кушанья отдать, а блюда возвратить. Веселились еще нѣсколько дней, при звукахъ трубъ, при трескѣ литавръ, при громѣ пушекъ; построили даже для воинской потѣхи деревянную крѣпость и забавлялись подъ оною битвами.

Между тѣмъ безпрестанно обнаруживались признаки заговора, составленнаго еще до прибытія невѣсты, и доселѣ не приведеннаго въ дѣйствіе только потому, что Русскіе жаждали болѣе добычи и такъ были увѣрены въ успѣхѣ, что отъ медленности нисколько не опасались неудачи. Димитрій, прежде совершенно спокойный, сталъ теперь опасаться, совѣтовалъ Полякамъ быть осторожными и собралъ во Дворцѣ всѣхъ новыхъ тѣлохранителей своихъ. Наконецъ наступила пятница. Поляки приготовлялись къ защитѣ, Русскіе къ нападенію: ду-

мали, что народъ вооружается местію на однихъ Поляковъ и не тронетъ Государя. Вечеромъ Бояре приказали Москвитянамъ быть готовыми въ слѣдующее утро; никто не ожидалъ столь близкой опасности; Императрица даже велѣла приготовить къ воскресенью великолѣпное пиршество. Заговорщики не хотѣли далѣе откладывать своего умысла, и въ субботу 17 Мая, рано утромъ, соединились. Къ нимъ пристали толпы дворянства и черни. Раздался мятежный крикъ: »смерть Димитрію и Полякамъ!« Одни, жадные добычи, бросаются въ жилища Поляковъ, осаждаютъ ихъ, грабятъ, рѣжутъ, бьютъ; другіе стремятся ко Дворцу, гдѣ встрѣчаютъ только немногихъ тѣлохранителей: медленность въ исполненіи заговора, распаливъ ярость злоумышленниковъ, разсѣяла опасенія Димитрія. Во Дворцѣ не было даже ни одного сотника. Маржеретъ былъ боленъ, какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ: болѣзнь спасла его отъ смерти. Мятежники дѣлали свое дѣло съ такою быстротою и съ такимъ бѣшенствомъ, что многіе Россіяне, одѣтые по-Польски, пали подъ ихъ ударами, не бывъ узнаны. Немногіе тѣлохранители, по кратковременномъ сопротивленіи, положили оружіе. Петръ Басмановъ, прибѣжавшій на шумъ полунагой,—чтобы укротить волненіе, былъ заколотъ однимъ изъ своихъ служителей [33]. Между тѣмъ Шуйскій, предводитель мятежниковъ,

держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ обнаженный, приказалъ бить въ набатъ въ большой колоколъ, какъ будто по случаю пожара, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы разбудить и выманить Димитрія изъ внутреннихъ покоевъ; въ то же время разгласилъ по городу, для воспламененія злобы народной, будто Поляки вооружаются и хотятъ истребить всѣхъ Россіянъ. Пробужденный шумомъ, Димитрій вскорѣ замѣтилъ, что въ городѣ не пожаръ, а большая бѣда; схватилъ Турецкую саблю, бросился въ окно—и отъ сильнаго паденія вывихнулъ ногу, такъ, что едва могъ подняться; толпа окружила его, и по приказанію Шуйскаго отвела въ аудіенцъ-залу, гдѣ обыкновенно принимаются послы иноземные. Тамъ какой-то Бояринъ сталъ упрекать его въ измѣнѣ, обманѣ, злодѣйствѣ: Царь, всегда стремительный въ гнѣвѣ, взмахнулъ саблею, и однимъ ударомъ повергъ его на землю; потомъ обратился къ Вельможамъ и смиренно просилъ дозволенія поговорить съ народомъ, чтобы открыть истину; но Бояре не согласились. Такъ повѣствуютъ одни писатели; другіе разсказываютъ иначе: Димитрій, говорятъ они, видя опасность, требовалъ, чтобы Шуйскій спросилъ вдову Іоаннову, жившую тогда въ Москвѣ, признаетъ ли она его сыномъ своимъ, соглашаясь немедленно погибнуть, если бы она отреклась отъ него. Сію жен-

щину Шуйскій немедленно вызвалъ изъ монастыря, находившагося не въ дальнемъ разстояніи—и она въ присутствіи Вельможъ, съ торжественною клятвою, объявила, что рожденный ею Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, давно уже погибъ отъ безчеловѣчнаго вѣроломства Борисова, и что она доселѣ таила истину: ибо видѣла всеобщую благосклонность народа къ обманщику; притомъ же не безъ удовольствія смотрѣла на того, кто отмстилъ за смерть истиннаго Димитрія, низверженіемъ лютаго злодѣя, думая, что самъ Богъ послалъ сего мстителя [134]). Тогда всѣ бросились на Самозванца и поразили его многими ударами. Такъ разсказано это событіе въ донесеніи Петра Патерсона Упсальскаго, бывшаго тогда въ Россіи.

Не то говорятъ другіе писатели, которые доселѣ еще сомнѣваются, былъ ли Димитрій обманщикъ: они упрекаютъ заговорщиковъ въ томъ, что не выслушали всенародно оправданій Димитрія, о чемъ сей Государь, недавно вступившій на престолъ, просилъ убѣдительно; коварно утаили всѣ его показанія и вмѣстѣ съ нимъ убили одного Нѣмца, тѣлохранителя, изъ опасенія, чтобы сей человѣкъ, бывшій при допросѣ, не разгласилъ словъ своего Государя [135]).

Изуродованное тѣло Димитрія, по грязной улицѣ выволокли на площадь, привязавъ къ ногамъ веревку [136]), и тамъ, покрытое печистотою

и кровью, разложили для всенароднаго зрѣлища на столѣ, бросивъ подъ оный трупъ Басманова, который, однажды давъ слово быть вѣрнымъ, не измѣнилъ обѣщанію. Въ такомъ положеніи они оставались четверо сутокъ. Для большей насмѣшки, кинули на животъ убитаго Государя безобразную и безстыдную маску, найденную, какъ увѣряли, въ комнатахъ наложницъ его, а въ ротъ всунули дудку, употребляемую Польскими крестьянами, съ небольшею мѣдною монетою, въ награду за искусство музыканта, или, какъ другіе толковали, для заплаты привратнику при входѣ въ адъ.... Такъ поступали съ мертвымъ тѣ люди, которые живому, вмѣстѣ съ Вельможами, кланялись благоговѣйно!

Мятежники приступили къ жилищу Воеводы Сендомирскаго; но какъ его охраняли воины, то оставивъ при домѣ караулъ, они бросились къ дворамъ другихъ Поляковъ, изъ коихъ многіе храбро защищались отъ грабителей и хотя были подавлены числомъ, но дорого продавали свою жизнь. Одинъ только Вишневецкій, послѣ упорной битвы, въ коей пало много Россіянъ, рѣшился выставить бѣлое знамя, въ знакъ согласія на сдачу: ибо видѣлъ, что къ дому его подвезли пушки; въ тоже время приказалъ разбросать предъ входомъ множество денегъ, и когда чернь кинулась подбирать ихъ, онъ съ мечемъ въ рукѣ открылъ себѣ путь, сразилъ мно-

гихъ на мѣстѣ и наконецъ сдался, на честное слово, подоспѣвшимъ изъ Дворца Боярамъ.

Злополучная невѣста, лишенная и безцѣнныхъ сокровищъ своихъ, и всѣхъ нарядовъ, безпокоилась только объ отцѣ и родственникахъ; теперь верхомъ блаженства для нея было сохранить одну жизнь и невредимо возвратиться въ отечество, откуда недавно пріѣхала она съ такою пышностію. Чуть дыша, въ слабой надеждѣ, безъ платья, безъ постели, едва прикрытая одною рубахою, она съ трепетомъ ожидала, когда затихнетъ ярость черни.

Не одни люди военные, прибывшіе въ Москву съ Димитріемъ, но и многіе купцы испытали злобу народа: Амвросій Челари, родомъ изъ Милана, потерялъ 30,000 червонцевъ, а потомъ и самую жизнь. Якову Вину отрубили голову собственною его саблею. Натанъ, купецъ Аугсбургскій, заплатилъ за свою жизнь 150,000 флориновъ, а Николай Львовскій 50,000. Немтескій, банкиръ Польскій, на канунѣ убійствъ, далъ Димитрію много жемчугу и разныхъ товаровъ драгоцѣнныхъ; а два купца Аугсбургскіе ссудили ему 20,000 флориновъ, и всего лишились. Марцелли потерялъ 100,000 флориновъ. Въ сей день погибло 1200 Поляковъ; многихъ спасли Бояре. Русскихъ пало 400. Наконецъ, по захожденіи солнца, мятежъ затихъ: ночью водворилась глубокая тишина во всемъ городѣ. Тру-

пы убіенныхъ трое сутокъ валялись въ грязи; бѣшеный народъ едва согласился похоронить ихъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ.

По прекращеніи столь ужаснаго кровопролитія, Бояре составили совѣтъ, и первымъ предметомъ ихъ совѣщаній было избраніе новаго Государя: опасались новыхъ смятеній отъ безначалія. Шуйскій, замѣтивъ, что многіе къ нему были благосклонны, старался увеличить число своихъ приверженцевъ и оправдать себя въ прошедшемъ; для сего, какъ разсказываютъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: »Бояре, товарищи и друзья любезные! ненависть къ лютому тирану довела меня до многихъ поступковъ, въ коихъ я раскаяваюсь и самъ себя виню; да послужатъ мнѣ оправданіемъ преданность къ Царскому роду и любовь къ отечеству. Надѣюсь, что я довольно потрудился съ вами, дабы загладить свою ошибку. Богъ даровалъ Русскому Царству, величайшему изъ Государствъ Христіанскихъ, владѣтелей знаменитыхъ, древняго, непрерывнаго поколѣнія; преемникъ ихъ по праву наслѣдства, Іоаннъ Васильевичъ, не взирая на клевету многихъ людей, увеличилъ свою Державу обширнѣйшими Государствами и оставилъ по себѣ столько памятниковъ Царскаго величія, что каждый, кого радуетъ слава отечества, не можетъ не похвалить его великаго разума. Сей Государь нѣкогда поручилъ мнѣ за-

ключить миръ съ Польскимъ Королемъ Стефаномъ: я исполнилъ его волю, и съ тѣхъ поръ такъ усердно занимался дѣлами отечества мирными и военными, что никто не могъ требовать отъ меня болѣе ревности, заботливости и преданности престолу. По смерти Іоанна, Государство разстроилось; Ѳеодоръ былъ слабъ и къ довершенію несчастія бездѣтенъ, такъ, что престолъ управлялся уже не умомъ Государя, а волею постороннею, волею того, кто воспрепятствовалъ ему развестись съ безплодною супругою и взять себѣ другую, чего требовали законы Государственные, кто, при помощи злодѣевъ погубилъ Царскаго отрока, законнаго преемника, кто наконецъ, по общему мнѣнію, тайно отравилъ самого Ѳеодора — и пользуясь случайнымъ родствомъ, овладѣлъ кормиломъ правленія — однимъ словомъ волею Бориса! Душа содрогается при одномъ имени его ненавистномъ! Какой плачь, какіе стоны, бѣдствія, злополучія ознаменовали все время его правленія! Чтобы избавить себя отъ ига лютаго тирана, я подалъ руку Димитрію, не разбирая его рода и племени — (въ самозванствѣ его теперь никто не сомнѣвается) — и когда вы спрашивали моего мнѣнія, признать ли сего человѣка законнымъ наслѣдникомъ, я далъ вамъ совѣтъ и убѣдилъ васъ возвести его на престолъ; но вскорѣ раскаялся: намъ грозило злополучіе ужаснѣйшее

прежняго: я видѣлъ опасность прародительской вѣры, нарушеніе древнихъ законовъ, распространеніе чуждыхъ нравовъ, гибель свободы отечественной; я видѣлъ, что иноземцы сѣли намъ на шею, и смѣло, съ опасностію собственной жизни, не хотѣлъ воздавать сему новому тирану почтенія, приличнаго Государю законному. Горько подумать, что я обязанъ жизнію тому, кто не имѣлъ права въ моей смерти, хотя я былъ обязанъ ему, какъ разбойнику, который могъ отнять у меня жизнь — и не отнялъ. При всемъ томъ, эта мысль неосновательная нѣсколько времени меня удерживала, когда я болѣе думалъ о молвѣ, нежели о спасеніи Государства. Наконецъ любовь къ отечеству восторжествовала: видя васъ готовыми на все, я предложилъ себя вождемъ вашимъ, заботясь уже не о молвѣ, но о славѣ и благоденствіи Россіи. Мы единодушно рѣшились на праведное спасительное дѣло — о еслибъ оно было не столь убійственно! — и Богъ, располагающій судьбою Царствъ, одобрилъ наше предпріятіе счастливымъ успѣхомъ. Теперь, когда мы свергли съ своей выи свирѣпаго тирана, когда разсѣялось ослѣпленіе Россіянъ, уловленныхъ его чародѣйствомъ и обманомъ, теперь мы должны избрать себѣ Государя: древнее поколѣніе Царей, къ несчастію, пресѣклось... поищемъ такого мужа, который превосходилъ бы всѣхъ

знатностію рода, уважалъ бы, какъ святыню, законы и обычаи предковъ, имѣлъ бы всѣ добродѣтели, свойственныя Царскому сану, славился бы долговременною въ дѣлахъ опытностію, любилъ бы не пышность, не роскошь Царскую, но правосудіе и умѣренность, искалъ бы твердой опоры себѣ въ преданности своихъ подданныхъ, и богатый казною, считалъ бы имущества частныя неприкосновенными. Можетъ быть, вы подумаете, что такого властителя едва ли найти возможно, и что онъ существуетъ только въ моемъ воображеніи; но добрый гражданинъ долженъ желать наилучшаго Государя, по крайней мѣрѣ, такого, который бы народу казался наилучшимъ.«

По окончаніи сей рѣчи, приступили къ собранію голосовъ — и Царемъ всѣ Вельможи провозгласили Шуйскаго. Сначала онъ скромно отказывался отъ предлагаемой чести; наконецъ, поблагодаривъ избирателей, съ радостію согласился на единодушное желаніе ихъ. Это случилось 20 Мая.

Новый Царь прежде всего счелъ нужнымъ, для оправданія себя въ убійствѣ Димитрія, обнародовать грамоту, въ коей обвиняли мертваго въ томъ, что онъ, бывъ самымъ послѣднимъ въ Москвѣ монахомъ, выдалъ себя за сына Іоанна Васильевича; именовался же прежде Гришкою или Григорьемъ Отрепьевымъ и никогда не хо-

тѣлъ посѣтить прежняго монастыря своего, изъ опасенія быть тамъ узнаннымъ; въ юношествѣ прилежно учился, особенно Исторіи, былъ искусенъ въ музыкѣ и нѣсколько времени служилъ съ пользою Патріарху; но въ то же время занимался чародѣйствомъ, посредствомъ коего одержавъ многія побѣды, овладѣлъ престоломъ, къ безславію Русскаго имени. Упрекали его еще въ ереси, въ несоблюденіи постовъ, праздничныхъ дней и торжественныхъ обрядовъ Русской церкви, сверхъ того въ данномъ Римскому Первосвященнику обѣщаніи искоренить вѣру предковъ; въ удостовѣреніе чего, обнародовали письма Папы,—неизвѣстно, истинныя или ложныя,—коими Его Святѣйшество убѣждалъ Димитрія исполнить обѣтъ и дать Іезуитамъ храмы, коллегіи и все необходимое. Къ сему присовокупили договоры, коими онъ отдавалъ тестю своему Воеводѣ Сендомирскому Смоленскъ, дочери его, своей женѣ, Новгородъ, а шурьямъ страну Сѣверскую. Обвиняли его еще въ замыслѣ истребить всѣхъ Русскихъ Вельможъ, а имѣнія ихъ отдать Полякамъ; для чего онъ приказалъ, подъ предлогомъ увеселенія народа воинскими потѣхами, привезти пушки, чтобы смирить столицу, и лишивъ Бояръ свободы, утвердить въ Государствѣ власть неограниченную. Кромѣ сего, Бояре и другіе люди жаловались, что онъ былъ

недоступенъ, что многіе, приходившіе къ нему съ просьбами, были отгоняемы неучтиво отъ дворцовыхъ дверей стражею, что онъ принималъ однихъ Поляковъ; если же и выслушивалъ просьбы Русскихъ, никогда ихъ не удовлетворялъ. Далѣе, упрекали мертваго въ расточительности и непомѣрной роскоши, для коей недостаточно было никакихъ сокровищъ, никакихъ богатствъ: говорили, что онъ приказалъ слить тронъ изъ серебра съ позолотою, по сторонамъ коего на ступеняхъ стояли по шести львовъ, чего прежде никогда не бывало, не упоминая уже о приказаніи его носить всегда предъ собою какъ предъ Царемъ, скипетръ и корону. Осуждали его еще въ томъ, что покупкою драгоцѣнныхъ каменьевъ и товаровъ иностранныхъ, также безмѣрными издержками на бродягъ, тунеядцевъ, шутовъ, музыкантовъ, и переводомъ значительныхъ суммъ въ Польшу, онъ истощилъ казну Государственную. Присовокупили страшное преступленіе: говорили, что приказавъ убить жену и сына Бориса Годунова, дочери его онъ даровалъ жизнь, и растлилъ ее въ послѣдствіи; что часто, посѣщая монастырь, гдѣ жила невѣста, осквернялъ его непристойными поступками, плясками и безстыдными пѣснями, оскорбляя взоры и слухъ благочестивыхъ инокинь и всего народа; и что многихъ монахинь сверхъ

того лишилъ цѣломудрія; монаховъ же и другихъ людей набожныхъ неоднократно сѣкъ кнутомъ; а монастыри ограбилъ неслыханнымъ разореніемъ, взявъ у нихъ, подъ видомъ займа, значительныя суммы, съ намѣреніемъ никогда оныхъ не возвращать. На него же возлагали всю вину въ наглыхъ поступкахъ Поляковъ и другихъ чужеземцевъ; также и въ опустошеніи Астрахани со всѣми ея гаванями, наполненными товарами, говоря, что разбойники разорили сію область по его повелѣнію, по крайней мѣрѣ съ его вѣдома. Въ заключеніе жаловались на буйство Поляковъ, которые вступили въ Россію, какъ бы въ землю покоренную ихъ оружіемъ, и столь были наглы, что жены самыхъ знатныхъ Вельможъ, не смѣли явиться на улицѣ, опасаясь ихъ необузданнаго сладострастія; что многія Боярыни были извлекаемы изъ домовъ, даже изъ объятія мужей; что Димитрій, получая непрестанныя жалобы на столь неслыханную дерзость, никогда не хотѣлъ явить примѣрнаго наказанія виновнымъ; что во все время его правленія, только одинъ былъ обвиненъ приговоромъ суда, и того Поляки, считая себѣ все дозволеннымъ, исхитили изъ рукъ правосудія, убивъ палача [137]. Наконецъ для лучшаго убѣжденія въ обманѣ, когда случился необычайный морозъ, истребившій вездѣ плоды, и чернь, уже

озлобленная убійствами, приписала это бѣдствіе гнѣву Божію, присудили вырыть тѣло бѣднаго Димитрія, погребенное за городомъ, сожгли оное и развѣяли прахомъ. Доселѣ не рѣшено, былъ ли онъ Димитрій, или обманщикъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Авторъ принимаетъ здѣсь слово *Скивы* въ смыслѣ варваровъ: ниже увидимъ, что онъ имѣлъ довольно правильныя понятія о народахъ сосѣдственныхъ Россіи.

2) Saint-Jean-de-Laune, или de-Lône, небольшой городокъ въ Бургундіи, на рѣкѣ Сонѣ, въ 6 миляхъ отъ Дижона: жители онаго прославились въ Исторіи упорною защитою въ 1636 году, отъ 80,000 войска Нѣмецкаго, Испанскаго и Лотарингскаго. Вогренанъ сражался за Генрига IV.

3) О пребываніи Маржерета въ Россіи сохранилось въ Московскомъ Архивѣ слѣдующее любопытное письмо Князя Пожарскаго къ иностранцамъ Эстону, Гилю и другимъ, желавшимъ вступить въ Русскую службу:

„Великихъ Государствъ Россійскаго Царствія Бояре и Воеводы, и по избранію Московскаго Государства всякихъ чиновъ людей, въ нынѣшнее настоящее время того многочисленнаго войска у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ Стольникъ и Воевода Князь Дмитрій Пожарскій съ товарищи. Объявляемъ Ондреяну

Фрейгеру вольному господину города Оладорѳа, Артору Ястону изъ Турнала, Якову Гилю, начальнымъ надъ войскомъ и инымъ Капитанамъ, которые съ вами. Прислали есте къ намъ съ Капитаномъ съ Яковомъ Шавомъ грамоту за своими руками; а въ грамотѣ своей къ намъ писали есте, что объявляете намъ свое доброе радѣнье прямымъ сердцемъ, будто вы о нѣкоторыхъ мѣрахъ, тому ужъ 6 мѣсяцевъ, писали въ грамотѣ къ Петру Гамельтуну, чтобъ онъ до насъ донесъ, что вы хотите вѣрно служити въ тѣхъ мѣрахъ, что учинилося межъ насъ и Польскихъ и Литовскихъ людей, и намъ бы не страшитися: Государи ваши Короли великихъ людей вѣдомыхъ иноземцевъ, рашныхъ большихъ Капитановъ и солдатовъ, въ которыхъ нѣтъ такихъ, который бы къ службѣ не пригодился, велѣли сбиратися, и уже на готовѣ; только тому дивитесь, что намъ Капитанъ Гамельтонъ того не объявилъ и вашего радѣнья и службы по ся мѣста не сказалъ, и вы положили на то: нѣчто будетъ то ваше письмо до Петра не дошло, или Петръ до насъ не донесъ, что вамъ о томъ отъ насъ письма нѣтъ, и въ томъ вы стали неправы большому въ Амборху (*вѣ Гамбуреѣ*) Якову Мержерету; а Яковъ Мержеретъ послалъ же съ грамотами изъ Амборха къ Архангельскому городу на Николинъ день, Мая 9 число, тоежъ службу и раденье объ-

являя, и вы шогожъ чаеше, что и тѣ не дошли; и только намъ ваше раденье любо будетъ, и о томъ бы намъ отвѣтъ учинити вамъ по нынѣшней лѣтней дорогѣ, чтобъ мочно притти корабельнымъ ходомъ. А нынѣ ты, Ондрелиъ, съ своими большими и съ Капитаны имянно къ намъ идеше вскорѣ, для договора наемнаго войска иноземцевъ, только намъ любо будетъ; да твои же люди идутъ въ Англійскихъ и въ Нидерландскихъ корабляхъ, а приставать будутъ къ берегу сея осени, и намъ бы съ тобою о воинскихъ людяхъ договоръ учинить, чтобъ вамъ, прося у Бога милости, одного лѣта съ недруги управиться; а вы то дѣлаеше на славу Государямъ своимъ и Отечеству своему, не боясь смерти, надѣяся на правду, а въ правдѣ Богъ помогаетъ, и рады вы противъ нашихъ непріятелей, видѣчи нашу правду, биться до смерти, и однолично еси изготовился къ намъ итти моремъ и сухимъ путемъ на Николинъ день, только съ тобою нынѣ о томъ договоръ учинимъ.“

„И мы Государямъ вашимъ Королямъ, за ихъ жалованье, что они о Московскомъ Государствѣ радѣютъ и людямъ велятъ сбираться намъ на помочь противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, челомъ бьемъ и ихъ жалованье рады выславляти; а и прежде сего Великіе Государи наши Цари и Великіе Князи Россійскіе съ Государи вашими, ни съ

которыми Короли въ недружбѣ не бывали. А васъ, Ондреяна Фрейгера вольнаго господина во Флодорѣ, да Артора Ястона изъ Турнала, да Якова Гиля, начальниковъ надъ войскомъ, за ваше доброхотство, что вы хотите Россійскому Государству помочь чинити, сами служити и людей воинскихъ на наемъ призывати и битися хотите до смерти, похваляемъ и нашею любовью противъ вамъ, гдѣ будетъ возможно, воздавати хотимъ; а тому удивляемся, что вы о томъ дѣлѣ въ совѣтѣ съ Француженином съ Яковомъ Мержеретомъ, а Якова Мержерета мы всѣ Московскаго Государства Бояре и Воеводы знаемъ достаточно и вѣдаемъ про него подлинно:“

„Блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ всея Русіи выѣхалъ тотъ Яковъ и съ инымъ иноземцы, съ Дьякомъ съ Аѳанасьемъ Власьевымъ, изъ Цесарскія области къ Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всея Русіи, на его Государское имя служити; и блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичь всея Русіи, его пожаловалъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и отчины и денежнымъ жалованьемъ, и былъ онъ у иноземцевъ въ Ротмистрахъ; а послѣ Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всея Русіи, какъ учинился на Россійскомъ

Государствѣ Великій Государь Царь и В. К. Василій Ивановичь всея Руси, и Яковъ Мержеретъ Великому Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси, билъ челомъ, чтобъ его отпустилъ къ родству его во Францовскую землю, и Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всея Руси, по своему милосердому обычаю, пожаловавъ его своимъ Царскимъ жалованьемъ, во Францовскую землю отпустить велѣлъ. И какъ, за нашъ грѣхъ, въ Россійскомъ Государствѣ при Царѣ Васильи, нѣкоторый воръ, по умышленью Польскихъ и Литовскихъ людей, назвался блаженныя памяти Царя и В. К. Ивана Васильевича всея Русіи сыномъ Царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, въ прежняго вора въ Разстригино мѣсто, будто онъ ушелъ съ Москвы живъ, и стоялъ тотъ воръ подъ Москвою, и тотъ Яковъ Мержеретъ къ тому вору пристalъ и былъ съ нѣмъ воромъ, и Московскому Государству много зла чинилъ и кровь Хрестьянскую проливалъ, вмѣстѣ съ Польскими и съ Литовскими людьми и Московскаго Государства съ измѣнники. А какъ Польскій Жигимонтъ Король присылалъ подъ Москву Гетмана Польскаго Станислава Жолковскаго, и тотъ Яковъ опять пришелъ съ Гетманомъ; а послѣ Гетмана, остался въ Московскомъ Государствѣ съ Старостою Велижскимъ съ Александромъ Гасевскимъ, въ Нѣмецкой ро-

тѣ у Поляка у Петра Борковскаго въ поручикахъ. И какъ Польскіе и Литовскіе люди крестное свое цѣлованье преступили, оплоша Московскихъ Бояръ, царствующій градъ Москву разорили, выжгли и людей сѣкли, и тотъ Яковъ Мержеретъ, вмѣстѣ съ Польскими и съ Литовскими людьми, кровь Крестьянскую проливалъ и злѣе Польскихъ людей, и въ осадѣ съ Польскими и съ Литовскими людьми въ Москвѣ отъ насъ сидѣлъ, и награбився Государскія казны, дорогихъ узорочей несчетно, изъ Москвы пошелъ въ Польшу въ нынѣшнемъ во 120 году (1611), въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, съ измѣнники Московскаго Государства, что былъ Боярин, съ Михайломъ Салтыковымъ съ товарищи. И про то намъ подлинно вѣдомо, что Польскій Жигимонтъ Король тому Якову Мержерету за то, что онъ съ Польскими и съ Литовскими людьми Московское Государство разорялъ и кровь Христіанскую проливалъ, велѣлъ быти у себя въ Радѣ.“

„И мы тому удивляемся: такое Яковъ Московскому Государству зло учинилъ, съ Польскими и съ Литовскими людьми кровь Крестьянскую проливалъ, да и злѣе Польскихъ и Литовскихъ людей чинилъ, и у Короля за то жалованье получилъ, въ Радѣ его Король учинилъ; а нынѣ бъ ему намъ противъ Польскихъ и Литовскихъ людей помогати! И намъ ся мнитъ, что Яковъ хочетъ въ Мо-

ковское Государство быши, по умышленію Польскаго Короля и Польскихъ и Литовскихъ людей, чтобъ ему зло, которое, по умышленію Польскаго Жигимонта Короля и Пановъ Радъ, Московскому Государству учинити; о томъ мы стали въ опасеньи, для того и къ Архангельскому городу на береженье ратныхъ многихъ людей отпускаемъ, чтобъ Польскаго Жигимонта Короля умышленьемъ, какое лихо Архангельскому городу не учинилось."

„Да и наемные намъ люди иныхъ Государствъ нынѣ не надобетъ: по ся мѣста были намъ Польскіе люди сильны потому, что за грѣхъ нашъ Государство Московское было врозни, Сѣверскіе города были особѣ, а Казанское и Астраханское Царства и Понизовные города были особѣ; а во Псковѣ былъ воръ, назвался Государскимъ именемъ, и Псковъ и Иванъ-городъ были съ нимъ вмѣстѣ; а иные города и люди многіе были съ Польскими и Литовскими людьми. А нынѣ все Россійское Государство, видѣвъ Польскихъ и Литовскихъ людей неправду и узнавъ воровскихъ людей заводъ, изобрали всѣми Государствы Россійскаго Царствія, мы Бояре и Воеводы, и чашники, и дворяне большіе, и стряпчіе, и дворяне изъ городовъ, и приказные люди, и дѣти боярскіе, и стрѣлецкіе, и Казаки и всякихъ чиновъ служилые люди, и гости, и торговые

и всякіе посадскіе жилецкіе люди, также розныхъ Государствъ Цари и Царевичи, которые служили прежнимъ Государямъ въ Россійскомъ Государствѣ, и Царства Казанскаго и Астраханскаго, и иныхъ Понизовныхъ городовъ Князи и Мурзы, и Ташарове, и Черемиса, и Чуваши, и Литва, и Нѣмцы, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ, за разумъ, и за правду, и за дородство, и за храбрость, къ ратнымъ и къ земскимъ дѣламъ Стольника и Воеводу Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Стародубскаго; да и пѣ люди, которые были въ воровствѣ съ Польскими и Литовскими людьми и стояли на Московское Государство, видя Польскихъ и Литовскихъ людей неправду, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей отстали, и стали съ нами единомышленно противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, и бои намъ съ Польскими и съ Литовскими людьми были многіе, и многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побиваемъ, и городы, которые были за Польскими и Литовскими людьми, очищаемъ къ Московскому Государству, и что гдѣ сберется съ земли какихъ доходовъ, и мы то даемъ нашимъ ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ и Казакамъ; а сами мы, Бояре, и Воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне и дѣти Боярскіе, служимъ и бьемся за святыя Божьи церкви и за православную нашу Крестьян-

скую вѣру и за свое Отечество безъ жалованья. А до Польскихъ и до Литовскихъ людей, за ихъ неправду и крестопреступленье, праведный гнѣвъ Божій до самихъ доходитъ: въ Польской и въ Литовской землѣ, на Волыни и на Подоліи, воевали Турскіе и Крымскіе люди безъ выходу, Волынь и Подолье до конца запустошили, и нынѣ Турскіе и Крымскіе воинскіе люди въ Польской и въ Литовской землѣ воюютъ, и впередъ, по нашей ссылкѣ, Крымскіе люди Польскую и Литовсвую землю хотятъ воевати и до конца пустошити; и мы чаемъ милосердаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего милости, оборонимся отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и сами, Россійскимъ Государствомъ, и безъ наемныхъ людей. А только будетъ, за грѣхъ нашъ по какимъ случаямъ, Польскіе и Литовскіе люди учнутъ намъ ставиться сильны, и мы тогды пошлемъ къ вамъ о рапныхъ людяхъ на наемъ своихъ людей, наказавъ имъ подлинно, сколько имъ людей наймывати и договоръ велимъ учинити, по чему какимъ рапнымъ людямъ на мѣсяцъ или на четверть году найму дать; а нынѣ намъ наемные люди не надобетъ, и договоро нихъ чинити нечего, и вамъ бы къ намъ не ходити и себѣ своимъ проходомъ убытковъ не чинити. А о томъ бы вамъ къ намъ любовь объявити, о Яковѣ о Маржеретѣ къ нотемъ писати: какими обычаи Яковъ Мар-

*

жеретъ изъ Польскія земли у васъ объявился, и въ какихъ онъ мѣрахъ нынѣ у васъ въ каковѣ чести? А мы чаяли, что онъ, не памятуя Государей нашихъ жалованья, Московскому Государству зло многое чинилъ и кровь Крестьянскую проливалъ, ни въ которой землѣ ему, опричь Польши, мѣста не будетъ.—Писанъ на стану у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, лѣта 7101 (1612), Августа мѣсяца.

4) Въ посвященіи Генриху IV (стр. 7) Авторъ говоритъ: „я имѣлъ средства научиться Русскому языку.“ Въ Указателѣ къ III части Сказаній совр. о Дим. Самоз. объяснено, какъ писалъ Авторъ собственныя имена наши; здѣсь же приведемъ нѣсколько выраженій, по коимъ можно судить о степени свѣдѣній его въ Русскомъ языкѣ: *Prosti mene Pojaloi* — прости меня, пожалуй; *Boch tibi prosti*—Богъ тебя проститъ; *Christus vos Christ*—Христосъ воскресъ; *As isten vos Christ*,—во истину воскресъ; *Kleby est samnoi*—хлѣба есть со мной; *Dorotney Schalovec*—дородный человѣкъ; *Bolschoi prichod*—Большой приходъ. *Pomiesnej pricas*—Помѣстный приказъ. *Conusnei pricas*—Конюшенный приказъ. *Roschodnoy Casna*—Расходная казна. *Dengi, Polusques*—Деньги полушки. *Conusnej Baiari*—Конюшенный Бояринъ. *Petigorsquis Chercassi* — Пятигорскіе Черкасы. Zar hospodar y veliquei Knes: N.

fsia Russia ialoet tebe, Царь Господарь и Великій Князь N. всея Руссіи жалуетъ тебѣ. Изъ сего видно, что Маржеретъ писалъ Русскія слова довольно правильно, по крайней мѣрѣ понятно, и кажется разумѣлъ нашъ языкъ; есть въ его книгѣ и грубыя, не многія впрочемъ, ошибки, на примѣръ: *vos Christ* —воскресъ, *bas Mannof* (однажды, на стр. 122, въ другихъ мѣстахъ вездѣ *Basmannof*) Басмановъ; *Knes Vacile. Juannevits, Calitchin*—Князь Василій Ивановичъ Галицынъ; но сіи промахи, по всѣмъ признакамъ, должно приписать типографіи.

5) По исчисленію Гасселя, Россія въ началѣ XVII вѣка заключала въ себѣ 154.894 квадр. мили. *Hassel's Ephemeriden на 1826 годъ.*

6) Баронъ Майербергъ, бывшій въ Россіи въ 1661 году, пишетъ, что все пространство между Вязьмою и Можайскомъ, на 150 верстъ, покрыто было дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находилась одна только деревушка. *Iter in Moscoviam Bar. Mayerberg . . . стр.* 98. То же свидѣтельствуетъ сочинитель Извѣстія о трехъ посольствахъ Графа Карлиля съ 1663 по 1665 годъ: „Проѣхавъ по Россіи, говоритъ онъ, по мѣстамъ, наиболѣе заселеннымъ, мы видѣли только лѣса безконечные.“ *La relation des trois Ambassades de M. le Comte de Carlisle . . . .* 2 изд. 1672.

7) „Русскій городъ Архангелъ, означаемый на ландкартахъ обыкновенно подъ именемъ Св. Михаила Архангела, поспроенъ въ недавнее время, тамъ, гдѣ рѣка Двина раздѣляется на два протока. Прежде корабли приставали къ монастырю Св. Николая, въ гавани того же имени, бывшей въ лѣвомъ рукавѣ Двины. Но какъ въ послѣдствіи сей рукавъ обмелѣлъ отъ наноснаго песку, а правый сдѣлался глубже, то прежнюю гавань оставили и устроили новую въ правомъ протокѣ—тамъ, гдѣ стоитъ Архангелъ.“ A. Olearii *Auszführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Muscow und Persien* .... 1671 *стр.* 150.

Архангельскъ основанъ въ 1584 году при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, тамъ, говоритъ Карамзинъ, гдѣ былъ монастырь Св. Николая. *Ис. Гос. Рос.* VIII. 231. X. 70.

8) Олеарій считаетъ въ одной Нѣмецкой милѣ пять верстъ: слѣдовательно тогдашняя верста была болѣе нынѣшней 200 саженъ.

9) Дѣйствительно Царь Казанскій Едигеръ Магметъ взятъ въ плѣнъ Іоанномъ, и въ Москвѣ, по собственному желанію, принялъ Христіанскую вѣру съ именемъ Симеона; на вопросъ Митрополита: „не нужда ли, не страхъ ли, не мірская ли польза вну-

шаетъ ему мысль креститься?“ онъ отвѣтствовалъ рѣшительно: „нѣтъ! люблю Іисуса и ненавижу Магомета!“ Только сей Симеонъ, по свидѣтельству современной лѣтописи, умеръ за долго до прибытія Маржерета въ Россію, въ 1565 году. Маржеретъ зналъ другаго Царя Симеона, о коемъ см. ниже, примѣч. 30.

10) Въ Европѣ около двухъ столѣтій вѣрили существованію Астраханскаго Барапца, и всѣ почти иноземцы, писавшіе о Россіи до начала XVIII столѣтія, разсказываютъ объ немъ болѣе или менѣе невѣроятныя подробности, хотя ни одинъ изъ нихъ не видалъ нашего мнимаго Зоофита. Гербершпейнъ пишетъ слѣдующее:

„Дмитрій Даниловичъ, мужъ степенный и достовѣрный (какого только можно найти между *варварами*), разсказывалъ мнѣ удивительный и едва ли вѣроятный случай: отецъ его, бывъ нѣкогда посланъ Великимъ Княземъ къ Царю Заволжскому, видѣлъ въ спранѣ между Волгою и Яикомъ нѣкоторое сѣмя, похожее на дынное, только болѣе и кругѣе: зарытое въ землю, оно производило нѣчто похожее на ягненка, вышиною въ пять ладоней; это растеніе Русскіе называютъ Боранецъ (Boranetz), потому, что оно имѣетъ голову, глаза, уши и все прочее, какъ ягненокъ, лишь только родившійся, и

притомъ весьма нѣжную шкуру, которою въ тѣхъ краяхъ обыкновенно подшиваютъ шапки. Многіе изъ Русскихъ увѣряли, что они видѣли сіи шкурки. Сверхъ того, Дмитрій разсказывалъ, что въ этомъ растеніи, ежели только можно назвать его растеніемъ, есть и кровь, но безъ мяса, вмѣсто коего находятъ матерію, весьма похожую на мясо раковое; копыта же у него не роговыя, какъ у ягненка, а покрыты волосами, на подобіе рога; стебель идетъ отъ пупка, или изъ средины брюха; живетъ же оно до тѣхъ поръ, когда съѣстъ кругомъ себя траву, и корень самъ собою отъ недостатка пищи завянетъ. Это растеніе, присовокупилъ Дмитрій, чрезвычайно вкусно и сладко; отъ сего волки и другія хищныя животныя весьма охотно ѣдятъ оное."

„Я, съ своей стороны, хотя все сіе считалъ выдумкою, однакожъ рѣшился упомянуть о Боранцѣ, потому, что слыхалъ объ ономъ отъ людей ни мало не легкомысленныхъ, и теперь разсказываю объ этомъ тѣмъ охотнѣе, что узналъ отъ весьма ученаго мужа Вильгельма Постелла слѣдующее: говорилъ ему нѣкто Михаилъ, переводчикъ Турецкаго и Арабскаго языковъ при Венеціянской Республикѣ, что онъ видѣлъ привозимыя изъ Татарскаго города Самарканда и изъ восточныхъ странъ Каспійскихъ весьма нѣжныя шкуры, снимаемыя съ какого-то

растенія, въ тѣхъ странахъ находящагося; что сими шкурами нѣкоторые Мусульмане подбиваютъ шапки для согрѣванія бритыхъ головъ своихъ, а иные кладутъ ихъ на голую грудь; и что самъ онъ Михаилъ, такого растенія не видалъ, имени его не знаетъ, называютъ же его Самаркандскимъ.... Какъ сіе извѣстіе, заключилъ Постеллъ, не разнорѣчитъ съ словами другихъ лицъ, но я почти увѣренъ, что такое растеніе ни сколько не баснословно, во славу Творца Всемогущаго." Commentarii Rerum Moscoviticarum, 1600 p. 75.

„Намъ разсказывали, *говоритъ Олеарій*, что за Самарою, между Волгою и Дономъ, растутъ дыни или тыквы удивительнаго рода: онѣ величиною съ обыкновенную дыню, а наружнымъ видомъ похожи на ягненка, имѣя ясные признаки членовъ животнаго; отъ сего по-Русски, называются *Баранцалы* (Boranetz). Созрѣвая, сіи плоды перекатываются съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ длины стебля, идущаго какъ бы отъ пупа къ корню, и изсушаютъ подъ собою траву, или, по словамъ Россіянъ, *пожираютъ* ее. Когда плодъ созрѣетъ, стебель увядаетъ, а кожа дѣлается курчавою, какъ на ягненкѣ: ее можно, по мнѣнію Россіянъ, дубить и приготовлять для зимней одежды. Въ Москвѣ намъ показывали нѣсколько небольшихъ лоскутковъ отъ постельнаго покрывала, сшитаго

будто бы, изъ овчины Боранца. Шерсть на нихъ мягка и курчава, какъ на ягненкѣ.“ *Auszführliche Beschr. der kund. Reyse . . . стр.* 155.

Многіе изъ другихъ иноземцевъ, бывшихъ въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, разсказываютъ о Боранцахъ въ такомъ же смыслѣ, какъ читалъ гдѣ—то нашъ Маржеретъ, напримѣръ *Рейтенфелсъ* (*de rebus Moschoviticis . . .* 1680, *стр.* 258) и особенно Стрейсъ (*The voyages of J. Struys through Moscovia . . .* 1673 *стр.* 180). Ученый *Кемпферъ* (въ началѣ XVIII ст.) первый началъ увѣрять, что овчины такъ называемыхъ Боранцевъ получаются не съ растеній, а съ ягнятъ, вынутыхъ изъ матерней утробы еще до рожденія (см. *Витсена* стр. 288). Впрочемъ источникъ этой сказки неизвѣстенъ.

11) Въ Астрахани Англичане торговали съ Персіею весьма дѣятельно со временъ Іоанна IV, который въ 1567 и 1569 г. далъ важныя выгоды купцамъ Англійскимъ, по ходатайству посланника Елисаветы Антонія Дженкинсона: они могли ѣздить изъ Россіи въ Персію, имѣть селенія на рѣкѣ Вычегдѣ, съ правомъ плавить тамъ желѣзную руду, и конпору въ Ярославлѣ; вездѣ купечествовали свободно, безъ пошлинъ, вездѣ строили жилища, лавки; чеканили для себя шалеры и судились только судомъ Оприч-

нины. Самъ Дженкинсонъ описалъ свои переговоры съ Іоанномъ въ любопытныхъ донесеніяхъ, помѣщенныхъ въ чрезвычайно рѣдкомъ собраніи разныхъ путешествій: Purchas his pilgrimes, in five bockes. London, 1625, томъ 3. Дженкинсонъ былъ въ Рязани, Касимовѣ, Муромѣ, Нижнемъ Новѣгородѣ, Свіяжскѣ, Казани, Астрахани, Ургенцѣ, Бохарѣ, Ташкентѣ, Самаркандѣ, Балкѣ. О всѣхъ мѣстахъ, имъ видѣнныхъ, онъ оставилъ важныя извѣстія, кои могутъ пояснить тогдашнюю нашу восточную торговлю. Борисъ Годуновъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ утвердили у насъ монополію Англичанъ, которая продолжалась до временъ Царя Алексѣя Михайловича: сей благоразумный Государь, руководствуясь мудрою политикою, уничтожилъ оную въ 1649 году.

12) Около 1586 года, Сибирь должна была доставлять въ Казну ежегодно 200,000 соболей, 10,000 лисицъ черныхъ, 500,000 бѣлокъ. *Карамз. Истор. Госуд. Россійс. X. прим.* 44.

13) Россіяне положили основаніе Сибирскимъ городамъ: Тобольску въ 1587 году, Пелыму, Березову въ 1592, Тарѣ 1594, Нарыму и Кетскому Острогу въ 1596. Въ дѣлахъ посольскихъ 1686 говорится уже о *94 горо-*

дахъ Сибирскихъ. *Ист. Госуд. Рос. X. прим.* 44.

14) Grande bataille de Agria. Авторъ разумѣетъ вѣроятно завоеваніе Егера или Эрлау въ Верхней Венгріи, въ 1596 году Султаномъ Магометомъ III, послѣ упорнаго сопротивленія Христіанъ, ободряемыхъ героемъ Терцки.

15) Въ подлинникѣ: Borisof, Gorod, Zaragorod. *Борисовъ*, въ послѣдствіи Новый Царевъ градъ, находился на Осколѣ, при впаденіи въ оный рѣчки Бахтина, какъ видно изъ современной карты Олеаріевой, также и изъ приложенной къ сей части карты Ѳ. Б. Годунова. Тамъ нынѣ находится Царево-Борисовъ. *Бѣлгородъ* (если только Авторъ разумѣетъ сей городъ и не соединяетъ Gorod съ предъидущимъ Borisof), по свидѣтельству Древней Россійской Идрографіи (стр. 24.) „стоялъ на Донцѣ, и послѣ Литовскаго разоренья, перенесенъ на другую страну Донца, съ нижнія страны *Бѣлаго кладезя*, отъ берега Донца, отъ Стараго городища, 380 саженъ.“ Тамъ находится онъ и нынѣ въ 125 верстахъ отъ Курска. *Царевъ-городъ* находился въ 8 верстахъ отъ Изюмскаго перевоза или нынѣшняго Изюма, на сѣверномъ Донцѣ (Древ. Рос. Идрогр. 30).

16) Jls tiennent ce Zaragorod n'estre qu'à huit journées du grand—Cam. C'étoit autrefois le rendez-vous des Tartares, lors qu'ils s'assembloient pour venir fourager l'Europe. Подъ словомъ *du grand Cam* Авторъ разумѣетъ Крымъ.

17) Самые большіе лоси находились въ лѣсахъ близъ Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми. *Карамз.* X. 251.

18) Лизекъ, секретарь Цесарскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 году, увѣряетъ, что дорога отъ Смоленска до Москвы была весьма опасна отъ множества волковъ, которые изъ темнаго, безпрерывнаго лѣса бросались на путешественниковъ. *Relatio... strictim recensita per Ad. Lyseck.* 1676. *cap.* VII.

19) Предки наши не ѣли телятины до начала XVIII столѣтія, когда стали продавать ее на рынкахъ, вмѣстѣ съ прочими съѣстными припасами. *Mons. de la Neuville Relation...de Moscovie. стр.* 26.

20) „Прежде, говоритъ Флетчеръ, воску отпускалось 20,000, а нынѣ, т. е. въ 1588 г. только 10,000 пудъ: ибо Россія уже не имѣетъ Нарвской пристани.“ *Карамз.* X. *пр.* 423.

21) “Россіяне всякаго возраста, пола и

званія, до такой степени заражены страстію къ вину, что они смотрятъ равнодушно, какъ на дѣло обыкновенное, когда пьяные мужчины и женщины валяются въ грязи по улицамъ. Ни одинъ не упуститъ случая вдоволь напиться, особенно горячаго вина. Гостю обыкновенно подносятъ добрую чашу *вина Царскаго;* причемъ, если какой нибудь знатный Бояринъ подчуетъ просполюдина, то сей послѣдній считаетъ неприличнымъ отказываться, сколько бы ему ни подносили, доколѣ вино не сшибетъ его съ ногъ. Не только чернь, но и Бояре, самые послы Царскіе, болѣе всѣхъ обязанные внушать уваженіе къ своему Государю при Дворахъ иноземныхъ, не знаютъ никакой мѣры на пиршествахъ, пьютъ вино, какъ воду, теряютъ разсудокъ, нерѣдко самую жизнь. Такъ великій посолъ Царскій, пріѣхавшій въ 1608 году ко Двору Карла IX, Короля Шведскаго, до того напился крѣпкаго хлѣбнаго вина, что на канунѣ аудіенціи найденъ былъ мертвымъ въ постелѣ." *Олеарій, 194.*

22) Ссылаясь на Русскія Лѣтописи, Авторъ хочетъ показать, что онъ ихъ читалъ: но въ приведенномъ отрывкѣ столько ошибокъ, что не льзя не быть увѣрену въ противномъ. Рюрикъ не былъ Княземъ Владимірскимъ; а Максимиліанъ I, прежде всѣхъ западныхъ Вѣнценосцевъ называвшій Импе-

раторомъ Государя Россійскаго — Василія Іоанновича,—умеръ слишкомъ за 10 лѣтъ до рожденія Іоанна IV. *Карамз. И. Г. Р. VII. пр. 101.*

23) Jls appellent le Roy de Perse *kisel Bascha.* Et le Turc *Veliqui Ospodar-tursk*, qui veut dire grand Seigneur de Turquie. *Кызылбашъ* на Турецкомъ языкѣ значитъ *красноголовый.* Персы гордились симъ именемъ, по извѣстію Олеарія. Слова: *Кызылбаши, Кызылбашскій посланникъ* употреблялись у насъ до временъ Петра Великаго. Впрочемъ въ Государственныхъ бумагахъ XVII столѣтія, владѣтель Персидскій чаще назывался *Шахомъ*, а Турецкій *Салтаномъ Турскимъ.*

24) Елисавета именовала Іоанна IV Императоромъ. *Карамз.* IX. *прим.* 266.

25) Супруги Іоанна IV 1. Анастасія Романовна (соч. брак. 1547 года; умер. 1560) 2. Марія Темгрюковна (1561—1569). 3. Марѳа Васильевна, дочь купца Новгородскаго (1571). 4. Анна Алексѣевна (бракъ сей утвержденъ Духовенствомъ 1572), 5. Анна Васильчикова (около 1575— безъ имени Царицы). 6. Василиса Мелентьева (*Женище*). 7. Марія Ѳеодоровна (1580—), мать Св. Димитрія Углицкаго.

26) Іоаннъ IV имѣлъ *пять* сыновей: отъ

Анастасіи Романовны—Димитрія (1552—1553), Іоанна (1550—1582) и *Θеодора* (1557—1598); отъ Маріи Темгрюковны—Василія (1568), и отъ Маріи Θеодоровны—*Димитрія* (19 Октября 1583—15 Мая 1591).

27) Въ подлинникѣ: Le bruit court qu'il tua son aisné de sa propre main. Ce qui se trouve autrement. Car combien qu'il le frappa du bout d'un baston ferré d'une poincte d'acier carrée, lequel baston est en forme de crosse, nul ne l'osant porter que les Empereurs, qui est un baston dont jadis les grands Ducs recevoient hommage du Tartare Diotkrim, it fut aucunement blessé du coup, mais n'en mourut pas, ains quelque temps apres en un pelerinage. Что значитъ выраженіе *du Tartare Diotkrim*—мудрено догадаться; думаю, что это опечатка: Авторъ, кажется, хотѣлъ сказать *du Tartare dit Krim*, какъ онъ называетъ Крымскаго Хана въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ изъ Исторіи не видно, чтобы Ханы Крымскіе присылали нашимъ Государямъ жезлы въ знакъ покорности.

28) Вообще въ смерти Царевича Іоанна обвиняютъ отца его. *Карамз.* IV. *пр.* 610. и 612.

29) „Народъ отвергнулъ или забылъ названіе *Мучителя*, данное ему современни-

ками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой, донынѣ именуетъ его только *Грознымъ*.“ *Карамзинъ*.

Маржеретъ называетъ сего Государя: Johannes Basilius surnommè *le Tiran*.

3о) Извѣстіе Маржерета о возведеніи Симеона Іоанномъ IV на престолъ Московскій подтверждаютъ не только иностранцы, напримѣръ Флетчеръ, но и наши Лѣтописи; въ Морозовской, рукописной сказано: „Царство (Іоаннъ) раздѣли на двѣ части: едину себѣ отдѣли, другую же Царю Симеону Казанскому поручи; самъ же Государь отъиде отъ единыхъ малыхъ градовъ, въ градъ зовомый Старицу, и тамо жительствуя; а другую часть Царя Симеона именова Земщина.“

Сверхъ того, недавно открытъ любопытный Государственный актъ, хранящійся въ спискѣ, въ архивѣ Тульс. Двор. Депут. Собр. и напечатанный въ 8 *N* Московскаго Телеграфа на 1830 годъ: это—грамота, писанная въ 1576 (9 Февраля 7084 въ Москвѣ), достопамятная не содержаніемъ, а своею формою; начинается она словами: „*Отъ Великаго Князя* Симіона Бекбулатовича *всеа Русіи* во Мценской уѣздъ, въ Чернской станъ“ и проч. На оборотѣ надпись: „*Князь Великій всеа Россіи. Первый день.*“ Только этотъ Симеонъ былъ, вопреки Маржерету, не Ка-

занскій Царь, взятый въ плѣнъ Іоанномъ IV, или Едигеръ (см. выше прим. 9), а вѣроятнѣе Касимовскій, коего отецъ Бекбулатъ, братъ Еналея и Шигъ-Алея, поселился въ Россіи послѣ 1562 года (см. Москов. Телегр, на 1831 г. *N* 20). Симеонъ Казанскій (Едигеръ) умеръ въ 1565 году, въ чемъ удостовѣряетъ современная Лѣтопись Московская: „Авг. въ 26, въ недѣлю, преставился Казанскій Царь Едигеръ, а въ Св. Крещеніи Царь Симеонъ *Касаевичъ* и положенъ бысть у Архистратига Михаилова Чюда въ монастырѣ, у церкви Благовѣщенія Пречистыя на полуденной странѣ.“ (*Карамз. Ист. Госуд. Рос.* IX. *пр.* 137).

Ошибка Маржерета тѣмъ удивительнѣе, что онъ зналъ лично Симеона и разговаривалъ съ нимъ.

Слова Автора: „Іоаннъ короновалъ его (Симеона) и предоставилъ ему весь Царскій пишулъ; самъ же, *построивъ дворецъ противъ Кремля*, повелѣлъ называть себя Великимъ Княземъ Московскимъ,“ поясняются слѣдующимъ извѣстіемъ нашего Лѣтописца: „Царь и В. К. учинилъ Опришнину: изъ града и изъ двора своего перевезся жити за Неглинну на Воздвиженскую улицу, на К. Михайловскій дворъ Темрюковича, и велѣлъ на томъ дворѣ хоромы строити Царскія и ограду учинити, и все строеніе новое ставити, городъ и дворъ свой.“ (*Карамз.* IX. *пр.* 138).

31) Въ подлинникѣ: Il maria son second fils à la *fille* de Boris Federvits — безъ сомнѣнія опечатка: въ послѣдствіи Маржеретъ вездѣ называетъ супругу Ѳеодора сестрою Годунова.

32) Въ правленіе Ѳеодора, Борисъ основалъ Архангельскъ, крѣпости по Волгѣ: Цывильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ; Санчурскъ, Самару; сверхъ того: Уфу, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тару, Нарымъ, Кетскій Острогъ; Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку.

33) Царевичъ Димитрій удалился въ Угличъ по завѣщанію отца своего, который на смертномъ одрѣ назначилъ ему сей городъ въ удѣлъ: слѣдовательно Борисъ не могъ быть виновникомъ мнимой ссылки Димитрія.

34) На сей *молвѣ* Маржеретъ основываетъ свои доказательства, будто бы Лжедимитрій былъ сыномъ Іоанна Грознаго!

35) Данило Битяговскій, сынъ Дьяка Битяговскаго, правившаго въ Угличѣ хозяйствомъ вдовствующей Царицы. Злодѣю помогалъ Качаловъ. См. во 2 части *Розыскъ о смерти* Царевича Димитрія.

36) Патріархъ Іовъ въ *Повѣсти о чест-*

*

нелѣ житіи . . . Царя Ѳеодора Іоанновича (см. Русск. Лѣт. по Никон. списку, VII. 328), говоритъ: „Самый царствующій богоспасаемый градъ Москву, яко нѣкую невѣсту, преизрядною лѣпотою (Борисъ) украси; многія убо въ немъ прекрасныя церкви каменныя созда и великія полаты устрои, . . . и спѣны градныя окрестъ всея Москвы превеликія каменныя созда, и величества ради и красоты проименова его Царь-градъ; внутрь же его и полаты купеческія созда во упокоеніе и снабженіе торжникомъ.“

37) Вдовствующія Великія Княгини и Царицы не всегда чрезъ 6 недѣль удалялись въ монастырь: мать Іоанна IV около 5 лѣтъ правила Государствомъ, вдова же сего Государя неволею пострижена чрезъ 7 лѣтъ послѣ его смерти.

38) Описывая избраніе Бориса Годунова на престолъ, Авраамій Палицынъ говоритъ: „Патріархъ же со всѣмъ освященнымъ соборомъ пріемлютъ икону Матери всѣхъ Бога, и иже на ея пречистую руку воображенъ младенецъ, держай всю тварь словомъ велѣнія, написанный Лукою Евангелистомъ.“ Сія икона находится въ Успенскомъ Соборѣ и извѣстна подъ именемъ *Владимірской*.

39) Непонятно, какъ вкралась эта ошиб-

ка: Св. Софія, Елена, Магдалина были почитаемы столько же, какъ и нынѣ.

40) Патріаршество учреждено въ 1589 году, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

41) По извѣстію Олеарія, овдовѣвшій Священникъ могъ служить только заутреню и вечерню; не пріобщалъ Св. таинъ и не крестилъ младенцевъ.

42) Олеарій разсказываетъ, что Патріархъ сослалъ одного Священника, вадумавшаго, вопреки обычаю, проповѣдывать въ церкви. Этотъ обычай отмѣненъ Патріархомъ Никономъ, который восхищалъ народъ своимъ краснорѣчіемъ.

43) Первая Московская Типографія заведена въ 1553 году. Древнѣйшая изъ печатанныхъ въ оной книгъ—Дѣянія Апостольскія—издана 1564 года.

44) Въ подлинникѣ: Deux fois l'an les fleuves et eaux courantes y sont bénistes, et après ladite bénédiction l'Empereur et les grands ont accoûtumé de sauter dedans l'eau, mesmes j'ay veu couper la glace à cet effet, et l'Empereur sauter dedans.

45) Олеарій видѣлъ обрядъ сей при Ми-

хаилъ Ѳеодоровичъ, — отмѣненный въ 1678 году Московскимъ соборомъ. *Древ. Рос. Вивліовика*, II. 329. VI. 357.

46) Еще при Василіи Іоанновичѣ, какъ пишетъ Іовій, предки наши не терпѣли Евреевъ и запрещали имъ жить въ Москвѣ. По извѣстію Олеарія, названіе Русскаго *жидомо́ръ*—было самою обидною бранью. Написповъ также не любили. *Стр.* 317.

47) Стефанъ Баторій и Сигизмундъ Баторій управляли Трансильваніею въ зависимости отъ Римскаго Императора. *Shmidt's Geschichte d. Deutshen* VII. 301. VIII. 121.

48) Авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ Кремль: но Кремлевскія стѣны и башни воздвигнуты въ правленіе Іоанна III разными Италіянскими художниками. *Карамз.* VI. 78.

49) По извѣстію Петрея, современника Маржерету, въ Москвѣ считалось 4,500 церквей, а въ Кремлѣ 50. Олеарій уменьшаетъ число ихъ до 2,000. Окружность столицы, по его же словамъ, простиралась на 3 Нѣмец. мили. *Стр.* 146.

50) Clops hospodaro.

51) Правежъ могъ продолжаться не бо-

лѣе мѣсяца, какъ сказано въ Судебникѣ. Онъ отмѣненъ Петромъ I; Биронъ однако употреблялъ его нерѣдко въ царствованіе Анны Іоанновны для взысканія недоимокъ. *Болтина Примѣч. на Ист. Леклерка.* II. 463.

52.) Доселѣ мы еще не имѣемъ подробнаго извѣстія о свадебныхъ Русскихъ обрядахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ: въ Исторіи Государства Россійскаго находимъ только описаніе брака Великокняжескаго; предлагаю отрывокъ изъ сочиненія Олеарія, въ дополненіе къ Маржерету:

„Хотя Венера, говоритъ онъ, соблазняетъ Россіянъ не менѣе другихъ людей; но имъ неизвѣстны публичные домы, которые, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Персіи, гдѣ Правительство получаетъ отъ нихъ значительную прибыль. Россіяне наблюдаютъ брачные уставы: мужъ имѣетъ только одну жену; вдовецъ можетъ жениться въ другой и третій разъ: болѣе законъ не дозволяетъ, —и Священникъ, вѣнчавшій кого либо на четвертой женѣ, лишается сана. Священнослужитель церкви, совершающій таинства, долженъ быть непремѣнно женатый; если жена его умретъ, онъ остается навсегда вдовцемъ, или, скинувъ рясу, переходитъ въ купеческое и другое свѣтское званіе.

„Заключая брачные союзы, Россіяне

остерегаются близкаго родства, даже свойства: посему двое родныхъ братьевъ не могутъ жениться на двухъ сестрахъ; кума̀ не выходитъ за кума. Свашовство же происходитъ такимъ образомъ.

„Юноши не могутъ бесѣдовать съ дѣвицами и тѣмъ менѣе искать ихъ руки, или требовать ихъ согласія на брачные узы: это—дѣло родителей. Обыкновенно отецъ взрослой дочери, имѣя на примѣтѣ жениха, отправляется къ нему на домъ и заводитъ рѣчь о невѣстѣ или съ нимъ, или съ его родными и друзьями, старается внушить ему доброе объ ней мнѣніе и охоту жениться. Если предложеніе понравится и родные жениха пожелаютъ видѣть ее: отецъ сперва не соглашается исполнить сего требованія, но потомъ дозволяетъ посмотрѣть свою дочь въ присутствіи матери, или подруги, особенно когда дѣвица не дурна собою. Требуется только, чтобы она не имѣла очевидныхъ недостатковъ, не была бы, напримѣръ слѣпа или кривонога: тогда родители и друзья съ обѣихъ сторонъ договариваются о приданомъ и другихъ условіяхъ брака.

„Но люди сколько нибудь значительные воспитываютъ своихъ дочерей въ недоступномъ теремѣ, скрывая ихъ отъ взора посторонниихъ — и женихъ не прежде увидитъ свою невѣсту, какъ тогда, когда приведутъ ее къ нему въ спальню. Посему не-

рѣдко случается, что вмѣсто красавицы, онъ находитъ какого нибудь урода, вмѣсто дочери Боярина, совсѣмъ иную дѣвицу, даже служанку. Удивительно ли, если мужъ нерѣдко живетъ съ своею женою, какъ кошка съ собакою, и если жена обыкновенно терпитъ безпрестанные побои?

„При Княжескихъ и Боярскихъ свадьбахъ наблюдаются слѣдующіе обряды:

„Со стороны жениха и невѣсты назначаютъ двухъ женщинъ, которыя, подъ именемъ *свахъ*, хозяйничаютъ въ томъ домѣ, гдѣ празднуется свадьба. Сваха невѣстина въ день брака отправляется въ домъ жениха и приготовляетъ брачное ложе; ее провожаютъ до 100 служителей къ кафтанахъ; каждый изъ нихъ несетъ что нибудь на головѣ для убранства спальной комнаты и постели. Брачное ложе стелютъ на 40 ржаныхъ снопахъ, заранѣе женихомъ приготовленныхъ. Подлѣ нихъ ставятъ нѣсколько кадей съ ячменемъ, овсомъ и пшеницею, для того, чтобы молодые жили всегда въ изобиліи и довольствѣ.

„По окончаніи всѣхъ нужныхъ приготовленій, женихъ отправляется поздно вечеромъ съ своими дружками (Freunde) въ домъ невѣсты; предъ нимъ ѣдетъ Попъ, который долженъ вѣнчать его. Друзья невѣстины, ласково принявъ жениха со всѣми провожатыми, главнѣйшихъ, или ближайшихъ изъ

нихъ сажаютъ за столъ, гдѣ не болѣе трехъ кушаньевъ, которыхъ никто однако не трогаетъ. На первомъ мѣстѣ сидитъ мальчикъ: женихъ, поговоривъ съ друзьями невѣсты, сводитъ его учтиво и самъ на оное садится. Потомъ приводятъ невѣсту, закутанную въ великолѣпную одежду, и сажаютъ рядомъ съ женихомъ; а чтобы они не увидѣли другъ друга, протягивается между ними красная шафта, которую держатъ два мальчика. Послѣ того, является сваха, разчесываетъ у невѣсты волосы, распущенные по плечамъ, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы и надѣвъ ей на голову корону (кику), оставляетъ ее съ открытымъ лицемъ. Корона дѣлается изъ площенаго золота или серебра съ камчатнымъ подбоемъ; по краямъ же оной, близъ ушей, висятъ по 4, 6 и болѣе жемчужныхъ нитокъ, такъ что, если дѣвица нѣсколько наклонится, подвѣски сіи падаютъ ей на грудь. Ферезь ея бываетъ вышитъ крупнымъ жемчугомъ спереди, около рукавовъ (длинныхъ въ 3 аршина) и по воротнику шириною въ 3 пальца. Такая одежда стоитъ иногда гораздо болѣе 3,000 талеровъ.

Сваха чешетъ и жениха; между тѣмъ женщины, стоя на скамейкахъ, поютъ шутовскія пѣсни. Потомъ приходятъ двое юношей въ красивой одеждѣ съ сыромъ и хлѣбомъ на подносѣ, увѣшанномъ соболями. Это называется *Крабейникомъ* (караваемъ?).

Священникъ благословляетъ крабейникъ, который относятъ въ церковь. Послѣ того ставятъ на столъ большую серебряную мису, наполненную четыреугольными отрѣзками атласа, шафты, сколько нужно для небольшаго кошелька, также квадратными серебряными пластинками, перемѣшанными съ хмѣлемъ, овсомъ, ячменемъ. Сваха, накрывъ невѣсту, осыпаетъ изъ мисы всѣхъ Бояръ и друзей жениховыхъ: они же—если хотятъ—подбираютъ съ земли кусочки серебра и атласа; во все это время поются пѣсни безъ умолку. Въ заключеніе родители невѣсты и жениха, вставъ съ своихъ мѣстъ, размѣниваютъ кольца молодой четы.

„По окончаніи сихъ обрядовъ, сваха выводитъ изъ дому невѣсту, сажаетъ ее въ сани и везетъ въ церковь подъ покрываломъ. Шея лошади, запряженной въ сани, также и хомутъ увѣшиваются лисьими хвостами. За невѣстою слѣдуетъ женихъ верхомъ съ дружками и Священникомъ, который иногда уже на вечеринкѣ такъ хорошо подгуляетъ, что его надобно поддерживать, дабы онъ не свалился съ лошади; ему нужна сія помощь и въ церкви, когда онъ отправляетъ свою обязанность. Подлѣ саней идутъ нѣсколько пріятелей и слугъ, поющихъ самыя нескромныя пѣсни.

„Часть церковнаго помоста, гдѣ происходитъ вѣнчаніе, покрываютъ красною шаф-

тою, и сверхъ того, подъ ноги новобрачныхъ стелютъ особенную ткань. Предъ началомъ обряда, подаютъ Священнику пироги и пастеты, а надъ головою жениха и невѣсты держатъ большія иконы.

„Священникъ, благословивъ чету, беретъ у жениха правую руку, а у невѣсты лѣвую и соединивъ ихъ, спрашиваетъ новобрачныхъ прежды: желаютъ ли они жить другъ съ другомъ? Когда же услышитъ троекратное *да*, обводитъ ихъ вокругъ и поетъ 128 псаломъ: а они подпѣваютъ ему, приплясывая *). Послѣ того, кладетъ имъ на голову красивые вѣнцы (вдовѣ же, или вдовцу на плечо), съ сими словами: *растите и множитесь; что соединяетъ Богъ, того не разторгнутъ человѣку.* Между тѣмъ, всѣ гости, находящіеся въ храмѣ, зажигаютъ небольшія восковыя свѣчи и подаютъ Священнику деревянную вызолоченную чашу, иногда же хрустальный кубокъ, съ краснымъ виномъ: онъ пьетъ чашу за здоровье новобрачныхъ, которые также должны осушить ее прежды. Женихъ, ударивъ сосудомъ о землю, топчетъ его вмѣстѣ съ невѣстою, приговаривая: *такъ да погибнетъ подъ нашими ногами, кто вздумаетъ ссорить и мутить насъ.* Въ заключеніе женщины осыпаютъ молодыхъ

*) Трудно повѣрить. *Издатель.*

льнянымъ и конопляным съменемъ, желая имъ всякаго благополучія; причемъ дергаютъ невѣсту, какъ будто спараются отнять ее у жениха; но онъ держитъ ее крѣпко и проводивъ до саней, садится опять на лошадь. Подлѣ саней несутъ шесть восковыхъ свѣтильниковъ и припѣваютъ по прежнему всякую всячину.

„Изъ церкви возвращаются къ жениху; гости садятся съ нимъ за столъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; невѣсту же немедленно раздѣваютъ и кладутъ въ постель. Лишь только молодой примется за первое блюдо, его требуютъ къ невѣстѣ; предъ нимъ идутъ шесть или восемь мальчиковъ съ горящими факелами. Молодая, услышавъ о его приближеніи, встаетъ съ постели и, накинувъ на себя соболью шубу, привѣтствуетъ милаго наклоненіемъ головы. Мальчики, воткнувъ свѣчи въ кадь пшеницы и ячменя, получаютъ въ подарокъ по парѣ соболей и выходятъ вонъ. Женихъ садится за накрытый столъ вмѣстѣ съ невѣстою, которую онъ только теперь видитъ въ лице. Имъ подаютъ кушанья, между прочимъ жаренаго пѣтуха; женихъ, разорвавъ его на части, бросаетъ первый кусокъ — ногу или крыло — чрезъ себя, а другой ѣстъ. По окончаніи ужина, впрочемъ непродолжительнаго, молодые ложатся въ постель; за дверьми же спальни остается одинъ только старый

служитель; и между тѣмъ, какъ друзья и родные ворожатъ и колдуютъ для счастія новобрачныхъ . . . гремятъ трубы и литавры. Чрезъ нѣсколько часовъ, молодые идутъ въ баню, гдѣ они моются отдѣльно водою, виномъ, медомъ; за симъ юная жена даритъ мужа новою сорочкою съ жемчужнымъ на воротникѣ узоромъ.

„Слѣдующіе два дня проводятъ въ роскошныхъ пирахъ, пляскахъ и разныхъ увеселеніяхъ, какія только могутъ выдумать, при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ и между прочимъ *псалтиря*, инструмента, похожаго на гусли: его держатъ близъ груди и пальцами перебираютъ струны, какъ на арфѣ. На сихъ то пирахъ, когда мужья порядочно подгуляютъ, жены ихъ находятъ случай повеселиться съ посторонними мужчинами . . . . . Такъ женятся люди знатные.

„Въ случаѣ же свадьбы простолюдина, женихъ посылаетъ невѣстѣ наканунѣ брака новыя платья, шапку и пару сапоговъ; сверхъ того, ларчикъ съ румянами, гребнемъ и зеркальцемъ. Въ день свадьбы приходитъ Попъ съ серебрянымъ небольшимъ крестомъ, провожаемый двумя мальчиками, несущими зажженныя восковыя свѣчи. Онъ благословляетъ сперва мальчиковъ, потомъ гостей; женихъ и невѣста садятся за столъ, раздѣлясь другъ отъ друга также красною тафтою; когда сваха начнетъ чесать невѣстѣ воло-

сы, молодые прижимаются другъ къ другу и прикоснувшись щеками, смотрятся въ зеркальце и посмѣиваются. Между тѣмъ свахи осыпаютъ ихъ и гостей хмѣлемъ. Послѣ того всѣ отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе происходитъ съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано.“ *Олеарій*, 220—225.

53) Пророкъ Іезекіиль говоритъ (гл. 2. ст. 9): „И видѣхъ, и се рука простерта ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный. И (Богъ) разви его предо мною, и въ томъ писана быша предняя и задняя: и вписано бяше въ немъ рыданіе, и жалость, и горе.“ Глава 3. „И рече ко мнѣ: сыне человѣчь! снѣждь свитокъ сей, и иди, и рцы сыномъ Израилевымъ.“

54) Въ подлинникѣ *de Vorest* — правильнѣе Дворцовый приказъ.

55) Setuart. Слово четверть употреблялось болѣе для означенія мѣры; вѣдомства же именовались обыкновенно *четями;* при Іоаннѣ IV главные приказы Посольскій, Розрядный, Помѣстный, Казанскій назывались также четями: первый вѣдалъ дѣла внѣшнія, второй воинскія, третій земли розданныя служивымъ людямъ, четверный дѣла Царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые

три приказа, сверхъ означенныхъ должностей, занимались и расправою областныхъ городовъ. Вѣроятно сіи-то вѣдомства Маржеретъ именуетъ четями.

56) Voit. Въ старину величина полей означалась, кромѣ десятинъ, сохами, выпями, и мѣрами посѣва, какъ то: четвериями, коробьями, обжами, и проч. Въ *десятинѣ* считали 2 четверти посѣва, *въ выти* 12 четвертей, въ *сохѣ* добрыя земли 800, среднія 1200, худыя 1800. Межевою Инструкціею 1753 года назначено на коробью отмежевывать по 1 десятинѣ, а на обжу по 15, десятину же считать въ 2,400 квадр. саженъ. См. Метрологію Петрушевскаго, стр. 295.

57) *Noua Setuart.* Новая четь или четверть вѣдала доходы съ питейной продажи.

58) Въ подл. *Casna.* Другія вѣдомства Авторъ называетъ такимъ образомъ: Bolschoi Prichod, pomiesnej pricas, Conusnej prikas Roschodnoy Casna. Вообще Маржеретъ пишетъ Русскія слова довольно правильно—для иностранца.

59) „Съ лошадей, продаваемыхъ въ городахъ и селахъ брать пошлину, отъ продавца деньгу, отъ купца деньгу же.“ *Судеб. §. 94.*

60) По извѣстію Бера (стр. 209), Поляки, овладѣвъ Москвою въ 1611 году и разграбивъ Царскія сокровища, похитили сей скипетръ — единственный въ мірѣ по драгоцѣнности. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кость единорога считали самымъ цѣлебнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ вообще болѣзней. *Рихтерова Исторія Медиц.* II. 202.

61) Demy-muid. т. е. около 8 ведръ.

62) „А что Царь Государь, Князь Великій велѣлъ у гостей и у иноземцевъ у всякихъ и у всѣхъ людей, которые привозятъ бархаты, и камки, и всякое узорочье, и лошади, смотрѣть на себя Государя, что ему Государю пригодится, и какой гость, какой товаръ привезетъ, и таможникомъ тому выписи приносить къ Дьякамъ; а доколѣ о томъ Дьякамъ выписи принесутъ и доколѣ осмотрятъ, что Государю пригодится, того товару таможникомъ не отдавати и продавати не велѣть.“ *Уставная Таможенная Грамота 1571 года, въ Соб. Госуд. Грам.* II. 57.

63) Основываясь на семъ Карамзинъ цѣнитъ рубль XVI вѣка въ 5 нынѣшнихъ серебряныхъ, или около 2 червонцевъ. *Ист. Гос. Росс. X. пр. 406.*

Въ 17 примѣчаніи въ Беровой Лѣтописи

сказано, что тогдашній рубль (т. е. 100 денегъ), былъ вѣсомъ около 15 золотниковъ, слѣдовательно цѣною равнялся одному червонцу. Это мнѣніе основано на извѣстіи Петрея, который говоритъ, что 36 денегъ вѣсятъ *менѣе* 2 лотовъ (Muszkow. Chron. 601): слѣдовательно 100 денегъ, или рубль, имѣли вѣсу до 16 или 15 золотниковъ; а какъ нынѣ изъ фунта серебра выходитъ 19 руб. $75\frac{25}{81}$ к. то 16 золотниковъ сосшавятъ около 3 руб. 30 коп. серебромъ.

64) Ефимками назывались у насъ Рейхсталеры; слово *Ефимокъ* произошло отъ Jochimsthal. (*Олеар.* 223). Въ половинѣ XVII вѣка мы принимали ихъ по 50 коп. каждый и передѣлывали въ свою монету съ прибылью: ибо въ семъ случаѣ 100 коп. вѣсили поллота менѣе 2 ефимковъ.

65) Abtesqui Baiarj—едва ли не опечатка, вмѣсто Abtecarsqui.

66) Stolnic, Tshesnic, Strepsik, *pages* (*жильцы*, которыхъ Олеарій называетъ Edelknaben).

67) *Suietnoi Plati.*

68) *Schisteit Plati.*

69) Наше войско состояло изъ пяти *полковъ: большаго*—главнаго корпуса, *передоваго*—авангарда, *праваго, лѣваго* и *сторожеваго*—резерва.

70) Deti Bajarsqui et sin Bajarsqui. *Сынъ* Боярскій безъ сомнѣнія есть единственное число; а *Дѣти* множественное; у насъ не было различія между *Сыновьями* и *Дѣтьми Боярскими*. — Такъ назывался въ старину многочисленный классъ людей воинскихъ: всякой областный городъ, имѣя своихъ Бояръ, имѣлъ и Дѣтей Боярскихъ, которые составляли воинскую дружину первыхъ. Іоаннъ III, назначивъ земли или помѣстья Боярскимъ Дѣтямъ, обязалъ ихъ въ случаѣ войны приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья. *Карамз. И. Г. Р. VI. 344.*

71) De genets des *Gogiens*, опечатка, вмѣсто *Georgiens*, какъ называетъ Маржеретъ въ другомъ мѣстѣ Черкесовъ.

72) Koin—конь, merin—меринъ: т. е. авторъ думаетъ, что конями назывались у насъ лошади Ногайскія, а меринами — Русскія.

*

73) Maritse. Эта болѣзнь извѣстна и нынѣ подъ симъ же названіемъ.

74) Въ подлинникѣ: Croup qui est fait de millet et orge mondé. Mais le principal est fait *d'avoine* Кажется ошибка, вмѣсто *гречневой*.

75) Petigorsqui Shercassi qui sont les Georgiens. „Въ рѣку Кубу пала рѣка Лаба изъ загоръ, отъ Чернаго моря: тѣ горы и до Хвалимскаго моря. А въ тѣхъ горахъ по Терку (Тереку) и по инымъ рѣкамъ Пятигорскіе Черкасы, и Кабарда“.... См. карту, приложенную къ сей части.—Турки осаждали Астрахань въ 1569 году.

76) Терки или *Терская* крѣпость названа въ Древ. Рос. Идрогр. *Торки* и сказано, что она находится у Каспійскаго моря, въ 20 верстахъ отъ рѣки Коисы и въ 80 отъ Дербента.

77) *Lequel* (Симеонъ) *avoit épousé la soeur dudit Mistisloftsqui.* Въ N Москов. 20 Телеграфа на 1851 годъ замѣчено, что супруга Царя Симеона, именемъ Анастасія, была дочь, а не *сестра* И. Ѳ. Мстиславскаго, и въ доказательство сего приведена слѣдующая надгробная надпись, сохранившаяся въ Симоновскомъ монастырѣ: Лѣта 7115 (1607), мѣсяца „Іюня въ 7 день, на память святаго муче-

ника Ѳеодоша, преставися раба Божія Царя Симеона Бекбулатовича Царица Настасья, въ иноцѣхъ Схимница Александра, Князя Ивана дочь Ѳедоровича Мстиславскаго.“ Г. Критикъ забылъ, что говоритъ Маржеретъ выше, на той же страницѣ: „а Мстиславскому запретилъ женишься.“ Авторъ вездѣ разумѣетъ Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, а не отца его Ивана Ѳедоровича, о коемъ упомянуто въ надгробной надписи.

78) Это были *Рынды*.

79) Въ подлинникѣ: deux ou trois cens Gentils-hommes.

80) Царское привѣтствіе: „*Zar hospodar y veliquei knes: N. fsia Russia ialoet tebe*, qui veut dire, l'Empereur Seigneur et grand Duc: N. de tous les Russes te fait grace.

81) *Patisni mieud*, qui veut dire, Medon de miel vierge (т. е. напитокъ изъ крупичатаго меда). Предки наши любили медъ: едва ли не болѣе другихъ напитковъ и умѣли приготовлять весьма искусно разные сорты онаго: вишневый, смородинный, мозжевеловый, обарный, приварный, бѣлый *паточный*, малиновый, черемховый, старый, вешній, медъ съ гвоздцы, Княжій и Боярскій.

82) Apres iceux une duzaine d'hommes portant chacun un pot d'argent d'environ trois chopine chacun. 16 шопиновъ составляли 1 сепьеръ или полведра; слѣдовательно въ 3 шопинахъ или одномъ серебряномъ сосудѣ, о коемъ говоритъ Авторъ, было около штофа.

83) Dix-huict ou vingts grand *brocs*. Слово *brocs* я перевожу *оловянники;* такъ назывались у насъ сосуды мѣрою въ одно ведро и болѣе: это видно изъ росписей яствамъ и питьямъ, посланнымъ съ Государева стола къ посламъ. Приводимъ одну изъ нихъ, въ поясненіе извѣстій Маржерета:

„Что послано къ послу отъ Государева стола ѣствы и питья, и тому роспись. Съ Сытнаго Дворца: кубокъ Романеи, кубокъ Мушкателя, кубокъ вина Францовскаго бѣлого, кубокъ Бастру, к. Алкану (*Аликанту*), кубокъ Мармазеи (*Мальвазіи?*); Медовъ красныхъ: ковшъ вишневаго, ковшъ смородинново, к. меду мозжевелового, к. обарново, к. приварного, к. бѣлаго паточного, к. малинового, к. черемхового, к. старого, к. вешнево, к. меду съ гвозцы; да въ оловянникахъ: ведро меду смородинново, ведро черемхово-во, в. мозжевелового, в. стороно, в. вешнево; да въ бочкахъ пять ведръ меду вишневого, 5 в. малиноваго, 5 в. боярсково, 5 в. обарново, 5 в. приварнаго выморозки, 10 в. меду паточнаго, 5 в. меду съ гвозцы, 20 в. меду

Княжого, 5 в. квасу медянаго пашачного. Съ Кормоваго Дворца: лебедь на восмь блюдъ, на блюдо крыло лебяжья потроху, грудь баранья съ шафраномъ; жеравъ (журавль) съ зельи на восмь блюдъ, утя верченое; утя съ огурцы, тетеревъ съ шафраномъ, тетеревъ съ сливами, ряби (рябчики) съ сливами, кострецъ говяжій верченый, языкъ говяжій верченый, почки бараньи верченыя, ножки бараньи, плечико баранье верченое, четверо куровъ росольныхъ молодыхъ съ инбиремъ, юрмя уха курячья шафранная, уха курячья черная, уха курячья бѣлая, уха курячья съ умачемъ, манты, калья съ лимоны, калья съ огурцы, калья въ лапшѣ, заяцъ росольный, токмачи, заяцъ въ лапшѣ, заяцъ росольный, заяцъ тушеный, заяцъ въ рѣпѣ, кострецъ лосинъ, часть лосины, осердье лошье крошеное, осердье лосье росольное, печень лосья, мозгъ лосій, четверо куровъ верченыхъ молодыхъ, куря рожновое, куря рафленое, куря безкостное, гусь шестная со пшеномъ Сорочинскимъ, потрохъ гусинъ, лышка вешчины, куря шестное, куря верченое окрашиванное съ лимоны, кундумы.—Съ хлѣбеннаго Дворца: хлѣбецъ крупичатый въ 5 колачей, перепеча крупичатая въ 5 колачей, колачь крупичатый въ 5 колачей, курникъ, колобъ, три пирожка подовые съ бараниною, блюдо пироговъ пряженыхъ кислыхъ съ сыромъ, блюдо оладей приказныхъ большихъ, блюдо

кошломъ, пирогъ подовой съ сахаромъ, пирогъ подовой съ мясомъ, пирогъ подовой съ яицы, пирогъ подовой съ сыромъ, коровай мягкой, коровай бишой, коровай ставленой съ яицы, коровай ставленый съ сыромъ, на блюдо оладеекъ съ сахаромъ, на блюдо налишковъ, на блюдо трудоношъ, на блюдо пироговъ пряженыхъ съ сахаромъ, на блюдо пироговъ пряженыхъ съ сыромъ, на блюдо сырниковъ съ яицы, на блюдо сырниковъ съ сыромъ, на блюдо блиновъ красныхъ, на блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо жаворонковъ, блюдо карасовъ съ мясомъ, блюдо листней со пшеномъ Сорочинскимъ, блюдо киселя бѣлово, ставецъ сливокъ, блюдо сыру губленово, горшечикъ молочка вареново, горшечикъ молочка Тверсково, блюдо хворосту, блюдо елецъ, блюдо орѣховъ, блюдо ядеръ, блюдо шишекъ чешуйныхъ, блюдо мисенного.“ И. Г. Р. Х. пр. 462.

84) Въ Манифестѣ Борисовомъ (см. 2 часть Сказ. сов. о Дим. Сам. прим. 10) сказано: „что Разстрига, Отрепьевъ сшелъ съ Москвы на Сѣверу (въ Сѣверскую область), *въ 1603 году*. „Маржеретъ въ 1600 году былъ уже въ Россіи и вѣроятно очень хорошо помнилъ, когда разнеслась молва о Димитріи. Посему извѣстіе его о появленіи Самозванца въ 1600 году, весьма важно: оно даетъ

обильную пищу догадкамъ о родѣ и племени Лжедимитрія.

85) Сраженіе происходило при Добрыничахъ, нынѣ село Добрынь, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сѣвѣ.

86) Въ послѣдствіи Россіяне, особенно изъ высшаго класса, сдѣлались даже слишкомъ привязчивы къ словамъ, такъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ издать въ 1675 году указъ слѣдующаго содержанія: „Великій Государь . . . . указалъ и Бояре приговорили: будетъ кто въ челобитьи своемъ пишетъ въ чьемъ имени или въ прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о—а*, *а—о*, или вмѣсто *ъ—ѣ*, или вмѣсто *ѣ—е*, или вмѣсто *и—і*, или вмѣсто *о—у*, или вмѣсто *у—о*, и иныя въ письмахъ нарѣчія подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыкностямъ своимъ говоритъ и писатъ извыкъ, того въ безчестье не ставитъ, и судовъ въ томъ не даватъ и не розыскиватъ; а кто кого браня, назоветъ Княземъ безъ имени, и за то правитъ безчестье.“ *Полное Собраніе Законовъ, I. стр. 1000.*

87) Въ свадебномъ обрядѣ (см. 2 часть Сказ. совр. о Дим. Сам. стр. 208): „А пути всѣ слати сукны багрецы, а на нихъ бархаты.“

88) Извѣстіе чрезвычайно важное! Послѣ такого свидѣтельства не остается сомнѣнія, что Самозванецъ даровалъ Шуйскому жизнь по ходатайству Царицы; почему же она вступилась за Шуйскаго? Отвѣтъ ясный: Лжедимитрій былъ не сынъ ея.

89) См. о семъ Берову Лѣтопись, стр. 66.

90) Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову-Ростовскую, свойственницу Нагихъ, Марію, на коей женился уже въ 1608 году.

91) По свидѣтельству Авраамія Палицына, Дьякъ сей былъ Тимоѳей Осиповъ, который, рѣшившись обличить Самозванца, пріобщился Св. таинъ, пришелъ во Дворецъ и сказалъ прямо въ глаза ему: „Ты воистину Гришка Отрепьевъ, Разстрига, а не Цесарь непобѣдимый, ни Царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ:“ Авраамій присовокупляетъ, что Лжедимитрій тотчасъ велѣлъ Осипова казнить.

92) Справедливѣе въ Ярославль.

93) Въ послѣдствіи Маржеретъ опять явился въ Россіи, служилъ Вору Тушинскому и вмѣстѣ съ Гонсѣвскимъ разрушалъ Москву; въ Сентябрѣ же 1611 году удалился въ Польшу, былъ обласканъ Сигизмундомъ, но

кажется не хотѣлъ ему служить: ибо отъ 29 Января 1612 г. онъ писалъ уже изъ Гамбурга къ бывшему при Дворѣ нашемъ Резиденту Англичанину Мерику, слѣдующее письмо, найденное мною въ 3 томѣ весьма рѣдкаго и драгоцѣннаго собранія Путешествій: *Samuel Purchas* Pilgrimes, containing a history of the world in Seavoyages and Landtravels by Englishmen and others. London, 1625.

„Милостивый Государь! Я не могъ упустить сего случая, чтобы не изъявить моей готовности къ вашимъ услугамъ и кратко не увѣдомить васъ о Москвѣ: она совсѣмъ не въ такомъ положеніи, въ какомъ мнѣ хотѣлось бы видѣть ее. Я оставилъ Г. Бревстера въ добромъ здоровьи; но черезъ три дня послѣ моего отъѣзда, городъ внутри Красной стѣны былъ выженъ каленными ядрами, брошенными въ оный Русскими; уцѣлѣли только три дома. Англійское подворье превращено въ пепелъ. Г. Бревстеръ принужденъ былъ поселиться въ Дворцовомъ погребѣ, не имѣя друзей, кромѣ Мстиславскаго (Misslofsqui). Генералъ Ходкѣвичъ прибылъ въ Москву и оставивъ достаточное число людей для охраненія замка и Красной стѣны, самъ отправился къ Волгѣ за съѣстными припасами для осажденныхъ Москвитянами въ замкѣ Поляковъ. Король Польскій рѣшился симъ лѣтомъ пріѣхать въ Москву, и если Русскіе не получатъ помощи

со стороны, въ чемъ и сомнѣнія быть не можетъ, то сбудутся мои слова, которыя я писалъ къ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, т. е. они должны покориться. Пишу къ вамъ крашко, въ надеждѣ отправишься чрезъ Англію во Францію, и тамъ съ вами увидѣшься. Примите М. Г. сіи строки въ удостовѣреніе всегдашней готовности служить вамъ. Тороплюсь отправить сіе письмо.

94) См. выше примѣчаніе 33.

95) Догадки, ничѣмъ не подкрѣпляемыя! Самъ Лжедимитрій опровергаетъ ихъ: открывшись Князю Адаму Вишневецкому, онъ разсказывалъ, будто бы въ Угличѣ спасъ его отъ смерти какой-то Докторъ. *Собр. Госуд. Гр. II. 294.*

96) Свидѣтельство сіе важно: Маржеретъ былъ добросовѣстенъ и не могъ лгать столь торжественно. Карамзинъ разрѣшаетъ загадку слѣдующимъ образомъ: „Доселѣ мы могли затрудняться, говоритъ онъ, однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генриха IV, знаменитаго Историка де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ

не Лжедимитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его и сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго. Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ *). Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ равностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и

*) Въ современной рукописной *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ:* „Прельсти съ собою отъити въ Кіевъ черхъ Иноковъ: Черньца Мисаила, да Черньца Венедикта, да Черньца Леонида, Крыпецкаго монастыря—и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, и повелѣ ему Леониду звашись своимъ именемъ, Гришкою Отрепьевымъ, а самъ ложно наименова себя Царевичемъ Димитріемъ."

все еще утвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.“ *Истор. Госуд. Росс. XI. 320—321.*

97) Снимки подписей Лжедимитрія, на Латинскомъ языкѣ, выгравированныя во II части Собранія Госуд. грамотъ, подтверждаютъ извѣстіе Маржерета: „въ нихъ, говоритъ Карамзинъ, видимъ слабую, невѣрную руку ученика.“ Невѣжество Самозванца въ Латинскомъ языкѣ видно и изъ Русской подписи (приложенной нами къ портрету его въ I части Ск. сов. о Д. С.). Сія подпись находится при договорной записи, данной Воеводѣ Сендомирскому еще въ Самборѣ 25 Мая, 1604 года (см. сію запись во II части Сказ. совр. о Д. Сам. пр. 37). Лжедимитрій хотѣлъ написать *Демегріусъ*, но ошибся и поставилъ *Демиустри* (ибо такъ, кажется, должно читать сію подпись, а не *Димитрій*, вопреки мнѣнію издателей Госуд. грамотъ).

98) То есть ересь Лютерову. Дьякъ Дмитріевъ посланъ былъ Годуновымъ въ 1601 году съ Дворяниномъ Ржевскимъ, къ Датскому Королю для разрѣшенія споровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ.

99) Они и не думали сего доказывать, на-

зывая Лжедимитрія монахомъ Чудовскаго монастыря.

100) Такъ описываетъ Самозванца современникъ Кубасовъ: „Разстрига возрастомъ малъ; груди широки имѣя, мышцы толсты, лице же имѣя не Царскаго достоянія; препростое обличеніе имѣя, шѣло же его вельми помраченно, остроуменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостенъ и велерѣчивъ вельми, конское ристаніе любляше вельми, на враги свои ополчителенъ, смѣлъ вельми, храбростію имѣя и силу велію, воинство же зѣло любляше. Таковъ бѣ Разстрига!“ Если Царское величіе въ сторону, то сіе описаніе весьма сходно съ Маржереттовымъ.

101) Борисъ писалъ къ Сигизмунду съ посланникомъ своимъ Огаревымъ, какъ видно изъ отвѣтовъ пословъ Литовскихъ нашимъ Боярамъ (въ 1608 году), что если бы Разстрига былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены. *Карамз. Ист. Госуд. Росс. XI. пр. 237.* По свидѣтельству Флетчера, Годуновъ, еще до убіенія Царевича, объявилъ его незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги, не велѣлъ молиться о

немъ и поминать его имени на Литургіи. *Карамз. X. пр. 222.*

102) Лжедимитрій обязался выдать Воеводѣ Сендомирскому одинъ милліонъ злотыхъ и уступить его дочери въ вѣчное потомственное владѣніе Государства Новгородское и Псковское. Договоръ о семъ, подписанный Самозванцемъ, *явленъ* Королевскимъ Главнымъ Надзирателемъ въ 1668 году. (См. II часть Сказ. совр. о Дм. Сам. пр. 57) Подобнымъ же договоромъ 1604 году Лжедимитрій отдавалъ одну половину Смоленской и Сѣверской областей Воеводѣ Сендомирскому, а другую Королю Польскому. *Собр. Госуд. грам. II. 139 и 165.*

103) Шуйскій, вступивъ на престолъ, обнародовалъ слѣдующее показаніе любимцевъ Лжедимитріевыхъ, Станислава и Яна Бучинскихъ:

„Сказывали въ распросѣ Станиславъ да Янъ Бучинскіе, которые жили вверху у тайныя думы и у всякихъ тайныхъ дѣлъ его (Самозванца):

„Канунъ де того дня, въ пятницу, Мая въ 16 день, какъ того Разстригу убили, говорилъ тотъ Разстрига наединѣ съ Княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, а они были тутпожъ: „Время де мнѣ своимъ дѣломъ промышляти, чтобъ Государство свое утвер-

дити и вѣру костела Римскаго распространити. А начальное де дѣло то, что Бояръ побити; а не побить де Бояръ, и мнѣ де самому отъ нихъ быть убиту; а только де побью Бояръ, и язъ де что хочу, то учиню.“

„И Вишневецкій и они, Бучинскіе, молвили: да только ему побить Бояръ, и за нихъ землею станутъ. И разстрига де Гришка молвилъ: „То де уже у меня умышлено тѣмъ обычаемъ: велѣлъ де я вывезти за городъ нарядъ весь, будто для потѣхи, и въ сію де недѣлю, Мая въ 18 день, велѣлъ тутто выѣхати за городъ, будто стрѣльбы смотрити, Воеводѣ и сыну его Старостѣ Сенатцкому (Саноцкому), и Тарломъ и Ротмистру Доморатцкому, и съ нимъ всѣмъ Полякомъ и Литвѣ, въ сборѣ во всей и съ оружьемъ; и какъ язъ выѣду на стрѣльбу, а за мною будутъ Бояре всѣ и дворяне; и какъ учнутъ изъ наряду стрѣлять, и въ ту пору Полякамъ всѣмъ ударити на Бояръ и дворянъ, и ихъ побивати. А то де есми указалъ же, кому на кого на Бояръ пріѣхати и убити: Князя Ѳедора де Мстиславскаго убити Михаилу Ратомскому, а Шуйскихъ-Тарлу да Стадницкимъ; а про иныхъ Бояръ также приказано, кому кого убити; а убити де велѣлъ есми Бояръ, которые здѣсь владѣютъ двадцать человѣкъ: и какъ де тѣхъ побью, и во всемъ будетъ моя воля.“

„И они де Бучинскіе, молвили: Москов-

ское Государство великое, станутъ за Бояръ всѣмъ Государствомъ, и Поляковъ и Литву всѣхъ самихъ побьютъ. И Разстрига Гришка говорилъ: „Поляки де и Литва выѣдутъ всѣ вооруженны; да и извычай де у меня тотъ уже уложенъ, что на потѣхи со мною часто выѣзжаютъ роты вооружены, урядяся, какъ на битву. Былъ де есми на Вяземѣ, и со мною де былъ Ротмистръ Доморацкій со всею ротою во всей ратной сбруѣ, да и здѣся ко мнѣ часто пріѣзживали, урядяся, какъ на битву, и то де будетъ уже никому непримѣтно, что выѣдутъ нынѣ со мною Поляки и Литва въ сбруѣ; а Бояре де и дворяне ѣздятъ за мною простымъ обычаемъ, и имъ де безъ оружія что учинити? А какъ де тѣхъ Бояръ побьютъ, и достальные де всѣ устрашатся, еще де иные на нихъ придутъ."

„И они де Бучинскіе молвили: великое то дѣло надобе начати, да и совершити; а только не совершится, ино самимъ намъ будетъ худо.—И Разстрига де Гришка говорилъ: „Вѣрыше де мнѣ однолично, что то совершится; язъ де уже шакія статьи видѣлъ. Сего де году, въ Великій постъ, поговорили про меня немногіе Стрѣльцы, что я вѣру ихъ разоряю; и мнѣ де тотчасъ сказали, и язъ тѣхъ Стрѣльцовъ велѣлъ сыскати, и приказалъ быти на Дворецъ всѣхъ приказовъ Стрѣльцомъ, и тѣхъ,

которые говорили, тутожъ велѣлъ привесити, и учалъ де есми вину ихъ и измѣну всѣмъ Стрѣльцомъ сказывати; а у меня де уже говорено съ Григоріемъ съ Микулинымъ, какъ ему тутo говорити и что надъ тѣми Стрѣльцы учинити; и какъ де измѣну ихъ объявили, и Григорій де учалъ, говорити: освободи де, Государь, мнѣ, я у тѣхъ твоихъ Государевыхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю; да мигнулъ де на нихъ Григорій Стрѣльцомъ, и Стрѣльцы де, блюдясь отъ меня, тѣхъ моихъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя части, мало де сами не пересѣклися, сѣкучи ихъ. А то де также, чаю, будетъ: на кого де только укажу, что измѣнникъ мой, и тотъ де уже не пробудетъ; всѣ де, отъ меня блюдясь, дѣлаютъ, что велю."

„И они де, Бучинскіе, молвили: такихъ ты Бояръ велишь побити, да кому у тебя въ Государствѣ уряжати и кому въ приказѣхъ быти? — И Гришка де Расстрига говорилъ: „То де уже у меня умышлено: нынѣ де у меня здѣся готовы Воеводы Сендомирскій и Староста Сенацкій (Сакоцкій), да ты, Вишневецкій, да Тарлы, да Стадницкіе, да вы Бучинскіе, и иные ваши пріятели; а по иныхъ де Поляковъ и по Литву пошлю, и мнѣ де уже будетъ надежно, и Го-

сударство мое будетъ безъ опасенья, и въ Римскую де вѣру вскорѣ всѣхъ приведу. А що де я уже здѣся видѣлъ; хотя кого безвинно велю убити, а никто ни за кого и слова не молвитъ."

„И они де Бучинскіе говорили: Слышали есмя здѣся у многихъ, что за вѣру здѣся и такъ насъ не любятъ; а только стали неволею приводити, и за то станутъ всѣ народомъ. — И Разстрига Гришка говорилъ: Видѣли де есте сами, что здѣся дѣлается; нарокомъ де есми приказалъ Полякомъ и всякихъ разныхъ вѣръ людямъ ходити здѣся въ большую ихъ церковь и по всѣмъ ихъ церквамъ въ сабляхъ и какъ кто ходитъ, и они де кабы сперва поговаривали межъ себя тайно, а нынѣ де уже то ни за что; и язъ де велѣлъ Полякомъ носити кресты у поясовъ и ниже гораздо пояса и назади, а они де тому кланяются, и въ церкви де такъ ходили, и за то де никто никаковъ человѣкъ никакого слова не молвилъ.—А какъ де я вѣнчался, и у меня де въ ту пору большое опасенье было, потому что по ихъ Крестьянскому закону первое крестивъ, да тожъ (*тогда уже*) ввести въ церковь; а не крестивъ, никому иныхъ вѣръ въ церковь не входити; и язъ де нарочно велѣлъ быти въ ту пору въ церковь Люторемъ (*Лютеранамъ*), и Кальвинцомъ, и Евангеликомъ, и инымъ всякихъ вѣръ лю-

демъ, и они де въ церкви были, и слышалъ де есми, что и образомъ ихъ ругалися и смѣялися, и въ церкви иные сидѣли въ обѣдню; а иные спали, на образы приклонясь, и за то де никаковъ человѣкъ не смѣлъ слова молвити. А больше де есми всего боялся, что Цесарева моя Римскія вѣры, и нѣчто Митрополиты и Архіепископы и Епископы упрямятся, не благословятъ и мгромъ не помажутъ, и во многолѣтье не станутъ поминати; и какъ де есми вшелъ вѣнчатися въ церковь, и язъ де что хотѣлъ, то и дѣлалъ; все де дѣлалося по моему хотѣнью и волѣ; а которые де Митрополиты и Архіепископы и Епископы и Протопопы учали было прежъ сего о томъ поговаривати, и язъ де ихъ порозослалъ, и нынѣ де никаковъ человѣкъ не смѣетъ слова молвить, и во всемъ волю мою творятъ." И говорилъ де тутo Разстрига Гришка съ клятвою: „Что однолично въ недѣлю, Мая въ 18 день, на стрѣльбѣ Бояръ Мстиславскаго и Шуйскихъ, и иныхъ Бояръ и Дворянъ лучшихъ, и Дѣтей Боярскихъ, и Головъ, и Сотниковъ, и Стрѣльцовъ, и черныхъ людей, которые за нихъ любо станутъ, побити всѣхъ; а совершивъ то тотчасъ велю костелы Римскіе ставити; а въ церквахъ Русскихъ пѣши не велю; и то де все совершу, на чемъ есми присягалъ Папѣ и Кардиналомъ, и Арцы-

бускупомъ и Бискупомъ, и какъ де есми Воеводѣ подъ клятвою въ письмѣ своемъ написалъ; да и Вишневецкому де приказалъ, чтобъ къ недѣлѣ со всѣми своими людьми былъ готовъ и промышлялъ бы неоплошно." *(Собр. Госуд. Грам. II. стр. 296).*

Карамзинъ говоритъ—и кажется справедливо—о семъ показаніи слѣдующее: „Свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и не разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что Бояре и Москвитяне, не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ главою." *Истор. Госуд. Россійс. XII. стр. 7.*

104) См. о семъ I часть Сказ. совр. о Д. Сам. пр. 85, и II часть прим. 34.

105) Изъ числа приводимыхъ Авторомъ источниковъ мы не знаемъ ни писемъ Іезуитовъ, ни сочиненія *Петра Патерсона*, который, какъ видно изъ Исторіи де-Ту, на-

ходился въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ. Записки *Маржерета* суть тѣ самыя, которыя нами переведены. *Герардъ Гравенбрухъ* справедливѣе Гревенбрухъ, Нѣмецъ, никогда не бывшій въ Россіи, издалъ въ 1609 году нынѣ рѣдкую книгу, заключающую въ себѣ много любопытныхъ извѣстій, подъ заглавіемъ Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii, qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit, narratio ex fide dignis scriptis et litteris excerpta. Coloniae Agrippinae (*въ Кёльнѣ*), apud Gerardum Grevenbruch, an. 1609, in 8. Авторъ признаетъ Лжедимитрія сыномъ Іоанновымъ. *Константинъ Фидлеръ* былъ братъ Каспара Фидлера, вызваннаго изъ Кенигсберга въ 1600 году Борисомъ Годуновымъ, который, узнавъ, что „Кашпиръ хочетъ своимъ дохторствомъ послужити," далъ ему опасную грамоту и принялъ его въ службу Лейбъ-медикомъ. Константинъ Фидлеръ жилъ въ Россіи вмѣстѣ съ братомъ и написалъ въ 1602 году на Латинскомъ языкѣ Похвальное слово Борису Годунову, напечатанное въ Кенигсбергѣ подъ заглавіемъ: Constantini Fiedleri oratio luculenta in Borissum Godunovium. Regiomonti, 1602. Симъ то сочиненіемъ, кажется, пользовался Де-Ту, хотя онъ и говоритъ, что Фидлеръ произнесъ *надгробное* слово уже по смерти Борисовой, напечатанное въ Кенигсбергѣ (см. выше стр. 138); но сіе едва ли не ошибка; по крайней мѣрѣ надгробной

рѣчи мы не знаемъ. Похвальное слово Фидлера весьма любопытно, какъ сочиненіе современника-очевидца; тутъ исчислены всѣ добрыя свойства Годунова: его отеческая заботливость о подданныхъ, кротость, милосердіе, ласковость, любовь къ просвѣщенію и благосклонность къ людямъ ученымъ. Авторъ говоритъ, что Борисъ заслуживаетъ названіе Августа болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Русскіе Государи. Сочиненіе его, переведенное на Русскій языкъ Вороновымъ, напечатано въ 1773 году въ С. Петербургѣ.

106) Описывая страшныя явленія природы, или дѣйствія человѣка, писатели Французскіе рѣдко не выходятъ изъ предѣловъ истины. Де-Ту менѣе всѣхъ заслуживаетъ упрека въ семъ отношеніи: не многіе были такъ осмотрительны; но и онъ, разсказывая о люпомъ голодѣ временъ Годунова по слухамъ, говоритъ, кажется, небылицы. Дѣйствительно отчаяніе доводило до злодѣйствъ, — въ чемъ свидѣтельствуютъ единогласно очевидцы; — но сіи злодѣйства совершались *тайно;* на рынкахъ продавали мясо человѣческое въ пирогахъ, но не трупами.

107) Peste absumptus. Авторъ хочетъ сказать, что Димитрій умеръ въ падучей болѣзни.

108) О свѣдѣніяхъ Лжедимитрія въ Латинскомъ языкѣ см. Записки Маржерета стр. 109, и выше прим. 97. Самозванецъ пишетъ въ одной грамотѣ: *Jn Perator.*

109) По извѣстію Паерле, Димитрій набралъ въ Польшѣ 1600 человѣкъ; а по словамъ Маржерета 4000.

110) Въ подлинникѣ: *Ioanne Takmevio.* Въ Черниговѣ былъ Воеводою Князь Иванъ Андреевичь Ташевъ.

111) Въ подл. *Michelovitzius Soltekovius,* Салтыкова звали Михайло Глѣбовичь.

112) Извѣстіе объ участіи Іезуитовъ въ дѣлѣ Самозванца очень важно: Авторъ, безъ сомнѣнія, основывается на ихъ письмахъ.

113) По достовѣрному свидѣтельству Паерле, Лжедимитрій самъ начальствовалъ войскомъ.

114) *Carmohoviam.* Трудно отгадать, что значитъ это слово. Въ дневной запискѣ Воеводы Сендомирскаго (см. 2 часть Сказ. совр. о Д. Сам.) сказано, что съ Новгородка онъ отступилъ въ *Нереоду*, а потомъ за Путивль.

115) Въ подлинникѣ *e Cistercinsi ordine*. Такъ назывался орденъ Бернардиновъ отъ монастыря своего Citaux, недалеко отъ Дижона, возникшій въ 1099 году и прославленный дѣятельностью Св. Бернарда Клерво. Въ честь сего знаменитаго мужа, онъ именовался во Франціи Бернардинскимъ. Лѣтъ черезъ сто послѣ основанія своего, орденъ сей распространился по всей Европѣ и завелъ до 800 Аббатствъ; но послѣ Реформаціи нашелъ убѣжище только въ Испаніи и Польшѣ.

116) Ни въ нашихъ Лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ иноземцевъ не упоминается сего имени. Не смѣшалъ ли Авторъ Hinsko Otiopelus съ Гришкою Отрепьевымъ?

117) Патріархъ всегда назывался у насъ Патріархомъ.

118) Авторъ, кажется, намѣкаетъ на замыселъ Борисовъ погубить Самозванца ядомъ, если вѣрить извѣстіямъ Паерле. См. 2 часть Сказ. совр. о Д. Сам. стр. 24.

119) То есть въ Архангельскомъ Соборѣ.

120) См. о семъ выше, примѣч. 105.

121) Авторъ разумѣетъ безъ сомнѣнія

не однихъ Бояръ собственно, но вообще военныхъ сановниковъ.

122) Беръ и Пешрей удостовѣряютъ, что вдова и сынъ Годунова были удавлены по приказанію Самозванца.

123) *Orla.* Орелъ оставался сзади: Лжедимитрій былъ въ немъ прежде занятія Тулы.

124) По свидѣтельству нашихъ Лѣтописей и по сказанію очевидца Бера, тѣло Борисово вырыли изъ Архангельскаго Собора и похоронили на Срѣтенкѣ, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, еще до прибытія Самозванца въ Москву.

125) Императоръ Рудольфъ II, проводившій все время въ занятіяхъ алхиміею, не радѣлъ вовсе о дѣлахъ Государства. Венгерцы, досадуя на безпечность Императора, избрали въ 1607 году Королемъ своимъ брата его Матѳія, и принудили Рудольфа отказаться отъ Венгерской короны.

126) Не Ѳедора Романовича, а Василія Ивановича Шуйскаго. Наши имена собственныя—камень преткновенія для иностранцевъ.

127) Авторъ хочетъ сказать, что сіи сокровища пріобрѣтены насиліемъ.

128) Т. е. въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь.

129) Въ приложеніяхъ къ Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Jwan Wasiliewitch per Sebastiano Ciampi, изд. въ 1827 г. напечатана грамота Самозванца къ Сигизмунду III, отъ 5 Сентября 1605 года, заимствованная, какъ говоритъ Авторъ, изъ вѣрнаго источника. Ея нѣтъ въ Румянцовскомъ собраніи грамотъ. Лжедимитрій пишетъ: „По принятому Великими Государями и Императорами обыкновенію увѣдомляютъ сосѣдственныхъ Владѣтелей о восшествіи на престолъ, онъ посылаетъ къ Королю гонца своего Аѳанасія Власьева съ извѣстіемъ, что промысломъ Всевышняго вступилъ на прародительскій престолъ и по благословенію Императрицы своей матери, короновался не только Императоромъ обширной Державы Московской, но и Царемъ всѣхъ Царствъ Татарскихъ, давно уже Русскому скипетру подвластныхъ. Далѣе въ Посольскомъ наказѣ сказано: что Димитрій желаетъ во-первыхъ быть въ дружбѣ и согласіи со всѣми Государями, во славу Христіанства, на пагубу нечестивыхъ; во вторыхъ, что сокрушаясь о бѣдствіи и угнетеніи Христіанъ, терзаемыхъ Измаильтянами, которые овладѣли Святыми мѣстами въ Палестинѣ и уже въ самой Венгріи утверди-

лись, отнявъ у Императора Рудольфа нѣсколько крѣпостей, онъ намѣренъ помочь бѣднымъ Христіанамъ, и молитъ Бога, чтобы всѣ Государи соединили свои силы для сей цѣли; посему желаетъ знать мысли Короля, своего друга и сосѣда, согласенъ ли онъ приступить къ союзу; въ третьихъ проситъ у Сигизмунда дозволенія Воеводѣ Сендомирскому привезши въ Москву дочь, на которой онъ, Димитрій, намѣренъ, по благословенію Императрицы матери, женится, въ благодарность за оказанныя Воеводою услуги.“—Нѣтъ сомнѣнія, что Де-Ту зналъ сію грамоту.

130) Въ подлинникѣ: Sequanus.

131) Ливонецъ Кнутсенъ и Шотландецъ Альбертъ Вандеманъ, по извѣстію Бера.

132) Это случилось 9 Мая, въ день Св. Николая. Кто сказалъ Автору, что Русскіе предпочитали Николинъ день Воскресенію Христову, которое „праздникомъ есть праздникъ, торжествомъ—торжество?“

133) Справедливѣе Бояриномъ Татищевымъ, котораго Басмановъ возвратилъ изъ ссылки, какъ свидѣтельствуетъ Маржеретъ.

134) См. Берову Лѣтопись, прим. 79. За-

мѣчательны слова Маржерета, который говоритъ: „... Для чего не заключили виновнаго въ темницу, или не вывели на городскую площадь, гдѣ могли бы уличить его предъ всѣмъ народомъ, не убивая преступника *безъ отвѣта* и не подвергая бѣдствіямъ раздоровъ всего Государства. Могъ ли народъ повѣрить его преступленію безъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства 4 или 5 человѣкъ главныхъ заговорщиковъ.“ Дѣло въ томъ, что Царицу не допрашивали.

135) Убили Дворянина Ливонскаго Фирстенберга. Въ Legende de la vie et de la mort de Demetrius, писанной очевидцемъ и напечатанной въ 1606 году (сочиненіи рѣдкомъ и любопытномъ, съ коимъ надѣюсь со временемъ познакомить публику), такъ разсказано о смерши Фирстенберга: „Узнавъ, что Димитрій, выпрыгнувъ изъ окна, убился, Фирстенбергъ сбѣжалъ съ крыльца и нашелъ Царя еще живаго; но онъ расшибъ себѣ грудь: кровь лилась у него изо рта; голова также была вся въ крови. Фирстенбергъ съ товарищами внесъ Димитрія на верхъ, въ Царскія комнаты, гдѣ его освѣжили холодною водою и другими крѣпительными средствами. Тутъ Бояре начали говорить съ нимъ и допрашивать; но не льзя знать, что между ими происходило. Фирстенберга

умертвили, дабы онъ не разгласилъ сей тайны "

136) Въ подлинникѣ: Ipso autem crudeliter lancinato, funis per pudenda transmittitur, et corpus proiectum per coenum ad forum trahitur.

137) См. сію грамоту въ *Собраніи Госуд. Грамотъ и договоровъ, ч. II, стр. 508.*

Карта Россіи, составленная въ началѣ XVII вѣка по чертежу Царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, (прилагаемая къ 3 части Сказ. совр. о Димитріи Самозванцѣ), найдена мною въ рѣдкомъ и дорогомъ сочиненіи, напечатанномъ въ 1640 году, подъ заглавіемъ: Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus; in quo tabulae et descriptiones omnium Regionum, editae a Guiljel: et Ioanne Blaeu. Amsterdami, apud Johannem et Cornelium Blaeu. Anno 1640. Къ сожалѣнію издатели не объяснили, откуда она заимствована ими; изъ надписи видно, что нѣкто Гессель Герардъ составилъ ее, равнымъ образомъ и планъ Москвы, по собственноручному чертежу Царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, и дополнивъ свѣдѣніями о сѣверовосточной Россіи, посвятилъ ее въ 1614 году Государю Михаилу Ѳеодоровичу. Не знаемъ, кто сей Гессель Ге-

рардъ, былъ ли онъ въ Россіи и какимъ образомъ досталъ чертежъ Царевича; знаемъ только то, что Борисъ Годуновъ, ревностный къ успѣхамъ просвѣщенія, призывалъ изъ чужихъ краевъ людей ученыхъ, думалъ основать Университетъ и особенное стараніе прилагалъ о воспитаніи сына, который, „наученъ былъ отъ отца своего книжному почитанію, въ отвѣтахъ былъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гнилое слово никогда изъ устъ его исхождаше, о вѣрѣ и о поученіи книжномъ со усердіемъ прилежаше.“

П. О. Дейріардъ нашелъ въ Эрмитажѣ поднесенный Императрицѣ Екатеринѣ II Графомъ Мусинымъ Пушкинымъ экземпляръ карты Россіи на Латинскомъ языкѣ, переложилъ ее на Русскій и издалъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Карта Россіи, по повелѣнію Ѳедора Борисовича начертанная, сѣ великимѣ тщаніемѣ во многихѣ мѣстахѣ умноженная, изданная и Великому Государю Царю Михаилу Ѳеодоровичу . . . . посвященная Гесселю Герардомѣ вѣ 1614 году.* Издатель въ примѣчаніи говоритъ, что „на подлинной картѣ названія мѣстъ подписаны весьма неправильно; почему оныя по другимъ старымъ картамъ повѣрены, а границы Россіи нанесены по мирнымъ трактатамъ Г. М. А. Х.“

Сія карта имѣетъ большое сходство съ найденною мною въ вышеозначенномъ Блавіанскомъ атласѣ, исключая только того, что планъ Москвы въ изданной Г. Дейріардомъ почти вдвое менѣе и выгравированъ не столь тщательно, ккаъ въ Блавіанской. Сверхъ того есть разность въ костюмахъ и украшеніяхъ. Въ Картѣ мною издаваемой названія нѣкоторыхъ городовъ также весьма неправильны; на пр. Серпуховъ — *Czirpach*, Кострома—*Castrom*, Переяславль—*Kerislaw* и проч. Я не только не исправлялъ сихъ ошибокъ; но и въ самыхъ буквахъ—даже въ малѣйшихъ чертахъ, старался передать подлинникъ. По сему не моя вина, если читаталь увидитъ: Oressok at. (вмѣсто al. (*iter*) Noteburg; или: Crimea, sev Ta-rtaria Perec-opensis: такъ въ подлинникѣ. Иначе надлежало бы измѣнить всю карту; но тогда, по мнѣнію моему, она была бы не столь любопытна. Я рѣшился только въ планѣ Москвы поставить числа для поясненія, какъ назывались въ старину ворота Московскія, изъ коихъ многія уже не существуютъ: 1. Калужскія, 2. Фроловскія. 3. Троицкія. 4. Чертольскія. 5. Арбатскія. 6. Никитскія. 7. Тверскія. 8. Дмитровскія. 9. Труба Неглинная. 10. Срѣтенскія. 11. Фроловскія. 12. Покровскія. 13. Яузскія. 14. Москворѣцкія. 15. Тайнинскія.

[illegible]

Три первыя части Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, вышедшія въ свѣтъ одна за другою въ началѣ 1832 года, приняты были публикою съ такимъ лестнымъ участіемъ, что къ концу того же года оказалась необходимость втораго изданія. Это обстоятельство побудило меня, при отпечатаніи въ 1834 году четвертой и пятой части, заготовить заблаговременно потребное количество экземпляровъ той и другой для втораго изданія первыхъ трехъ частей. Вотъ причина, почему въ издаваемыхъ нынѣ пяти томахъ Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, на первыхъ трехъ означенъ 1837 годъ, а на послѣднихъ двухъ 1834.

Н. У.

17 Ноября
1837.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Записки Маржерета.

Извѣстіе о жизни Маржерета . . . . . *VI—XVI.*

Посвященіе Автора Генриху IV . . . . . 3— 8.

I. Взглядъ на Россію въ началѣ XVII вѣка:

1. Пространство и области . . . . . 9.
2. Границы . . . . . 12.
3. Климатъ и качество почвы . . . . . 13.
4. Произведенія:
   a) Хлѣбъ и плоды . . . . . 13.
   b) Дичина 13
   c) Рыба . . . . . 14.
   d) Домашній скотъ . . . . . 15.

II. Свойства Русскаго народа . . . . . 15.

III. Обозрѣніе Русской Исторіи . . . . . 16.

IV. Царскій титулъ . . . . . 17.

V. Правленіе Іоанна IV . . . . . 18—19.

1. Его супруги и дѣти . . . . . 18.
2. Смерть старшаго сына . . . . . 18.
3. Семеонъ на престолѣ . . . . . 19.

VI. Правленіе Ѳеодора Іоанновича . . . . . 19—21.

1. Характеръ его . . . . . 19.
2. Борисъ Годуновъ правитель . . . . . 19.
3. Ссылка Димитрія и спасеніе отъ смерти . . . . . 20.
4. Пожаръ Московскій . . . . . 21.
5. Кончина Ѳеодора . . . . . 21.

VII. Борисъ Годуновъ . . . . . 21—24.
1. Удаленіе сестры его въ монастырь . . . . . 22.
2. Борисъ отвергаетъ корону . . . . . 22.
3. Созваніе Государственныхъ чиновъ . . . . . 22.
4. Возведеніе Бориса на престолъ . . . . . 23.
5. Серпуховское ополченіе . . . . . 23.
6. Коронованіе . . . . . 24.

VIII. Религія Россіянъ . . . . . 24—33.
1. Крещеніе . . . . . 24.
2. Св. Троица . . . . . 25.
3. Св. Угодники . . . . . 25.
4. Духовенство . . . . . 25.
5. Посты . . . . . 26.
6. Св. Писаніе . . . . . 26.
7. Освященіе воды . . . . . 27.
8. Недѣля Ваій . . . . . 27.
9. Особенный орденъ монаховъ . . . . . 27.
10. Права Патріарха . . . . . 28.
11. Разводъ . . . . . 28.
12. Права Иновѣрцевъ:
a) Евреевъ . . . . . 28.
b) Люперанъ и Католиковъ . . . . . 28.
c) Магометанъ и язычниковъ . . . . . 30.
13. Похороны . . . . . 30.
14. Великій постъ . . . . . 31.
15. Пасха . . . . . 32.

IX. Гражданское устройство . . . . . 33—38.
1. Осторожность правительства . . . . . 33.
2. Города и крѣпости; Москва . . . . . 34.
3. Дворянство . . . . . 34.
5. Государственная Дума . . . . . 35.
5. Власть Царя . . . . . 35.
6. Областное управленіе . . . . . 35.
7. Судъ и расправа . . . . . 36.
8. Полиція . . . . . 37.
9. Правежъ . . . . . 38.

X. Обычаи . . . . . 38—43.
1. Образъ жизни Дворянъ . . . . . 38.
2. Женщины . . . . . 39.

3. Свадьба.....40.
4. Простота нравовъ.....41.
5. Врачебныя пособія.....42.
XI. Государственные доходы . . . . . 43—49.
1. Разныя вѣдомства и количество доходовъ.....43.
2. Торговля.....44.
3. Царскія сокровища.....47.
XII. Монета . . . . . 50—51.
1. Цѣна рубля, гривны и проч.....50.
2. Ефимки, червонцы.....50.

XIII. Государственныя званія . . . . . 51.
XIV. Войско . . . . . 54—66.
1. Устройство онаго.....54.
2. Война съ Татарами.....55.
3. Конница.....58.
4. Оклады чиновъ военныхъ и гражданскихъ.....59.
5. Вооруженіе.....60.
6. Лошади.....61.
7. Пѣхота.....63.
8. Казаки.....63.
9. Содержаніе войска и награды.....65.
XV. Внѣшнія сношенія . . . . . 66.
XVI. Царствованіе Бориса Годунова . . . 67—82.
1. Счастливое начало правленія.....67.
2. Политика.....67.
3. Ослѣпленіе Царя Симеона.....68.
4. Густавъ Шведскій.....68.
5. Польскій посолъ.....68.
6. Угощеніе пословъ.....71.
7. Голодъ.....74.
8. Іоаннъ Герцогъ Датскій.....76.
9. Тиранство Годунова.....77.
10. Молва о появленіи Димитрія.....77.
11. Начало войны съ нимъ.....78.
12, Битва при Новѣгородѣ Сѣверскомъ.....79.
13. Сраженіе Добрынское.....80.
14. Оплошность Воеводъ и кончина Годунова.....82.

XVII. О безчестіи . . . . . 82—84.

XVIII. Царствованіе Ѳеодора Борисовича . 84—86.

1. Басмановъ главный вождь . . . . . 84.
2. Измѣна его . . . . . 85.
3. Грамоты Димитрія . . . . . 85.
4. Волненіе столицы . . . . . 86.
5. Смерть Царя и матери его . . . . . 86.

XIX. Правленіе Димитрія . . . . . 86—95.

1. Вступленіе въ Москву . . . . . 86.
2. Свиданіе съ матерью . . . . . 87.
3. Коронованіе . . . . . 87.
4. Замыслъ Шуйскаго . . . . . 88.
5. Обрученіе съ Мариною . . . . . 86.
6. Гвардія . . . . . 88.
7. Милости Димитрія . . . . . 89.
8. Замыслъ Дьяка (Осипова) . . . . . 89.
9. Опала Ташищева . . . . . 90.
10. Лженестръ и разбои Казаковъ . . . . . 90.
11. Бракосочетаніе . . . . . 92.
12. Споръ съ посломъ Польскимъ . . . . . 93.
13. Смерть Димитрія . . . . . 93.

XX. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій:

1. Восшествіе его на престолъ . . . . . 94.
2. Волненіе Россіи . . . . . 95.
3. Перенесеніе мощей св. Димитрія . . . . . 95.
4. Ссылка Сендомирскаго и дочери его . . . . . 96.
5. Свойства Димитрія . . . . . 96.
6. Молва о спасеніи его . . . . . 97.
   a) Свидѣтельство Бертрана де-Кассана . . . . . 98.
   b) Свидѣтельство Марины . . . . . 98.
   c) Мятежъ въ южныхъ предѣлахъ . . . . . 99.
   d) Замыслы пропивъ Шуйскаго . . . . . 100.
   e) Бунтъ въ области Сѣверской . . . . . 102.

XXI. Разныя мнѣнія о Димитріи:

1. Одни признаютъ его Отрепьевымъ . . . . . 103.
   Возраженія Автора:
   a) Мнѣніе его, какъ спасся Димитрій . . . . . 104.
   b) Извѣстія объ Отрепьевѣ . . . . . 105.

(с Свидѣтельство самого Отрепьева.....121.
2. Другіе признаютъ Д. иноземцемъ..... 106.
Возраженія.....107.
3. Называютъ его еще орудіемъ Іезуитовъ.....108.
4. Доказательства Автора, что Димитрій былъ сынъ Іоанновъ.....105—117.

Записки де-Ту.

Достоинство его сочиненія.....121.
Состояніе Россіи предъ появленіемъ Димитрія.....127.
Характеръ Ѳеодора и смерть Царевича Димитрія.....129.
Мятежъ въ Угличѣ. Казнь жителей его.....130.
Мнѣніе современниковъ о смерти Димитрія.....130.
Явленіе Самозванца. Іезуиты.....131.
Свиданіе его съ Королемъ Польскимъ.....132.
Походъ въ Россію и покорность городовъ.....133.
Посольство Борисово къ Сигизмунду.....134.
Пораженіе Димитрія при Новѣгородѣ.....134.
Мужество его и дѣятельность Іезуитовъ.....135.
Пораженіе войска Борисова при Рыльскѣ.....136.
Мѣры Годунова; письмо къ нему отъ Димитрія.....137.
Смерть Бориса.....138.
Удачная хитрость Запорскаго.....139.
Покорность Басманова.....140.
Смерть Царя Ѳеодора и матери его.....141.
Вступленіе Димитрія въ Москву.....142.
Разрушеніе дома Борисова.....143.
Ссылка многихъ семействъ благородныхъ.....144.
Неудачный замыселъ Шуйскаго.....145.
Любовь народа. Коронація и свиданіе съ матерью.....146.
Милость Іезуитамъ.....147.
Посольство къ Сигизмунду.....148.
Обрученіе съ Мариною.....150.
Прибытіе ея въ Москву и свадьба.....151.
Недовольствіе народа.....152.
Гвардія.....153.
Безпечность Димитрія; всеобщее негодованіе.....154.

Возстаніе Москвы ..... 156.
Разныя извѣстія о смерти Димитрія ..... 157.
Злоба народная ..... 158.
Бѣдствіе Поляковъ и другихъ иноземцевъ ..... 159.
Избраніе новаго Царя и рѣчь Шуйскаго ..... 161.
Восшествіе его на престолъ ..... 164.
Грамота, имъ обнародованная о Димитріи ..... 165.

Примѣчанія . . . . . 169.

a) Письмо Князя Пожарскаго о Маржеретѣ ..... 171.
b) Извѣстіе Гербершпейна о Боранцѣ ..... 184.
c) Извѣстіе Олеарія о Русскихъ свадьбахъ ..... 199.
d) Письмо Маржерета къ Мерику ..... 219.
e) Показаніе Бучинскихъ о Димитріи ..... 225.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Аггѣйская битва — bataille de Agria, 12.

Алтынъ — Altins, цѣна его, 50.

Англичане торгуютъ чрезъ Астрахань съ Персіею, 11.

Англійская компанія въ Ярославлѣ, 105.

Аптечный Боярин — Abtesqui Baiary, 31.

Архангельскій соборъ — l'Eglise nommée Archangel, мѣсто погребенія Россійскихъ Государей, 86.

Архангельскъ — Archangel, 9. 13. 102.

Астрахань — Astrican: торговля, 10. Баранцы, 11. Царь Петръ, 90.

Басмановъ — Pierre Federvits Basmannof (*Petrus Basmanius*), защищаетъ Новгородъ Сѣверскій, 79. Довѣренность къ нему Годунова, 84 (138). Измѣняетъ Ѳедору Борисовичу, 85 (140). Любимецъ Димитрія, 89. Ходатайствуетъ за Тапищева, 90. Предостерегаетъ Димитрія, 93. Смерть его, 95 (156).

Безчестіе — beschest, 82—84.

Бернардины — Theologi e Cistercinsi ordine, сопутствуютъ Димитрію, 134.

Бертранъ де-Кассанъ — Bertand de Cassans, разсказываетъ Маржерету о Димитріи, 98.

Большой Приходъ — Bol'shoi Prichod, 43. Доходы его, 44.

Борисовъ — Borisof, 12. 78.

Борисъ (Годуновъ) — Borissius, умерщвляетъ Димитрія, 129. Казнитъ жителей Углича, 130. Домогается у Сигизмунда выдачи Димитрія, 133. Разставляетъ ему сѣти, 137. Отвергаетъ предложеніе Димитрія, 137. Споръ съ послами; 138. Смерть Бориса, 138. Гибель вдовы его и сына, 141. Дочь его наложница Димитрія, 141. Обвиняется въ чародѣйствѣ, 143. См. еще *Годуновъ*.

Бояре — Baiary: Думный-Domney 34. Конюшій-Conusnei, 51. Аптечный-Abtesqui, 51.

Бучинскій — Bouchinsqui, Секретарь Димитрія, ходатайствуетъ за Шуйскаго, 88. Предостерегаетъ Димитрія, 95. Свидѣтельство брата его о спасеніи Димитрія, 99.

Бѣлгородъ — Corod (*Bialogroda*), 12. 79. 136.

Бѣльскій — Belsqui, приверженецъ Годуновыхъ, 86.

Василій Іоанновичъ, см. *Шуйскій*.

Вельяминовъ — Villiaminoff, родственникъ Годунова, 86.

Верста — verst, virst, 9.

Винъ — Iacobus Winus, убитъ въ Москвѣ, 160.

Вишневецкій — Visnovetsqui (*Visnovitzius*), пріѣзжаетъ въ Россію, 90. Помогаетъ Ди-

митрію 104. Представляетъ его Сигизмунду, 132. Опасности въ Москвѣ. 159.
Власьевъ Аѳанасій Ивановичъ—Offernace Ioannevits Velaci (*Athanasius Rosclovius*) обручается за Димитрія съ Мариною, 88. 150.
Воеводы—Voyvodes, 54.
Вологда — Vologda: лучшія лошади, 61.
Воротынскій — Vorotinsqui, посланъ Димитріемъ за матерью. 86.
Выть—Voit, мѣра земли, 44.
Галичъ — Calits, родина Отрепьева, 105.
Георгъ Мнишекъ см. Мнишекъ.
Гинско Отіопелъ — Hinsko Otiopelus чародѣй, выданъ Димитрію, 136.
Голицынъ—Knes, Vacile, Juannevits, Calitchin предается Димитрію, 85.
Годуновъ Борисъ Ѳедоровичъ—Boris Federvits Codonof, укрѣпляетъ Смоленскъ, 9. 20. Шуринъ Царскій, 19. Удаляетъ Димитрія въ Угличъ, 20. Умерщвляетъ его 129. Поджигаетъ Москву, 21. Ошказывается отъ престола, 22. Избранъ Царемъ, 23. Серпуховскій походъ, 23. Пріемъ Крымскаго посланника, 24. Политика его въ отношеніи къ Русскимъ Боярамъ, 67. Ослѣпленіе Царя Симеона, 68. Прибытіе въ Россію Густава Принца Шведскаго, 69. Пріемъ и угощеніе пословъ иноземныхъ, 69—73. Всеобщій голодъ, 74—76. Іоаннъ, Принцъ Датскій женихъ Ксеніи, 76. Подозрительность и тиранство Годунова, 77. Явленіе Димитрія и война съ нимъ, 78—82. Смерть Бориса, 82. Гибель семейства его, 86. Тѣло его вырыто изъ Архангельскаго собора, 86. Политика Борисова, 103. Называетъ Димитрія Гришкою Отрепьевымъ, 105. Старается образовать подданныхъ, 110. Сила его, 114. Намѣреніе тайно погубить Димитрія, 114. *См. Борисъ*
Годуновъ Иванъ Ивановичъ—Juanevits Codonof (*Ioannes Hoduinus*), выданъ Димитрію, 85. 141.
Голова—Golova, 51.
Гонсѣвскій — Gosenskius, споритъ съ Димитріемъ о титулѣ Императорскомъ, 154.
Гревенбрухъ — Cerardus Cravenbruchius, 127.
Гривна—Crivene, цѣна оной, 50.
Гришка Отрепьевъ — Grisque ou Cregorij Otrepiof, 103. Общее мнѣніе, что Димитрій былъ Отрепьевъ, 105. Родство его, 105. Сосланъ Димитріемъ въ Ярославль, 105. Свидѣтельство его о Димитріи, 109.
Губный староста—Goubna Starast, 57.
Густавъ, Принцъ Шведскій пріѣзжаетъ въ Россію, 98. Сосланъ Борисомъ въ Угличъ, 69.
Данія—отечество Рюрика, 16.
Даточные люди—Datichney Ludei, 60.
Дворецкій—Majstre d'Hotel, 51.
Дворецъ—de Vorest, 43. Количество доходовъ его, 44.
Дворяне—Devorens: Выборные, —Vuiborne, 52. 58. Городовые, — Corodovoi, 58 Думные —Domney, 34. 59. Московскіе Moscoffqui 34. 59.
Дворянство—Noblesse, разныя степени, 34. Образъ жизни, 38.
Деньги—Dengi, Denins—цѣна ихъ, 50.
Десятина—Decetin, 44.
Десятникъ—Decetnic, 51
Димитрій Іоанновичъ— Demetrius Iohannes, сосланъ Борисомъ въ Угличъ, 20. 104. Спа-

сенъ отъ смерти, 20. 104. Вступаетъ изъ Польши въ Россію, 78. Осада Новагорода Сѣверскаго, 79. Разбитъ Русскою пѣхотою, 81. Удаляется въ Путивль, 82. Покорность Басманова и другихъ, 85. Вступленіе въ Москву, 86. Свиданіе съ матерью, 87. Коронація, 87. Замыселъ Шуйскаго, 88. Обрученіе съ Мариною, 88 Гвардія, 89. Свойства Димитрія, 89. Опала Татищева 90. Возмущеніе Казаковъ. 90. Переписка съ Царемъ Петромъ, 91. Пріѣздъ Марины въ Москву, 92. Бракъ съ нею, 93. Споръ съ Малаговскимъ, 93. Возстаніе Москвы и смерть Димитрія, 93. Сожженіе трупа его, 95. Перенесеніе мощей Св. Димитрія, 95. Тѣлесныя и душевныя свойства Царя Димитрія 96. 109. 110. 111. 113. 114. 115. 117. Молва о спасеніи его и свидѣтельство разныхъ лицъ, 97—103. Мнѣніе современниковъ о родѣ Димитрія, 103. Доказательства автора, что онъ былъ сынъ Іоанновъ, 104—117.

Димитрій—Demetrius Joannis Basilidae filius, воспитывается въ Угличѣ, 129. Умерщвленъ повелѣніемъ Бориса, 129. Молва о спасеніи его, 130. Мнимый Димитрій является въ Польшѣ, 131. Помощь Іезуитовъ, 131. Договоръ съ Георгомъ Мнишкомъ, 132. Учится въ Ливоніи языку Латинскому, 132. Письмо къ Папѣ Клементу, 132. Рѣчь Королю Польскому, 132. Походъ въ Россію, 132. Покореніе Чернигова и Путивля, 133. Обвиненъ Борисомъ въ чародѣйствѣ, 133. Разбитъ при Новѣгородѣ, 134. Оставленъ всѣми, 134. Молитва его, 135. Разбиваетъ при Рыльскѣ войско Борисово, 135. Помогаетъ Кромамъ, 136. Бездѣйствіе въ Путивлѣ, 137. Письмо къ Патріарху и Борису, 137. Осада Кромъ, 139. Покорность Басманова, 140. Вступленіе въ столицу, 142. Вырываетъ тѣло Борисово, 145. Разрушаетъ домъ его, 143. Милость къ Полякамъ, 143. Ссылка Бояръ, 144. Помилованіе Шуйскаго, 145. Упорство Псковитянъ, 145. Монета въ честь его, 146. Расточаетъ сокровища, 146. Коронація, 146. Свиданіе съ матерью, 147. Рѣчь Іезуитовъ, 147. Посольство къ Сигизмунду за Мариною, 148. Намѣреніе воевать съ Турками, 149. Обрученіе съ Мариною, 150. Свадьба, 151. Заботы. 152. Негодованіе Россіянъ, 153. Гвардія, 155. Титулъ Императорскій, 154. Волненіе столицы, 155. Безпечность Димитрія, 156. Возстаніе Москвы, 156. Извѣстія о смерти Димитрія, 157. Свидѣтельство о немъ матери. 158. Пасмѣшки, 159. Грамота Шуйскаго о его преступленіи. 164.

Діоткримъ—Diotkrim, 18.

Домараскій—Domarasqui, 80.

Дума—Conseil, 22. 55.

Думный Бояринъ — Domney Bayarin. 34.

Думный Дворянинъ — Domney Devorenne, 34.

Думный Дьякъ—Domney Diac, 55.

Дѣвичій монастырь—Deuitsi monasteri, 20. 77.

Дѣти Боярскіе—Deti Baiarski, 58.

Евреи нетерпимы въ Россіи, 28.

Екатерина, мать Сигизмунда III, въ темницѣ, 132.

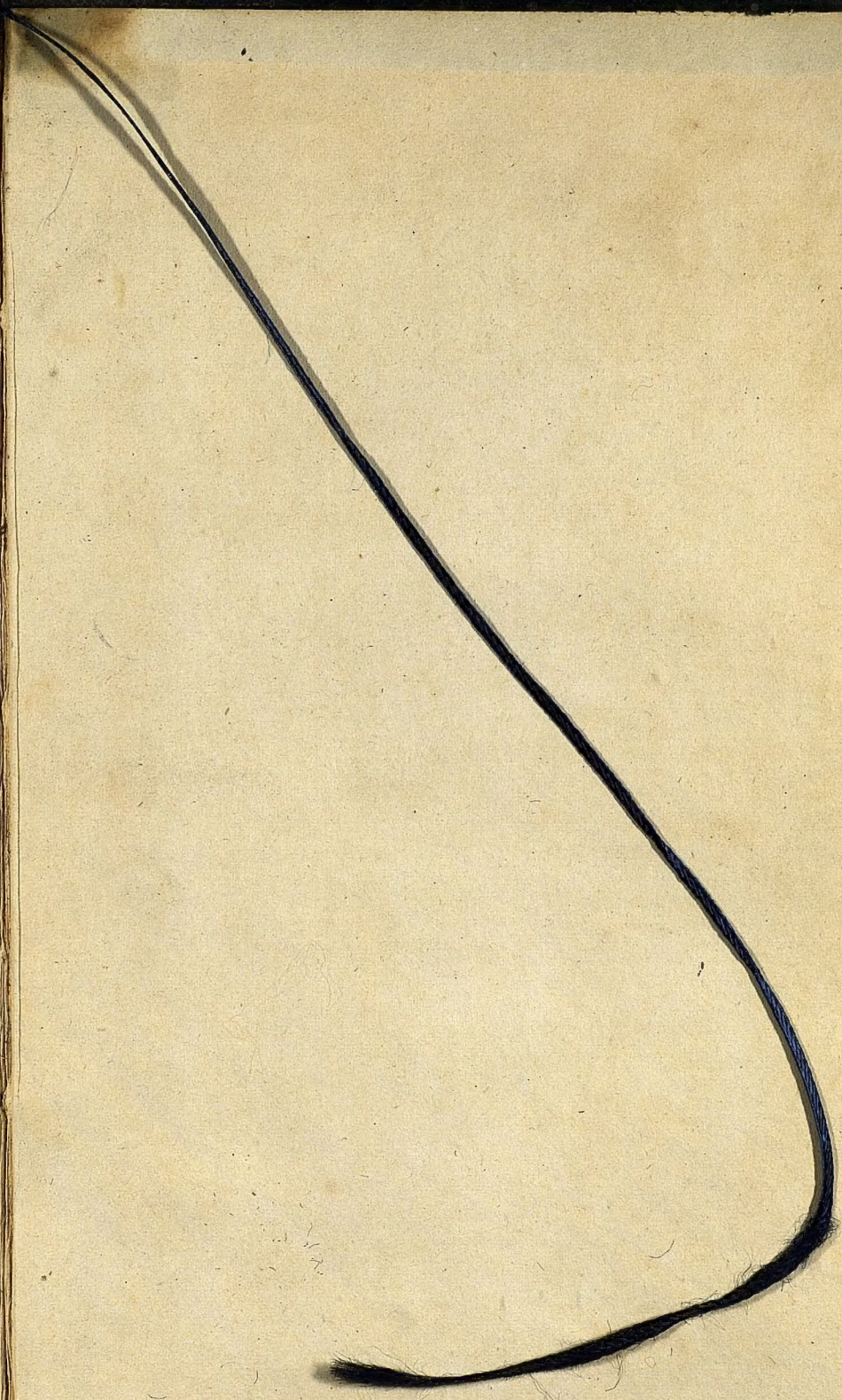
Елицъ—Ialeka, 136.

Елисавета Королева Англійская, 18.

Ерикъ Ericus, дядя Сигизмунда III, 132.
Ефимки—Reics Daller, 50.
Жильцы—Pages, 51.
Запорскій—Zaporius, обманываетъ Басманова, 139.
Иванъ городъ—Iuand Gorod, 34.
Іезуиты воспитали и приготовили Димитрія, 108. Помогаютъ ему, 131. Письмами ихъ пользуется де-Ту, 127. ободряютъ Димитрія, 135. пострекаютъ его, 147.
Іерусалимъ—Hierusalem, церковь. 27.
Іоаннъ Васильевичъ—Iohannes Basilius завоеватель Казани, 10; Астрахани и Сибири, 11. Получаетъ отъ Максимиліана шапко Императора, 16. Жены и дѣти его, 18 Смерть старшаго сына, 18 Прозванъ Мучителемъ, 18. Возволитъ на Русскій престолъ Царя Симеона, 19. Учреждаетъ Патріаршество, 25. Креститъ Евреевъ, 18. Наказываетъ Литовцевъ, 29.
Іоаннъ—Ioannes, отецъ Сигизмунда III, заключенъ въ темницу братомъ своимъ, 132.
Казаки—Casaqs (*Cosaci*): Заокскіе, 63. Донскіе и Днѣпровскіе, 63. Служба ихъ, 64. Сопутствуютъ Димитрію, 85. Казаки, обитающіе въ Подоліи и Чермной Россіи, 91. Разбои Волжскихъ Казаковъ, 91.
Казанское царство—Royaume de Casan, 9.
Казань—Casan, 9. 10. 12. 13. 91.
Казна—Casna, сокровища оной, 47.
Карачевъ—Caratschof, 78.
Карліоговія—Carmohovia, 134.
Кизель Баша—Kisel Bascha, 17.
Кнерліоковскій Іезуитъ—Cnermocovius, привѣтствуетъ Димитрія, 147.
Кнотсенъ—Cnotsemius, Капитанъ Димитріевъ, 153.
Колмогоры—Kolmengrod, 13.
Коломна—Columna, 34.
Конюшій Боляринъ—Conusnei Baiary, 51.
Копѣйка—Copek, 50.
Корела—Corelas, Казацкій Атаманъ, чернокнижникъ, 133.
Крайчій—l'Eschançon, 51.
Краковъ—Cracovie, обрученіе Димитрія съ Мариною, 88.
Кромы—Crom, (*Cromum*) покоряются Димитрію, 78. 80. 136.
Ланта—Lanta, Капитанъ Димитрія, 153.
Лапландцы—Lapes, 30.
Ливны—Liven, 12. 79.
Ливонія—Livonie, 12. 28.
Литва—Lithuanie, 12. 16.
Лихвинъ—Leptina, 136.
Ловицъ—And. Lovitzius, Іезуитъ спутникъ Димитрія, 135.
Лошади: Ногайскія, 61. Черкесскія, Турецкія и Польскія, 61. Русскія. 61. Достоинство ихъ 62.
Малаговскій—Malagosqui, посолъ Короля Польскаго, 92. споръ съ Димитр. 93.
Маржеретъ—Margeret *Iacobus Margeretus*) служитъ Генриху IV, 6. Удаляется изъ Франціи, 6. Приходитъ въ Россію, 7. Капитанъ тѣлохранителей Димитрія, 7. Разсказываетъ Генриху о Россіи, 7. Разсматриваетъ съ Димитріемъ сокровища Царской казны, 47.—49. Бесѣдуетъ съ Царемъ Симеономъ, 68. Капитанъ Гвардіи Димитрія, 88. Болѣзнь во время убіенія его, 97. (156). Отъѣздъ изъ Россіи, 97. Разговоръ съ разными лицами о смерти Димитрія, 98—99. Доказательства, что онъ сынъ Іоанновъ, 103—117. Знакомство съ де-Ту, 153.
Марина—Anna Maria, плѣняетъ Димитрія, 132. Обрученіе съ посломъ его, 150. Подарокъ Димитрія 150. Пуще-

шествіе въ Москву, 151. Свадьба и коронація, 151. Опасность ея въ Москвѣ, 160.
Марцелли—Marcellius, 169.
Маціовскій — Macieioveshius, обручаетъ Марину съ посломъ Димитріевымъ. 150.
Михаилъ Θеодоровичъ—Michaelis Theodori filius, 128.
Московки—Mascofques *и* Moscof, 50. 75.
Московское Государство — Moscicum imperium, испытываетъ голодъ и язву, 128.
Мнишекъ—Ciorgius Miecinsius Sendomiriensis Palatinus, заключаетъ договоръ съ Димитріемъ 131. Даетъ ему золото, 132. Разбитъ при Новѣгородѣ, 134. Удаляется въ Польшу, 134.
Мстиславскій---Knes Feder Iuannevits Mistisloftsqui, первый Вельможа при четырехъ Государяхъ, 59. Семейство его, 68. Главный вождь Борисовъ 79. Разбиваетъ Димитрія, 81. Преданность Годуновымъ, 86. Право на престолъ, 100. 140.
Набатъ—Nabat, 55.
Нагіе—Nagois, спасаютъ Димитрія отъ смерти, 104.
Нарва—Narva Шведскій городъ, 9.
Нарва Русская—Iuand-Gorod *ou* Narve, 34.
Натанъ—Nathan., спасаетъ золотомъ свою жизнь, 160.
Недѣльщикъ—Nedelsic, 38.
Немтескій—Nemtescius, 160.
Св. Николай—чудотворецъ, 25.
Св. Николай—приморская пристань, 9. 13.
Новая четь—Noua Setuart, 44.
Новая земля—Terre neufve, 12.
Новгородъ—Novo-Gorod, многолюдство его, 59.
Новгородъ Сѣверскій — Novogorod Seversqui, *Novogrodia*, осажденъ Димитріемъ, 79. Битва, 79. 134.
Нѣмцы-Germani, главные виновники успѣховъ Димитрія, 141.
Окольничіе—Acolnitshes. 35. 59.
Орелъ—Orla, прибытіе Димитрія, 142.
Отрепьевъ Гришка — Grisque Otrepiof, *см. Гришка.*
Патерсонъ—Petrus Patersonus Ubsaliensis, 127.
Подолія—Podolie, 12. 16.
Полушка — Polusques, 50.
Поляки — помогаютъ Димитрію, 78. Оставляютъ его, 80. Число убитыхъ въ Москвѣ, 93.
Послы иноземные, пріемъ и содержаніе ихъ 53—54. Аудіенція, 60—70., Утощеніе, 71.—74.
Правежъ—Prave, 38.
Приказы—Pricas: Разбойный—Rosboine, 37. Помѣстный 45. Конюшенный 45.
Псковитяне — Plescoviani, съ трудомъ покоряются Димитрію, 145.
Путивль—Poutimel, (*Putinna* и *Putivolus*) 34. 78. 105.
Пятигорскіе Черкесы—Petigorsqui Chercassi, 66.
Разстрига—Rostrigue, см. Гришка Отрепьевъ.
Расходная казна — Roschodnoy Casna 48. 49.
Романовы—Romanevits, спасаютъ Димитрія, 104.
Россія—Russie: Пространство, 9. Климатъ, почва и произведенія, 10—14. Дѣтевизна, 15. Происхожденіе Князей, 16. Титулъ ихъ, 17. Религія, 24 28. Духовенство, 25. Разные обряды. 27. Похороны, 30. Посты, 31. Полиція Государей, 33. Города и крѣпости, 34. Правленіе, 35. Судъ и расправа, 36.—38. Дворянство, 38—42. Доходы, 45.—46. Сокровища, 47—49. Монета, 50. Чины Государственные, 51—54. Войско, 54. Образъ войны съ Татарами, 55—58. Конни-

ца, 58. Оклады Сановниковъ, 59. Вооруженіе, 60. Пѣхота, 63. Провіантъ, 65 Внѣшнія сношенія, 66. Бѣдствіе Россіи при появленіи Димитрія, 127. Голодъ, 128
Россіяне — Russes: народныя свойства. 15, 16. 110. Степень образованности, — 26, 27. 84. Обычаи: похороны, 30. Постъ, 31. Образъ жизни Дворянъ, 38. Женщины, 39. Свадебные обряды, 40. Разные обычаи, 41. Врачеваніе, 42.
Рубль—Rouble, 50.
Рыльскъ—Rilsque (*Rilscum*) 78. 82. 134.
Рюрикъ—Ruric, Датскій выходецъ, 16,
Сабуровы—Saborof. 86.
Салтыковъ — Michel Saltocof, *Michelovitzius Soltekovius*). 85. Сдаетъ Путивль Димитрію, 153.
Самара—Samaria, 66.
Сендомирскій Воевода—Palatin Sandemier: договоръ съ Димитріемъ, 88. Предостерегаетъ Димитрія, 93. Сосланъ въ Угличъ, 96. *См. Мнишекъ.*
Сапѣга—Leo Sapia: пріемъ его Борисомъ, 69.
Сернуховъ—Serpo: смотръ войска Борисомъ, 23. 48.
Сибирское Царство — l'Empire ou Royaume de Siberie, 11.
Сигизмундъ---Sigismundus, принимаетъ Димитрія, 132. Отвергаетъ требованіе Бориса о выдачѣ его, 134 Посолъ Димитріевъ, 148. Отвѣтъ Короля, 149.
Симеонъ Царь — Tsar Simeon, взятъ въ плѣнъ Іоанномъ IV, 10. Возведенъ на Русскій престолъ, 19. Ослѣпленъ Борисомъ, 68.
Смоленскъ---Schmolensqui, укрѣпленъ Борисомъ, 9. 34. 59.
Сотникъ—Centenier, 51.
Сѣверское Княжество—LeDuché de Siversqui, *Severia*, отпалъ за Димитрія, 102, 136.
Стольникъ—Stolnic, 51.
Стрѣльцы—Straelites *и* Strelits, 52. 53. 63.
Стряпчій—Strepsik, 51.
Сынъ Боярскій—Sin Bajarski, 58.
Сѣраковскій—Nic. Ckerracovius, Іезуитъ спутникъ Димитрія 135.
Талеры—Talares, 128.
Татары—Tartares: Крымскіе, 11. Набѣги ихъ на Россію, 55—58 Ногайскіе, Nagaye, 11. 45. 66
Татевъ — Takmevius, сдаетъ Черниговъ Димитрію, 135.
Татищевъ — Michel Jgnatevits Tatishof, раздражаетъ Димитрія, 90. Убиваетъ Басманова, 94. Посланъ въ Угличъ за мощами св. Димитрія 95.
Терки—Tirc, 66.
Де-Ту—de Thou, Thuanus: извѣстіе о жизни и сочиненіи его, 121.—126. Мнѣнія его о Димитріи, 155. 168.
Тула—Thoula, 34. 86. 141.
Углицъ—Uglits (*Vielice*): мѣсто ссылки Димитрія, 20. Густава Принца Шведскаго, 69. Воеводы Сендомирскаго, 96.
Фидлеръ Каспаръ Casparus Fidlerus, 138.
Фидлеръ Константинъ—Constantinus Fidlerus 127. Сочинитель надгробнаго слова Борису, 138.
Царевъ-городъ—Zaragorod *и* Saragorod, 12. 78.
Царь—Zar *и* l'Empereur: Титулъ, 17. Власть 35. Доходы, 45. Сокровища, 47—49. Пиры, 71.
Царь-Петръ—Zar Pietre, 91.
Цесарь—Tzisar, 17.

Чашникъ---Tschesnic, 51.
Челари — Ambrosius Cellarius, убитъ въ Москвѣ, 160.
Червонцы—Ducats, 50.
Черемисы—Sheremisses, 10.
Черкесы—Shercassi, 66.

Черниговъ — Tcheringo, (*Zernigа*), 78. 133.
Четверть—Setuart, 32.
Четь—Setuart, 43.
Шереметевъ — Pieter Miquitevits Scheremetof, осужденъ Шуйскимъ, 100.
Шуйскій Князь Василій Ивановичъ—Knes Vasilei Iuanevits Choutsqui (*Suiscus*) возбуждаетъ подозрѣніе въ Борисѣ, 68. Вноситъ въ Димитр. 82. (140.). Неудачное памѣреніе свергнуть его, 88. (145). Убиваетъ Димитрія 93. (156). Восшествіе на престолъ, 94. Рѣчь его, 161. Перенесеніе мощей Димитрія 95. Опасность Шуйскаго, 99.—105. Обвиненіе Димитрія, 164.
Шуйскій Дмитрій, 68. 95.
Ярославль—Ierislaf, мѣсто ссылки Отрепьева, 105.
Ѳеодоръ Борисовичъ — Feder Borisuits, вступаетъ на престолъ, 84. Измѣна Басманова, 85. Мятежъ въ Москвѣ, 86. Смерть его и матери, 86. 141. Сестра его наложница Димитрія 141.
Ѳеодоръ Іоанновичъ домогается Императорскаго титула, 17. Трезвонитъ въ колокола, 19. 129. Смерть его, 21.